

Содержание

ПЕРМСКАЯ ТАНКОВАЯ БРИГАДА	4
Герой Советского Союза И. Кондауров - ИЗ Боевой летописи	5
С. Денисов, бывший командир Пермской танковой бригады - КОММУНИСТЫ бригады	13
М. Кузьминых - ОТ ОРЛА ДО ОДЕРА	17
Е. Решетников - ИЗ БРЯНСКИХ ЛЕСОВ — К ШАХТЕРАМ КИЗЕЛА	20
Г. Мотырев - ГВАРДЕЙСКОЕ ЗНАМЯ	23
А. Попов - ПО ВОЕННЫМ ДОРОГАМ	27
Герой Советского Союза, бывший командир Уральского добровольческого корпуса, генерал-лейтенант танковых войск в отставке Е. Белов - В БОЯХ ЗА РОДИНУ	30
В. Леденцов - БУДНИ МИНОМЕТЧИКА	35
Герой Советского Союза И. Никонов - ГЛАЗАМИ РАЗВЕДЧИКА	36
Бывший начальник штаба Пермской танковой бригады Б. Макшаков - ВОТ ОН -БЕРЛИН!	40
П. Кобелев - ЗНАМЯ НАД ШПРЕЕ	42
В. Чудинов - ЗАПАХ ПОРОХА И СИРЕНИ	49
С. Мерсон - ВТОРОЙ ЭШЕЛОН	50
В. Гофман - С ПЕСНЕЙ В БОЙ	52
И. Кондауров - БОЕВЫЕ НАГРАДЫ	55
А. Шуляковский - НАРОД ЧТИТ ПАМЯТЬ ГЕРОЕВ	59
ПЕРМСКИЕ МИНОМЕТЧИКИ	62
Герой Советского Союза И. А. Кондауров - СЛАВА ГВАРДЕЙСКАЯ	64
Герой Советского Союза В. К. Зыль - ДНИ БОЕВЫЕ	68
С. И. Бутырин - ПАМЯТНЫЙ СОРОК ПЯТЫЙ... ..	80
А. Д. Дюженков - РЕЙД В ТЫЛ ВРАГА	86
А. И. Клишин - МЫ — РОССИИ ДОЗОРЫ	95
Н. А. Шалагинов - ЭТО СОХРАНИЛА ПАМЯТЬ	99
П. И. Шумихин - МЫ — УРАЛЬЦЫ	102
П. В. Болотов - ОДИН БОЙ	104
А. Д. Лёвкин - ТАК СРАЖАЛИСЬ КОММУНИСТЫ	105
А. А. Андреев - НЕЗАБЫВАЕМОЕ	108
Б. И. Макаровский - НАШ ПУТЬ ПРОШЕЛ ЧЕРЕЗ БЕРЛИН	109
А. В. Новоселов - В ГОСТЯХ У ФРОНТОВИКОВ	112

*О/Колоса
Киселева Александра
Иванович*

ПЕРМСКАЯ ТАНКОВАЯ БРИГАДА

Сборник воспоминаний

Пермское
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 9 6 2

ПЕРМСКАЯ ТАНКОВАЯ БРИГАДА

Сборник воспоминаний
Пермское
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1962

Авторы этой книги — бывшие воины славной Пермской танковой бригады, которая в составе Уральского добровольческого танкового корпуса вписала немало ярких страниц в боевую летопись Великой Отечественной войны.

Бывшие танкисты вспоминают интересные эпизоды из своей фронтовой жизни, бои, проведенные при форсировании рек, взятии городов, разведку в тыл врага, вспоминают своих боевых друзей.

Составитель И. А. Кондауров

В суровые дни Великой Отечественной войны Урал превратился не только в мощную кузницу вооружения, но и базу резервов Советской Армии.

В первых рядах защитников Родины выступили коммунисты и комсомольцы. Пермская областная партийная организация направила в Красную Армию 20 839 коммунистов, или 51,4 процента своего состава, а областная комсомольская организация — 55414 человек, или 80 процентов своего состава.

В течение Великой Отечественной войны и особенно в ее первый период на защиту Москвы, Ленинграда, Сталинграда и на другие участки фронта Урал направил десятки различных формирований. Много боевых частей и соединений дал фронту Западный Урал.

Славный боевой путь, например, прошли Режицко-Валгинская Краснознаменная, Речицкая Краснознаменная, ордена Суворова, Ярцевская Краснознаменная ордена Ленина и другие стрелковые дивизии. Отважно защищали Родину уральцы. Их мужество оценил сам враг.

«Перед нами опять появились уральские черти,— жаловался в дни боев за Москву фашистский солдат Гельмут Берг. — Мы слишком хорошо знаем их по прежним боям, они сумасшедшие, упорные и сражаются даже тогда, когда тяжело ранены».

В решающий момент Великой Отечественной войны уральцы выступили с ценнейшей инициативой — создать добровольческий танковый корпус на свои средства и сбережения и снарядить его.

«Мы обязуемся, — писали уральцы в феврале 1943 года Советскому правительству, — провести комплектование этого корпуса на добровольных началах и сверх контингента людей, подлежащих отправлению в армию по плану Наркома Оборона. Мы берем на себя обязательства отобрать в Уральский танковый корпус безаветно преданных Родине лучших людей Урала — коммунистов, комсомольцев, непартийных большевиков».

Инициатива уральцев еще и еще раз подтверждает непреложность вывода В. И. Ленина о том, что «побеждает на войне тот, у кого больше резервов, больше источников силы, больше выдержки в народной толще» (В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 30, стр. 55).

Получив согласие правительства, партийные организации Урала развернули большую работу по созданию добровольческого корпуса. В начале марта 1943 года состоялся XI пленум Пермского обкома партии, который утвердил мероприятия по созданию нового соединения и выразил уверенность в том, что «партийные и непартийные большевики Пермской области, зачисленные в состав Уральского добровольческого танкового корпуса... будут достойны великих традиций Урала и гордо пронесут сквозь огонь грядущих битв за свободу, за честь и независимость нашей Родины славное боевое знамя уральцев».

Желающих отстаивать честь и независимость Родины в составе корпуса оказалось очень много: всего по Пермской области было подано свыше 40 тысяч заявлений.

«Считаю своим долгом перед Родиной, — писал, например, в своем заявлении бывший секретарь партбюро паровозного депо станции Пермь II А. С. Ермилов, — взять боевое оружие и очищать советскую землю от ненавистного врага. Приложу все силы, чтобы ту мощную уральскую технику, которая будет дана мне, использовать для уничтожения фашистского зверя».

С исключительной теплотой и заботой провожали добровольцев уральцы. Всем, начиная с грозной боевой техники и кончая предметами простейшего обихода, снабдили они своих земляков, изготовив все необходимое на своих предприятиях сверх установленных планов.

В оригинале отсутствуют страницы 5, 6

Не скучайте, друзья, жены, дети,
Будь уверен, Урал друг седой,
Не дадим мы врагу жить на свете
И с победой вернемся домой.

С этим маршем танкисты покинули родной край.

Вскоре в составе своего корпуса они прошли окончательную подготовку к предстоящим боям.

В новом смотре готовности корпуса к предстоящим сражениям, пермяки вновь вышли на первое место по боевой и политической подготовке.

Во второй половине июля 1943 года добровольцы корпуса перебазировались под Орел. 1943 год вошел в историю Великой Отечественной войны как год коренного перелома. Советская Армия, накопив опыт проведения крупных боевых операций, впервые осуществила в этом году большое летнее наступление.

Несмотря на данный ему урок, фашистское командование задумало в качестве «реванша» за Сталинград новое генеральное наступление. 5 июля 1943 года 38 немецких дивизий начали продвижение одновременно от Орла и Белгорода на Курск.

Гитлер громогласно объявил, что предстоит «последнее сражение за победу Германии». В бой были брошены большие танковые силы. Немцы применили новые тяжелые танки «тигры» и «пантеры», самоходные орудия «фердинанды». Но уже на седьмые сутки наступление фашистских войск захлебнулось. Советские Вооруженные Силы перешли в контрнаступление.

В эти исторические дни первое боевое крещение приняли уральские добровольцы-танкисты. Велики и ответственны были задачи уральцев. Им предстояло преодолеть водный рубеж — реку Орс, с крутыми и обрывистыми берегами, превращенными врагом в мощный оборонительный рубеж.

Длительные проливные дожди сделали непроходимыми полевые дороги: каждая лощина, каждый овраг и ручеек стали ловушкой для наших танков, машин и орудий.

Враг противопоставил соединению уральских добровольцев 25-ю мотодивизию, полк «Великая Германия», сводный добровольческий офицерский батальон, 18-ю танковую дивизию, части СС.

Но разве все это могло остановить уральцев?! Их гнев перерос в великую неистребимую ярость.

Идти в бой многие добровольцы пожелали только коммунистами и комсомольцами. За месяц до начала сражений ряды партийных организаций частей корпуса увеличились более чем на 20 процентов, а комсомольских организаций — почти на 30 процентов.

В первом же бою под командованием генерала Г. С. Родина уральцы шли впереди гвардейских частей своей армии. Эту великую честь они оправдали.

Пермская танковая бригада, выйдя из ожидательного пункта (северо-запад Орловской области), к 5 часам 27 июля сосредоточилась на исходном рубеже и получила боевую задачу: наступать в направлении Воиново— Сухачево— Воскресенское—Дятлово—Злынь. В 18 часов того же дня, пройдя местечко Свистово, пермяки принимают боевой порядок в две колонны и сходу форсируют реку Орс, которую обороняла 25-я мотодивизия фашистов.

Вплоть до середины августа 1943 года бригада ведет тяжелые и непрерывные бои с противником. За это время она форсировала также реку Нугрь и освободила населенные пункты Воиново, Калинино, Сухачево, Воскресенское, Сорokino, Петрово, Шахово и другие.

В бою за местечко Прилепы был ранен комбриг В. И. Приходько. Командование принял бывший начальник штаба бригады майор С. А. Денисов. Начальником штаба назначается майор Б. П. Макшаков.

Успешно закончив бои на Орловском направлении, в августе 1943 года части корпуса нанесли новый удар по врагу на Брянском направлении. Только за первые пять дней танкисты продвинулись вперед на 50 километров, очистили от захватчиков много населенных пунктов, вернули свободу 15 тысячам советских людей.

Брянской операцией заканчивается первый этап боев добровольческого корпуса. Затем он уходит на отдых в Брянские леса.

Уже на начальном этапе боевых действий пермяки получили высокую оценку командования.

«Особенно отличилась во всех боях Пермская танковая бригада: танкисты этой бригады только за 30— 31 июля уничтожили 1000 фрицев, в том числе 200 немецких офицеров, 38 пушек, 6 танков, 8 минометов, 3 бронемашин и т. д.», — указывало командование корпуса в письме на Западный Урал.

В первые страницы славной боевой летописи Пермской бригады по праву навечно занесены имена танкистов роты старшего лейтенанта Михаила Елкина — членов экипажей Владимира Маркова, Валентина Кушнарского, Михаила Бойкова и других, которые в боях с фашистами проявили негибкую волю к победе.

Получив задачу форсировать реку Нугрь и занять местечко Скородумки, рота коммуниста Елкина в течение 10 часов ведет непрерывные бои и четыре раза под кинжальным огнем противника атакует его позиции. Под все нарастающим напором добровольцев враг вынужден был отступить. В этом сражении только экипаж коммуниста Маркова, ныне Героя Советского Союза, уничтожил восемь немецких пушек и перебил до полусотни гитлеровцев.

Но враг хотел вернуть утраченные рубежи. Весь следующий день немцы, стянув крупные силы артиллерии и пехоты, контратаковали Скородумки. Ряды обороняющихся редели. К танку Елкина подобрался фашисты и хлорированной гранатой подорвали его. Раненый Елкин надел противогаз и огнем пулемета уложил гранатометчиков на месте.

Танк Маркова дважды был окружен немцами, и оба раза отважный лейтенант открывал верхний люк и уничтожал фашистов гранатами.

Как ни рвались фашисты, танкисты стояли насмерть, с честью выполняя приказ Родины.

При наступлении на станцию Шахово экипаж лейтенанта В. Кушнарского освободил пять тысяч угоняемых в немецкое рабство советских людей, вступив в единоборство с четырьмя немецкими танками. В ходе неравного боя танк комсомольца Кушнарского получил шесть пробоин и воспламенился. Отважный экипаж продолжал разить врага из горящей машины и погиб смертью храбрых.

Люди, освобожденные ими, похоронили героев у Мелового Ключа и посадили над могилой добровольцев четыре молоденькие яблони.

Легендарные подвиги совершила уральская мотопехота. Вдохновленные своим парторгом лейтенантом А. С. Ермаковым, мотострелки батальона не раз обращали в бегство отборные фашистские подразделения. В бою они использовали знаменитые «черные ножи» — подарки добровольцам от златоустовских рабочих.

Только в одном бою комсомолец Александр Шестаков, бывший рабочий Березниковского азотнотукового завода, с

помощью ножа и автомата «отправил к праотцам» шестнадцать гитлеровцев.

«Весь личный состав, — подчеркивало в итоге первых боев командование корпуса, — бился мужественно, смело, не щадя своей крови и самой жизни, выполняя боевой приказ, военную присягу, наказ трудящихся Урала и данную нами клятву уральцам».

Наиболее мужественные и отважные воины подают заявления с просьбой принять их в партию. Всего за полтора месяца с момента вступления в бои одна партийная организация корпуса приняла в свои ряды более 1140 добровольцев.

Родина высоко оценила боевые действия уральцев. После первых сражений танковому корпусу и всем частям, входящим в его состав, присваивается высокое звание гвардейских.

Победа Советской Армии на Орловско-Курской дуге поставила фашистскую армию перед катастрофой. Это отчетливо сознавали сами гитлеровские солдаты.

«В Орел, — говорил взятый в плен немец Курт Грюншидт, — я ехал... с мыслью сделать эту последнюю победу — и домой. Но я увидел, как горели «тигры» и «фердинанды», как мы бежали с позиций, на которых... сидели почти два года, и понял — все кончено, поток не запрудишь комком глины».

Боевые успехи добровольцев находились в прямой зависимости от работы тыла. С самого начала Великой Отечественной войны уральцы установили тесную и постоянную связь со своими земляками-воинами. Они переписывались с ними, обменивались делегациями, соревновались за лучшие показатели в бою и труде.

Не успели еще остыть от первого боя танки и орудия, как к танкистам в Брянские леса приехали делегации трудящихся из Челябинской и Свердловской областей.

Делегация трудящихся города Перми в гостях у танкистов.
Апрель—май 1943 года.

Представители Урала вручили своим землякам многочисленные подарки, письма. На этой встрече были подведены итоги первых боев.

Вскоре добровольцы посылают на Урал свои делегации. Одна из них прибывает в Пермскую область. Гости посетили предприятия, учреждения, вместе с земляками отметили 26-ю годовщину Октября.

Возвращаясь на фронт, добровольцы писали: «Через газету «Звезда» передаем всем трудящимся Пермской области от рядового, сержантского и офицерского состава 10-го Гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса искреннюю благодарность за теплую встречу, внимание и помощь, оказанные нашему соединению, и нам, его делегатам. За период пребывания в Перми мы воочию убедились, как наши отцы, матери, жены, братья, сестры и дети без устали куют фронту грозное оружие для беспощадного уничтожения немецко-фашистских захватчиков. Ваша героическая работа в тылу утраивает наши силы и вселяет в нас еще большую уверенность в окончательной победе над озверелым врагом... Уезжая на фронт, мы от имени всего состава корпуса заверяем вас, что гвардейцы-добровольцы отдадут все силы, а если потребуется, и самое дорогое — жизнь для окончательной победы над немецко-фашистскими захватчиками».

Делегаты 10-го Гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса гвардии старший лейтенант Шатров, гвардии капитан Тарасов, гвардии старшина Мотырев.

Москва, 15 ноября 1943 года».

Чтобы связь тыла и фронта была действенной и постоянной, командир корпуса учредил возглавляемую начальником политотдела корпуса гвардии полковником И. Ф. Захаренко постоянно-действующую комиссию по связи с Уралом, в которую вошло 18 добровольцев.

В обязанности комиссии вменялось:

1. Пропагандировать на Урале доблесть и героизм личного состава.
2. Организовывать переписку воинов с предприятиями и общественными организациями Урала.
3. Информировать добровольцев о трудовых победах уральцев, об их работе, о жизни, семьях танкистов.
4. Информировать тыл о том, как добровольцы выполняют наказ и свою клятву.
5. Посылать воинские делегации на Урал, принимать гостей оттуда.

В январе 1944 года в Пермскую область приехала вторая делегация добровольцев, в которую входили бывшие шахтеры Г. С. Голев, П. П. Мосейко, А. П. Одаренно и журналист Е. И. Решетников.

Делегация провела большую агитационную работу, которая содействовала резкому повышению добычи угля в Кизеловском бассейне.

Второй этап боевых действий уральцы начинают в марте 1944 года участием в Проскуровско-Каменец-Подольской операции. И на этот раз природа обошла своими милостями добровольцев. Из-за весенней распутицы подвижные части корпуса часто было невозможно своевременно снабдить боеприпасами, горюче-смазочным материалом и продовольствием.

Нередко приходилось выводить из боя танки и посылать их на буксировку колесных машин, чтобы подтянуть тылы. Особые трудности и лишения в этих боях выпали на долю пермских танкистов.

В марте, совершив длительный и очень трудный переход по весенней грязи, танкисты прибыли в район Чепелевки и буквально сходу бросились в бой. Действуя в оперативной глубине войск противника, добровольцы вели тяжелые танковые бои, которые не прекращались ни днем, ни ночью.

За короткий срок уральцы освободили населенные пункты Красилово и Западинцы, перерезали шоссе и железную дорогу Старо-Константинов—Проскуров.

В ходе этих боев враг понес большие потери в живой силе и технике. Было уничтожено 17 танков и самоходных орудий, 23 противотанковых пушки, 36 автомашин и 500 фашистских солдат и офицеров.

«Трудящиеся Пермской области вправе гордиться Пермской танковой добровольческой бригадой, — указывало после этих боев в своем письме на Урал командование корпуса. — Гвардейцы этой бригады некоторое время действовали в составе соседней с нами танковой армии. Военный Совет этой армии по окончании боевой операции дал весьма высокую оценку действиям наших танкистов и поблагодарил их за проявленное мужество и мастерство, за гвардейскую дерзость и самоотверженность в боях».

В конце марта бригада в составе Уральского танкового корпуса продолжает наступление на Каменец-Подольск. В

районе местечка Езержаны Тернопольской области танкисты столкнулись с крупными силами противника. 3 апреля враг, имея явное преимущество в живой силе и технике, окружил нашу бригаду. Противник решил уничтожить танковую часть, дерзнувшему далеко углубиться в его оборону. Добровольцы поклялись драться до последней капли крови. Только за один день 4 апреля они отбили двадцать яростных атак противника. 7 апреля пермяки, поддержанные действовавшей вместе с ними стрелковой дивизией, прорвали кольцо окружения и вышли навстречу подошедшим советским войскам. Враг понес большие потери. В этих боях пермяки во взаимодействии с другими частями освободили 160 населенных пунктов, четыре города: Проскуров, Каменец-Подольск, Красилон, Скалат; несколько районных центров: Западинцы, Холодец, Гусятин, Чемеровцы, Волковицы и уничтожили 2800 немецких солдат и офицеров.

Вскоре бригада вышла на отдых в леса, неподалеку от Тернополя.

«Личный состав, — указывало командование бригады, — показал бессмертный героизм».

Навеки прославили свои имена комсомольцы-командиры танков Глеб Белов и Николай Лихалитов. Это они в ночной атаке первыми ворвались в Западинцы и прошли все село под огнем самоходок противника. Враг в панике оставил важный рубеж.

Оба танкиста погибли как герои. «Я хочу быть кандидатом партии большевиков, и если умру, прошу считать меня коммунистом», — такое заявление было найдено в кармане убитого комсорга роты Белова.

Вдохновляемые своими командирами, начальником политотдела Е. М. Елуферьевым, его помощником Л. В. Шатовым, начальником штаба бригады Б.П.Макшаковым, добровольцы показывали в этих боях исключительные примеры мужества и отваги.

По 18 танковых атак имели к этому времени на своем счету бесстрашные танкисты Гапончик и Калиновский.

За время Проскуровско-Каменец-Подольской операции партийная организация Пермской танковой бригады выросла на 100 человек.

Еще больше поднялся боевой дух добровольцев, когда в части корпуса приехала делегация трудящихся Пермской области.

«В бою и в походе, — писало командование корпуса на Урал в марте 1944 года, — мы чувствуем вашу помощь и поддержку, вашу любовь и заботу о нас. Большую радость доставил нам приезд делегации трудящихся Пермской области. Нам особенно дорога эта встреча с земляками сейчас, когда мы ведем бои. Их рассказы о трудовых победах прославленных пермских оружейников, угольщиков и нефтяников, о подвигах богатырей стахановского труда Атрощенко, Чудинова, Дежина, Зои Синициной, Абубекирова и мастеров колхозного земледелия Вяткина, Муратова, Карелиной укрепляют нашу уверенность в победе и в близком окончательном разгроме врага».

14 июля 1944 года южная группа войск 1-го Украинского фронта после мощной артиллерийской подготовки начала наступление в Львовском направлении. Это был один из сокрушительных ударов, нанесенных Советской Армией по фашистским войскам в 1944 году.

Львовско-Сандомирская операция должна была стать третьим этапом боевой жизни уральских добровольцев. Советским войскам предстояло форсировать значительное количество больших и малых рек, пройти возвышенную равнину, перечерченную глубокими балками и оврагами, покрытую значительными массивами лесов. На их пути лежала глубоко эшелонированная вражеская оборона, насыщенная мощными огневыми средствами и большими силами немецко-фашистской группы армий «Северная Украина».

Добровольцы занялись напряженной боевой подготовкой. Особенно большая работа проводилась со вновь прибывшим с Урала пополнением. Во всех частях и подразделениях прошли митинги, собрания, беседы. И на этот раз добровольцы заверили советское командование в том, что они будут продолжать славные боевые традиции уральцев.

Новый этап боевых действий Пермская танковая бригада в составе своего корпуса начала 16 июля 1944 года. Войдя в узкую горловину, образовавшуюся под ударами наших войск в обороне врага в районе Колтув, танкисты решительно устремляются вперед. «Тигры», «королевские тигры», «пантеры», «фердинанды» и другая хваленая техника фашистов не могла противостоять русской «тридцатьчетверке».

За короткий срок пермяки освободили целый ряд населенных пунктов и ранним утром 22 июля подошли (с юго-восточной стороны) к Львову. Противник оборонял город одной танковой и четырьмя пехотными дивизиями, двумя пехотными, одним артиллерийским полками и другими частями.

Первым у Львова был 3-й танковый батальон под командой гвардии старшего лейтенанта Елкина. Батальон подвергся сильной бомбардировке и обстрелу вражеской авиации. Командир батальона был ранен.

Развивая успехи, достигнутые 3-м батальоном, 1-й танковый батальон в 7 часов врывается на окраину Львова и к 8 часам овладевает улицами Офицерской, Поля, Тарновского. 22 и 23 июля пермяки углубились к центру города на один километр. В 11 часов 30 минут 24 июля, сломив сопротивление противника, они овладели центром города и водрузили Красное знамя на здании театра на улице Первого мая.

Пермские танкисты освободили 24 улицы и площади города. В этот же день, по приказу командира корпуса генерала Е. Е. Белова, Пермская танковая бригада, заправившись горючим, захваченным у противника в городе, выступила на местечко Рудки, чтобы «не допустить отхода войск противника на Запад».

Вплоть до середины августа 1944 года в районах Навария, Самбор, Дрогобыч, Жовтанцы громили пермяки отходящие силы противника.

Исключительно ответственную задачу во Львовской операции выполнял действовавший отдельно от бригады второй танковый батальон под командой гвардии майора Шотина. Находясь в обороне в городе Золочеве, этот батальон стал своеобразным буфером, о который разбивались фашистские части. С 18 по 24 июля танкисты батальона отразили многочисленные атаки противника, так называемые «подковы», которыми гитлеровцы хотели «сжать» Золочев, чтобы выйти на соединение с главными силами, находившимися во Львове. Благодаря стойкости и храбрости танкистов врагу не удалось вырваться из окружения, и он сдался.

Таким образом, пермские танкисты, как и все добровольцы корпуса, успешно завершили летнюю операцию 1944 года, конечной целью которой было освобождение города Львова.

27 июля Львов был очищен от врага. За освобождение этого старинного украинского города Советское правительство наградило Пермскую танковую бригаду орденом Красного Знамени.

Уральский добровольческий корпус стал именоваться Львовским.

Подводя итоги летней операции, командование Пермской бригады не без гордости сообщало на Западный Урал: «Своими боевыми успехами, воинским счастьем мы хотим сегодня поделиться с Вами, дорогие земляки-пермяки...

Гвардейцы, совершив дерзкий маневр, подошли к областному центру Украины — городу Львову и первыми ворвались на его улицы. Впереди шли танки гвардии лейтенантов Красного, Кононец, Сумесева, Андрейченко. Смело и решительно действовали танкисты, автоматчики, разведчики, саперы.

...Экипаж гвардии лейтенанта Кононец во Львове, первым ворвавшись в центр его, уничтожил «пантеру», четыре орудия, четырнадцать огневых точек и десятки гитлеровцев. Его механик-водитель старший сержант Курбатов умело и дерзко вел боевую машину, он дрался до последнего дыхания и погиб как герой. Кононец и Курбатов представлены к присвоению звания Героя Советского Союза.

Освобождая прекрасный город Львов, посланцы Пермской области танкисты Мазихин, Баскаков, Волков, пулеметчик Патриков, разведчик-сапер Плечов и десятки других со своими боевыми товарищами и командирами громили и гнали врага...

Высокое мастерство и большевистскую стойкость показали наши офицеры и политработники — гвардии подполковник Колупаев, гвардии майор Шотин, гвардии капитан Битмаев, гвардии майор Клишко, гвардии старший лейтенант Ермилов..., гвардии подполковник Макшаков.

...Героизм и отвага личного состава высоко оценены командованием: сейчас в бригаде почти нет бойца или офицера, не имеющего ордена или медали, а десятки награждены дважды или трижды. Так мы дрались с проклятым врагом, выполняя свою клятву».

После Львовской операции бригада вновь ушла на отдых.

Народ Польши с благодарностью встречал Советскую Армию. Уральские добровольцы крепко подружились с населением близлежащих сел и деревень, бывали в гостях, а когда требовалось — то и помогали новым друзьям: копали картофель, обмолачивали собранный урожай.

Подготовка к следующим боям была длительной и упорной. В прифронтовой полосе было подготовлено много новых танкистов, которые потом с честью выдержали экзамен, устроенный врагом.

28 декабря 1944 года, когда вся бригада готовилась передислоцироваться к месту наступательных боев, над лесом вдруг появилось несколько самолетов противника, которые обрушили на головы танкистов целую серию бомб. Но добровольцы не дрогнули. Особенно отличились молодые танкисты младший сержант Г. Ергалеев и комсомолец сержант А. Казенков, которые несли караульную службу у боевых знамен бригады. За мужество и стойкость они были награждены медалями «За отвагу».

1 января 1945 года состоялась встреча воинов бригады с командующим танковой армией, дважды Героем Советского Союза генералом Лелюшенко Д. Д.

Командарм поблагодарил танкистов за выдержку, хорошую подготовленность к боям и поставил перед ними конкретные задачи в предстоящем наступлении.

1945 год стал годом окончательного разгрома германского фашизма. 12 января Советская Армия начала зимнее наступление по всему фронту от Балтики до Карпат.

В этот день после мощной артиллерийской подготовки в составе 1-го Украинского фронта уральцы входят в прорыв и ведут боевые действия в западном направлении.

Так начался четвертый этап в их боевой жизни — Висло-Одерская операция.

Танкистам предстояло преодолеть мощные оборонительные рубежи, уходящие на сотни километров в глубь занятой врагом территории.

Характерным для всего боевого пути уральцев является то, что им, как правило, приходилось действовать за линией фронта. В таких условиях требовались не только дерзновенность, храбрость и мужество, но и хладнокровие, помогающее ориентироваться в сложной боевой обстановке. Накопленный ранее опыт во многом содействовал успеху уральцев в боях на территории фашистской Германии.

Пермская танковая бригада начала в этой операции боевые действия 13 января на участке Пешхница — Гуменище — Подлесье (Келецкое воеводство).

Во взаимодействии с частями соседней танковой армии она сломила сильное сопротивление 16-й и 17-й фашистских танковых дивизий и 14 января овладела населенными пунктами Забвожье и Брудзув.

15 января после второй мощной артподготовки бригада с Пермским минометным и одним саперным полком штурмом освобождает местечки Воля, Моравица и занимает переправу через реку Чарна Нида. Продвигаясь дальше, бригада с боями освобождает 17 января город Коньске, а 18 января местечко Парадыз. В 11 часов 45 минут этого же дня она соединилась с частями войск 1-го Белорусского фронта, закончив этим самым оперативное окружение Вислянской (Радомско-Келецкой) группировки противника.

Парадыз был важным стратегическим пунктом, преграждавшим пути отступления противнику на Запад. Вот почему фашисты в течение дня штурмовали занятые бригадой позиции. Но благодаря мужеству и стойкости добровольцев путь врагу на Запад был закрыт наглухо. Потеряв 25 бронеединиц, 280 автомашин и более 2300 солдат и офицеров, фашисты отступили.

После проведения ряда оборонительных боев и форсирования реки Варта пермяки 23 января овладевают городами Трахенберг, Винциг и выходят на восточный берег полноводной реки Одер.

Фашистская пропаганда уже задолго до этого безудержно трубила о том, что русские навсегда будут остановлены на Одере, что наступление Красной Армии здесь захлебнется. Река еще не замерзла, по ней нельзя пройти, через нее надо прыгать, она станет рекой «немецкой судьбы», — говорила она.

Но предсказаниям фашистов не суждено было сбыться. 24 января 1945 года несколько танков бригады под командованием лейтенанта Волошина на большой скорости проскочили мост через реку Одер и ворвались в город Штейнау. Противник не ожидал такой быстроты и дерзости. На небольшую группу смельчаков обрушился смертоносный огонь артиллерии, танков, бронированных катеров, самолетов (только за четыре часа было сделано 250 самолето-вылетов), в действие включились большие силы отборных войск. Но все оказалось тщетным.

Вскоре основные силы добровольцев переправились через Одер в районе Кебен и вплоть до 8 февраля вели жестокие бои, расширяя созданный плацдарм. Фашистское командование перебросило из тыла и ввело в бой значительные резервы. Но все попытки врага сбросить прорвавшиеся за Одер советские танки не имели успеха.

Широкое применение тактики активной, маневренной обороны, наступательных боев, изоляции окруженных гарнизонов, разгрома резервов противника по частям обеспечили добровольцам полное выполнение поставленной задачи по расширению Заодерского плацдарма.

В ходе Висло-Одерской операции пермские танкисты уничтожили и захватили много вражеской техники: около 100 танков, 35 самоходных установок, 24 противотанковых пушки, 53 бронетранспортера, около 600 автомашин, уничтожили около 6000 фашистских солдат и офицеров.

В этих боях неувядаемой славой покрыли себя Л. В. Шатров—помощник начальника политотдела бригады, Т. С. Семькин — командир 1-го танкового батальона, А. С. Ермилов — парторг моторизованного батальона и другие.

Верные сыны Коммунистической партии Л. В. Шатров, Т. С. Семькин, А. С. Ермилов пали смертью храбрых на поле боя.

За форсирование реки Одер шесть гвардейцев бригады удостоиваются высокого звания Героя Советского Союза.

С 8 по 22 февраля Пермская танковая бригада ведет боевые действия в Германской Силезии, выбивает противника из населенных пунктов Обер, Пархау, Примкенау, Клейн, форсирует реку Бобер, занимает город Зарау, железнодорожную станцию Грабик и ведет тяжелые бои за реку Нейсе. 23 февраля 1945 года она выходит на кратковременный отдых и сосредотачивается в местечке Зейбница.

Так заканчивается сорокадневное наступление Вооруженных Сил Советского Союза.

«Наше зимнее наступление, — подчеркивалось в приказе Верховного Главного командования от 23 февраля 1945 года, — показало, что Красная Армия находит новые и новые силы для решения все более сложных и трудных задач. Ее славные воины научились теперь громить и уничтожать врага по всем правилам современной военной науки».

С 15 по 30 марта пермские гвардейцы в составе своего корпуса заняты выполнением частной (Нейсенской) операции и ведут тяжелые бои в направлении Оппельн — Ратибор.

Выйдя в исходный район Мерцдорф 15 марта, Пермская танковая бригада после полуторачасовой артподготовки прорывает сильно укрепленную оборону противника и овладевает населенными пунктами Вальдау, Винцбер.

16—17 марта пермяки в упорных боях занимают ряд населенных пунктов, форсируют реку Нейсе и овладевают местечком Ротхаус, создав этим самым условия частям корпуса для переправы через реку.

В дальнейшем, ведя тяжелые бои, Пермская танковая бригада заняла ряд населенных пунктов и города Оппельн, Ратибор, Бискау. В ходе этой операции уральцы уничтожили более 6000 немецких солдат и офицеров.

Особое упорство, мужество и героизм в прошедших боях проявил отряд танкистов во главе с командиром 3-го батальона М. И. Елкиным.

Выполняя боевую задачу, добровольцы далеко продвинулись вперед и заняли местечко Остердорф. Противник большими силами танковой дивизии «Великая Германия» и 78-й пехотной дивизии пытался сбить танкистов с занятых позиций. Но не тут-то было.

«Отряд гвардии капитана Елкина М. И., — подчеркивает командование бригады, — погиб в Остердорфе, но не отступил с занятых рубежей».

Родина удостоила Пермскую бригаду за освобождение польского города Кельце наименованием Келецкой, за взятие городов Оппельн, Ратибор, Бискау наградила орденами Суворова и Богдана Хмельницкого.

Танковая армия, в которую входили уральцы, за эти успешно проведенные операции удостоилась почетного звания гвардейской.

30 марта 1945 года пермяки выходят на отдых, получают пополнение и готовятся к штурму цитадели фашизма — Берлина. На подготовку к этой ответственной операции у танкистов было всего лишь 15 дней.

В бригаде разворачивается большая массово-политическая работа: проводятся партийные и комсомольские собрания, беседы, совещания по обмену боевым опытом, идет расстановка партийно-комсомольских сил по экипажам, расчетам, отделениям.

14 апреля состоялось собрание партийного актива Пермской бригады, которое призвало всех танкистов «в срок подготовить себя и свое подразделение к завершающим боям»...

Через два дня, ранним утром, мощным артиллерийским огнем по врагу наша Родина возвестила о начале крупнейшей стратегической наступательной операции второй мировой и Великой Отечественной войны. В бригаде состоялся митинг под девизом: «Даешь Берлин!»

«Мы, бойцы, сержанты и офицеры 62-й Гвардейской Пермско-Келецкой Краснознаменной бригады, — говорилось в решении собрания, — собрались на митинг перед всеобщим наступлением Красной Армии, поставившей себе целью сбросить в пропасть фашистского зверя. Мы клянемся Родине, своему народу..., что не пощадим своей крови и жизни для завоевания окончательной победы над фашистской Германией. Жгучей ненавистью к трижды проклятому врагу горят наши сердца. Ни один фашистский палач не уйдет от нашей священной кары. Смерть немецким захватчикам и рабовладельцам! Да здравствует наша Великая Родина!»

16 апреля 1945 года огромной стрелой, нацеленной в сердцевину фашистского логова, двинулись вперед войска 1-го Украинского фронта, в первых рядах которых шли уральские гвардейцы-танкисты.

Уральский добровольческий корпус получил задание — форсировать реку Шпрее, овладеть городом Калау, а затем повернуть на север и войти в Берлин с юго-западной стороны.

Пятый этап боевых действий Пермская бригада начинает под командой Героя Советского Союза гвардии полковника И. И. Прошина. Действуя в передовом отряде корпуса, пермские танкисты с приданными частями форсируют 16 апреля реку Нейсе, 19 апреля — реку Шпрее и, обходя крупные узлы сопротивления противника, подходят к Луккенвальде.

Противник спешно перебрасывает боевые резервы из глубины обороны и стремится создать мощный узел сопротивления у этого рубежа, чтобы остановить наступление южной группы войск маршала И. С. Конева и дать ей решительное сражение на подступах к Берлину.

Но замысел врага был разгадан. Пермская бригада получает приказ обойти справа Луккенвальде и стремительным броском ворваться на юго-западную окраину Берлина.

Эта исключительно ответственная задача выполняется пермяками с честью. Уже к 23 апреля, преодолевая огневые заслоны подразделений «фольксштурм», они с боем врываются в Штансдорф — в городскую черту Берлина. Во взаимодействии с 3-м батальоном Унеченской бригады и поддерживаемые авиацией с воздуха, танкисты форсируют канал Тельтов и занимают 25 апреля юго-западную и западную, а 26 апреля и северо-западную окраины Берлина.

Этим было закончено полное окружение Берлинской группировки противника, проведенное вместе с войсками 1-го Белорусского фронта, наступавшими с севера.

С 26 апреля по 2 мая танкисты бригады ведут упорные бои по овладению островами Ванзе и Пфауэн-Инзель, на которых фашисты сосредоточили много различной боевой техники и до 7000 своих солдат и офицеров. Пермяки дважды предлагали гарнизону островов сложить оружие. Но враг не сдавался. В 8 часов 2 мая бригада идет на решительный штурм. Поддерживаемые огнем танков, автоматчики с возгласами: «За Родину!» «Даешь Берлин!» идут в рукопашную. И на этот раз «Шварц мессер» (черный нож) заставляет трепетать фашистов. В 10 часов этого же дня гарнизон островов капитулировал. Это была долгожданная победа.

«Таким образом, — указывает командование бригады, — танкисты-пермяки седого Урала, наступая и участвуя в боях за Берлин, первыми вышли к каналу Тельтов, первыми его форсировали, первыми с боями ворвались на юго-западную и северо-западную окраины Берлина, завершив его полное окружение.

Так логово мракобесия, где сочинялись планы покорения народов Европы и нашей Родины, откуда начался поход против народов Европы и народов страны социализма, пало под мощными ударами Вооруженных Сил Советского Союза, частью которых являлись танкисты Урала».

Наказ земляков, свою клятву уральские добровольцы выполнили с честью.

В боях за Берлин танкисты проявили массовый героизм. Отважно дрались с врагом начальник штаба бригады полковник Б. П. Макшаков, командир автоматной роты Герой Советского Союза лейтенант А. В. Ерофеев, командир батальона Щербань, танкисты Шон, Зибарев и другие.

За массовый героизм, проявленный личным составом при штурме цитадели фашизма — Берлина, Пермская танковая бригада была награждена орденом Кутузова.

Шестой и последний этап боевых действий добровольцев начинается 5 мая 1945 года.

В этот день уральцы в составе своей армии вышли на помощь восставшему против фашистской неволи братскому чехословацкому народу. Не зная отдыха ни днем ни ночью, танкисты стремительным маршем через Карпатские горы, с боями, в пять дней преодолевают путь от Берлина до Праги.

В 4 часа утра 9 мая Пермская танковая бригада, выйдя на западную окраину Праги, при поддержке жителей столицы овладевает Дворцом Президентов, мостом через реку Влтава и вскоре выбивает фашистов из юго-восточного района Праги. Под ударами Советской Армии почти миллионная группировка фашистских войск, действовавшая в Чехословакии, капитулировала. 9 мая 1945 года советский народ праздновал День Победы.

«Теперь мы можем с полным основанием заявить, — указывалось в обращении Советского правительства к народу, — что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом».

В этот день столица нашей Родины — Москва дала последний благодарственный салют Советской Армии и в том числе уральским гвардейцам-танкистам, салют в честь освобождения Праги и окончательной победы над гитлеровской Германией.

Так закончился легендарный путь Гвардейской Пермско-Келецкой добровольческой Краснознаменной орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого танковой бригады. Этот путь равен почти четырем тысячам километров, причем добрая половина его пройдена с жестокими и кровопролитными боями.

«Все бои, проведенные бригадой, — говорилось в итоговом докладе командования, — характеризуются исключительным подъемом наступательного духа бойцов и офицеров, массовым героизмом гвардейцев, готовых на подвиги и самопожертвование во имя Родины, во имя победы».

За время боев партийная и комсомольская организации Пермской танковой бригады идейно выросли и организационно окрепли, они стали хорошими помощниками командования. Партийная организация приняла в свои ряды 900, а комсомольская — 350 лучших воинов бригады.

«И без преувеличения, с полным основанием можно сказать, что лучшими из лучших, первыми из первых во всех боях были коммунисты...»

«Комсомольцы бригады были первыми в рядах наступающих, верной опорой командира», — указывало командование Пермской бригады.

Боевые действия добровольцев на фронтах Великой Отечественной войны высоко оценены Советским правительством, народом нашей страны и всем прогрессивным человечеством.

Жители Каменец-Подольска, Львова, Берлина, Праги, Перми, Свердловска, Челябинска воздвигали и воздвигают памятники в честь боевых заслуг уральских танкистов.

Горячей благодарностью к танкистам проникнуты и многие письма, адресованные добровольцам.

«Мы знали, — заявил добровольцам крестьянин из города Подкозье Вассо Францишек, — что Красная Армия состоит из рабочих и крестьян, и только она нам поможет освободиться от рабства и угнетения фашистами. Чехи никогда этого не забудут».

«Дорогие наши сыны, воины-победители! — обратились к гвардейцам трудящиеся Пермской области. — От всего сердца поздравляем Вас с великой исторической победой над немецко-фашистской Германией. Трудящиеся нашей области восхищены ратными подвигами, гордятся мужеством, доблестью и героизмом гвардейцев-танкистов.

Вы в упорных боях с врагом с честью выполнили наш отеческий наказ. Вы провели свои танки через Днепр, Вислу, Одер и Шпрее. Вы вместе со всей Красной Армией водрузили знамя победы над Берлином, прославив в жестоких боях за свободу и независимость нашей Родины сделанное нашими руками оружие...

Мы гордимся тем, что в борьбе за победу наш край сыграл такую большую роль.

Недалек день, когда многие из Вас возвратятся в родной край. Этот будет большой праздник для всех нас. Встретим Вас как самых желанных и дорогих гостей».

И действительно, на встречу первого эшелона «Мы из Берлина» прибыли многочисленные делегации трудящихся. Тут же, на станции Пермь II, состоялся митинг, в котором приняло участие свыше 3000 человек. Это был торжественный праздник.

Все демобилизованные воины незамедлительно обеспечивались работой, им выделялись в порядке единовременной помощи значительные суммы денег.

Окончив победоносно войну и с честью выполнив наказы трудящихся и свои клятвы, уральцы вернулись к мирному труду. И как подобает бывшим фронтовикам, они и в трудовых буднях идут в первых рядах строителей коммунизма.

Железную волю воспитал Урал у своих сыновей. Эта воля, закаленная в горниле Великой Отечественной войны, в наши дни приобрела крепость булатной стали. А такую волю не сломить никакому врагу.

С. Денисов, бывший командир Пермской танковой бригады - КОММУНИСТЫ БРИГАДЫ

Рекогносцировка окончилась перед утром. Капитан Андреев еще раз посмотрел на передний край обороны про-

тивника, сверил ориентиры, участок наступления и вместе с остальными зашагал в свой батальон.

Вечером предстояла жаркая схватка. Пермская танковая бригада совместно с другими соединениями и частями должна была перерезать железную дорогу, шоссе Брянск — Орел, не допустить отхода противника, зажатого в Орловском выступе, разгромить его.

На танковые батальоны капитанов Андреева и Чижова выпала нелегкая задача — нанести главный удар по укреплениям фашистов, которые противник готовил в течение двух лет.

Выполнение задачи осложнялось тем, что почти все танкисты батальона еще не участвовали в боях. К тому же накануне прошли проливные дожди. А провести танк по разбухшему от воды грунту мог только опытный танкист.

«Как спланировать бой, что сделать, чтобы успешно выполнить боевой приказ», — об этом думал капитан Андреев, торопясь в свой батальон.

Вот и землянка, служившая одновременно и штабом батальона и местом отдыха командира.

Капитан откинул плащ-палатку, заменяющую дверь, и вошел. За столом, сколоченным из неровных и неструганых досок, сидел замполит и что-то писал. При появлении Андреева он сразу же встал и вопросительно посмотрел на командира. Андреев молчал. Тогда замполит не выдержал и спросил:

— Ну, как?

— Вечером наступаем, в восемнадцать ноль-ноль До атаки — два часа артподготовки, — ответил командир батальона.

— Волнуешься?

— А как же. Люди впервые идут в бой.

— Опасаться нечего. Все в батальоне коммунисты и комсомольцы. И все они добровольцы. А это — дело великое.

— Это и я сам понимаю. Народ наш боевой. Но ведь это первый бой.

— Мне думается, что им следует еще раз напомнить о предстоящей схватке.

— Что же ты предлагаешь, комиссар? — сказал Андреев.

— Проведем открытое партийное собрание. Короткий доклад о предстоящем бое и задачах коммунистов и комсо-

Танкисты на политзанятии.

мольцев сделаешь ты. О своем боевом опыте расскажет лейтенант Бойко. Он воевал немало. Был командиром машины, механиком-водителем, заряжающим. У него есть чему поучиться молодым танкистам.

— Времени в обрез.

— Собрание проведем за час. Думаю, что мы вполне уложимся. Основным будет выступление товарища Бойко. Я сейчас же пойду, поговорю с людьми. А ты пока занимайся своим делом.

Время пролетело быстро. Коммунисты Андреев и Бойко после партийного собрания обошли все танковые экипажи, проверяли, как люди подготовились к бою, знают свои задачи, беседовали, учили.

К переднему краю батальон подошел организованно и быстро. В небольшой рощице, побитой разрывами снарядов, приняли боевой порядок.

И сразу же заговорила наша артиллерия. Весь передний край фашистской обороны покрылся разрывами снарядов, огнем и черными шлейфами дыма.

Постепенно стена разрывов начала перемещаться все дальше и дальше. И когда она миновала небольшую высоту, находящуюся за третьей линией траншей противника, посветлевшее небо прочертила красная ракета. Это был сигнал танкистам начинать атаку.

— По машинам! — подал команду капитан Андреев, и буквально через минуту загудели десятки моторов.

Командир батальона видел, как ровно, точно на параде, провели молодые танкисты свои машины через окопы своих войск и начали преодолевать низину, которая от многодневных проливных дождей превратилась в сплошное болото.

«Вдруг оплошают», — подумал про себя капитан и хотел было передать по радию, чтобы танки шли на повышенной скорости, но не успел. Он увидел, как вперед выскочила «тридцатьчетверка» и на большой скорости проскочила заболоченный участок. Это была машина коммуниста Бойко.

«Молодец! Показал, как надо преодолевать препятствие», — подумал про себя Андреев и тут же увидел, как остальные танкисты перед самой низиной, точно по команде, одновременно увеличили обороты двигателей и с ходу преодолели низину.

Вот и первая траншея противника. Ее не узнать. Ее точно перепахали. Так же наши танкисты поступили со второй и с третьей траншеями.

Теперь батальон должен слегка повернуть вправо и, обойдя небольшую высоту, захватить деревню — опорный пункт немцев.

Противник уже пришел в себя от неожиданной атаки советских войск. Сначала нерешительно, но потом постепенно усиливая огонь, заговорила его артиллерия. Снаряды сначала рвались впереди танкового батальона, но когда он изменил направление, противник перенес огонь ближе к деревне, стремясь преградить туда путь танкистам.

У капитана Андреева сразу же мелькнула мысль: «Нужно быстрее подойти к населенному пункту. По своему опорному пункту фашисты вряд ли осмелятся стрелять так ожесточенно!»

— Вперед! Немедленно начать атаку деревни! — приказал он по радио и первым ринулся туда, где ожесточенно рвались неприятельские снаряды. Он знал, что для преодоления полосы заградительного огня потребуется не больше минуты, а если идти на предельной скорости — и того меньше. И он знал, что танкисты поймут его маневр, как поняли они и коммуниста Бойко, когда шли по заболоченной низине.

Маневр удался. Через несколько минут уральские добровольцы уже утюжили окопы противника, давили его минометные и артиллерийские батареи, доты и дзоты, пулеметными очередями косили гитлеровскую пехоту.

Когда разгром укрепленного пункта подходил к концу, вновь заговорила артиллерия противника. Теперь она вела огонь с опушки леса, где фашисты сосредоточили свежие силы и готовились для контратаки.

Приказав лейтенанту Бойко с танковой ротой довершить разгром опорного пункта, Андреев повел батальон в атаку на опушку леса.

Теперь снова исход боя решали скорость, умение вести точный огонь с ходу и с коротких остановок. Командиру батальона просто не верилось, что танкисты впервые в бою. Он видел, как умело они сражались, осмысливая каждый свой маневр, как точно вели огонь, поражая цели с первого-второго выстрела.

До опушки леса оставалось не больше полкилометра, когда в танк ударил снаряд, и машину резко повело в сторону. «Подбита гусеница», — определил Андреев. Капитан тут же чуть повернул башню и увидел слева противотанковое орудие. Около него копошилось несколько человек. Андреев привычным движением быстро навел свою пушку и выстрелил. Перед вражеским орудием взметнулся фонтан земли. Капитан послал еще снаряд, но в ту же минуту в танке раздался взрыв от вражеского снаряда. Механик-водитель и заряжающий были ранены, танк постепенно заволакивало дымом.

. Андреев подхватил обмякшее тело заряжающего и вытащил его из машины. Через минуту был спасен и второй танкист.

— Лежите. Сейчас пришло помощь, — крикнул он боевым товарищам и, подбежав к соседней машине, высадил из нее заряжающего.

— Найдите санитаров, окажите немедленную помощь раненым! — приказал он и вновь повел батальон в атаку.

В лесу был батальон пехоты, несколько минометных и артиллерийских батарей, самоходки.

Несмотря на численный перевес противника, советские танкисты смело бросились в атаку. Вскоре к ним присоединилась и рота коммуниста Бойко.

Противник пытался оказать сопротивление, но было уже поздно. Огнем из орудий танкисты уничтожили самоходки и батареи противника. Лишившись огневой поддержки, пехота пыталась укрыться в ложине и ближайшем лесу. Но туда уже ворвался батальон коммуниста Чижова. Он и довершил разгром остатков гитлеровского батальона.

Так отважно сражались воины под командой коммунистов Андреева и Чижова. В сложных условиях им приходилось действовать при разгроме Проскуровской группировки противника, в боях за Львов, у Самбора, за Берлин и Прагу.

Среди воинов нашей бригады особенно прославился батальон автоматчиков, которым командовал коммунист капитан Лысак.

Свой боевой путь батальон автоматчиков начал, как и вся бригада, с боев на Орловско-Курской дуге. Посаженные на танки автоматчики батальона смело вступали в бой часто с превосходящими силами противника и всегда выходили

победителями.

Особенно отличились автоматчики в январских боях 1945 года. Тогда после мощной артиллерийской подготовки наши войска прорвали фронт противника и устремились к границам Германии.

За первый же день наступления советские войска освободили сотни населенных пунктов.

На второй день противник начал приходить в себя, подтянул резервы и яростно контратаковал сначала наш левый фланг, а затем и весь боевой порядок корпуса.

Более двух суток мы отбивали контратаки противника, прокладывая себе путь на запад. В ходе ожесточенных боев бригада не раз бывала в тяжелых условиях. Так, 15 января, продвигаясь через огромные лесные массивы, бригада попала в полное окружение. Гитлеровцы бросили против нас отборные эсэсовские части, вооруженные фаустпатронами, и смертников, которые, используя лесистую местность, старались в упор уничтожить наши танки.

На борьбу с ними и был брошен батальон капитана Лысака.

Гвардейцы действовали смело и решительно. Мелкими группами автоматчики проходили через лесные заросли, уничтожали засады фаустников и, когда лес был очищен от смертников, нанесли неожиданный удар по эсэсовцам.

Смелость и отвагу проявили автоматчики при форсировании реки Одер, в захвате противоположного берега плацдарма.

Нам было приказано захватить мост через Одер на шоссе Винциг — Штейнау. Было известно, что фашисты готовили мост к взрыву, чтобы не дать возможности нашим войскам переправиться на противоположный берег.

Парторг роты гвардии лейтенант Волошин вызвался с несколькими танками и автоматчиками проскочить на противоположный берег и оборонять мост до прихода основных частей. На бешеной скорости добровольцы провели свой танк, и едва гусеницы коснулись противоположного берега, как раздался взрыв: немцы не выдержали и взорвали мост.

Танкисты и горстка автоматчиков оказались отрезанными от своих. Противник сразу же на них обрушил минометный и пулеметный огонь. Гвардейцы стояли насмерть. Особенно отличился пулеметный расчет отца и сына Ефремовых. Фашисты несколько раз бросались в атаку, но пулеметный расчет сметал вражеские цепи. На помощь горстке храбрецов командир танковой роты старший лейтенант Щербань подтянул свои танки. С противоположного берега он прямой наводкой помогал им отбивать атаки. Коммунист Лысак развернул и свой батальон, пытался организовать переправу через подорванный мост, но тут же был ранен. Его заменил парторг батальона старший лейтенант Ермилов. Он повел своих автоматчиков через реку, но был сражен вражеской пулеметной очередью.

Почти сутки удерживали небольшой участок советские гвардейцы. Фашисты несколько раз предлагали им сдаться, «о в ответ гремели выстрелы.

Многие герои погибли в неравной схватке, но не посрамили своей чести.

Так сражались коммунисты бригады. Смертью храбрых погибли коммунисты Андреев, Шотин, Куранов, Бойко и многие другие.

Боевые схватки с врагом закаляли воинов, росло и мужало их воинское умение и мастерство. Многие из них показали себя умелыми организаторами, отличными офицерами. Так, например, свою службу в нашей бригаде Михаил Бойко начал младшим лейтенантом. С первых же боев коммунист показал себя умелым воином. Вскоре он уже командовал

Братские могилы пермских танкистов под городом Штейнау.

ротой, а затем и батальоном. В бою за город Коньске коммунист майор Бойко не пощадил своей жизни ради победы над врагом и погиб смертью храбрых.

Давно отгремели бои. Бывшие воины-танкисты вернулись к мирной жизни. Война закалила их характер, волю. Они прославляют свою Родину самоотверженным трудом. Так, например, бывший командир танковой роты Дмитрий Слепуха вновь вернулся на родной экскаватор. Он строил Волго-Донской канал, Цимлянскую гидроэлектростанцию. Здесь за трудовые подвиги он был удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда и избран депутатом Верховного Совета СССР. Сейчас бывший гвардеец трудится на строительстве высотной Асуанской плотины в Объединенной Арабской Республике.

Бывший механик-водитель танка Герой Советского Союза Иван Кондауров стал преподавателем Пермского государственного университета.

В годы войны коммунисты бригады были в первых рядах защитников Родины. Теперь они — в первых рядах строителей коммунизма.

М. Кузьминых - ОТ ОРЛА ДО ОДЕРА

Шел второй год войны, а я порошу еще не нюхал. Иной раз было стыдно смотреть людям в глаза, особенно вернувшимся с фронта раненым товарищам. А женам погибших — хоть на глаза не показывайся...

Наконец не выдержал, пошел в райвоенкомат. Говорю, давайте повестку, оставаться в тылу больше не в силах. А военком спокойно отвечает:

— Вы пока нужны здесь. Потребуется — позовем.

Работал я тогда старшим механиком в совхозе Мулянка. Конечно, нужда в механизаторах была большая. Но меня — физически здорового и сильного человека — работа в тылу никак не устраивала. Ну как жить спокойно на Урале, когда враг топчет русскую землю, убивает советских людей?

Поработал месяца три и опять являюсь в военкомат. На этот раз мне повезло. Военком, как говорится, благословил меня на ратный подвиг и направил в формирующуюся добровольческую танковую бригаду.

Первое боевое крещение бригада получила в знаменитой Орловско-Курской битве.

Мы действовали между Орлом и Болховом, в направлении Коллонтаевки-Злыньки. Вот здесь-то я и понял, что такое война...

Служил я тогда шофером в саперном взводе при штабе бригады. Наши танкисты, вклинившись в оборону противника, взяли местечко Злынь и пошли дальше. Путь им преградила топкая речушка. Я на своем ЗИС-5 повез туда команду саперов, чтобы срочно навести переправу.

Вокруг стоял непрерывный гул, потрясавший землю и небо. Дорога, по которой мы ехали, насквозь простреливалась вражеской артиллерией. В небе неумолчно гудели самолеты. Не знаю, оставался ли хоть маленький клочок земли, где бы не разорвались снаряд, мина или авиабомба.

Еду на бешеной скорости, крепко сжимая баранку. Совсем позабыл, что в кузове сидят люди. Но, думаю, саперы тоже не хотели быть живыми мишенями для немецких летчиков и не сердились на водителя за «сверхтряскую» езду.

Проскочили благополучно. Вот и речка. Высадил солдат и жду команду: что делать дальше? Подбегает за пыхавший саперный майор. На потной щеке его запеклась тонкая струйка крови.

— Видишь хутор? Там разбирают сарай. Вези сюда бревна. Да побыстрей!

Садится ко мне в кабину Иван Топорков из деревни Дубровка Юрлинского района, которого я знал еще в тылу, и поехали.

Перед хуторком — ложок, бежит ручей. Вижу: топко. Так оно и есть — забуксовала машина, и мы засели по ось. А немцы лупят прямо по нам. Кругом рвутся снаряды, мины, подымая черные фонтаны грязи. Над головой кружат вражеские самолеты. Я выскочил из кабины и стою, не зная, что делать. Растерялся малость. Ведь первый раз в бою.

А тут прямо на меня пикирует «юнкерс», строча из пулеметов. Вижу черную свастику на крыльях. Думаю, все, кончено. И вдруг самолет резко качнулся, задымил и грохнулся на землю метрах в двухстах от нас. Только тут я увидел на пригорке автомашину с зенитным пулеметом. И мне стало стыдно за свой страх... Как же проехать? Медлить нельзя — минуты решают исход боя. А поблизости нет ничего такого, что можно бы бросить под колеса.

— Давай по снарядам? — кричит Топорков. Вдоль дороги валялись ящики с немецкими снарядами. Ими устилаем ручей. Но выехать никак не удается. Что делать?

Да простят нас люди, если поступили дурно — мы проехали по трупам фашистов, которые лежали в ложке. Иного выхода у нас не было.

Бревна разобранного сарая доставили куда надо, переправа была наведена в срок, и наши танки, форсировав речку, с боем взяли Коллонтаевку и двинулись дальше на запад, преследуя и уничтожая отступающего врага.

Весной 1944 года бригада овладела городом Славутой. Здесь мы увидели страшные следы зверства гитлеровцев.

На площади висит тридцативедерный котел. А в котле — это я видел своими глазами — плавают... человеческие кости! Фашисты сварили трупы истерзанных ими же советских детей и выставили напоказ для устрашения населения.

На окраине города нам показали свежую братскую могилу замученных патриотов. Длинной она была метров пятьде-

сят, шириной около двадцати. Это массовое убийство ни в чем не повинных людей было совершено фашистами незадолго до нашего прихода. Кое-как засыпанная могила представляла собой страшное месиво: размокшая глина смешалась с кровью.

Мы долго стояли с обнаженными поникшими головами, переполненные ненавистью к извергам-фашистам. Капитан Пелипейко из штаба бригады сказал:

— Поклянемся же, товарищи, отомстить за павших братьев.

— Клянемся! — тихо прозвучал многоголосый суровый солдатский ответ.

Бригада с боями пошла дальше на запад, освобождая города и села Западной Украины и Польши.

Все это время я оставался шофером саперного взвода. Задача наша была такая: наводить переправы, разминировать путь, гатить болота. Короче говоря, прокладывать путь танкистам. На своем ЗИСе я возил мины, снаряды, тол, капсюли, бикфордов шнур, стройматериалы для переправ. Словом, ездил как бы на пороховой бочке. Не раз машина взрывалась. Но мне как-то везло — оставался живым. Пересяду на другую машину — и дальше.

Перед Вислой вызывает меня Пелипейко, ставший уже майором, и говорит:

— Давай, Кузьминых, садись на танк.

Я, конечно, обрадовался. Давно об этом думал, да неудобно было самому напрашиваться. И вот — я механик-водитель замечательного танка Т-34. Фашисты боялись их как огня.

Под Воля Моравица (местечко на старой границе Польши с Германией) я участвовал в танковом сражении. Тяжелый был бой. Немецких танкистов поддерживали из засады «тигры» и мощные бронированные самоходные пушки. А мы, уйдя далеко вперед от главных наших сил, не имели никакой огневой поддержки. И все-таки крепко побили фашистов. Наш экипаж подбил два вражеских танка и один «тигр». Меня наградили орденом Отечественной войны.

В январе 1945 года наша бригада, ставшая уже гвардейской, вступила на немецкую землю. Это было волнующим событием. Танкисты салютовали из пушек, поздравляли друг друга. Письма на родину стали начинать словами: «Привет из Германии!».

Ночью 23 января подошли к Одере. Большая река, немного меньше нашей Камы.

По восточному берегу Одера под углом к нему проходила высокая железнодорожная насыпь. За ней мы и скопились. Дальше — мост через реку, за ним — город Штейнау, который нам предстояло взять.

На рассвете из-за Одера началась пушечная и минометная пальба. А мы сидим себе спокойно за насыпью. Сидим потому, что, во-первых, надо было подремонтировать машины и отдохнуть самим, во-вторых, мы еще не знали, как форсировать реку, а в-третьих, таков был приказ командования.

Поздно вечером на своем вездесущем «виллисе» примчался командир бригады полковник Денисов.

И вот собрал он нас у походного костра и говорит, не приказывает, а именно говорит, по-товарищески:

— Ребятки! Надо брать Штейнау. Как думаете, проскочим по мосту?

— Проскочим, товарищ гвардии полковник! — отвечаем мы.

— По всем данным, мост не заминирован. Но охраняется крепко, — добавляет комбриг, а сам пытливо всматривается в лица танкистов — проверяет нашу решимость.

Бывалые танкисты знают, что значит проехать по железнодорожному мосту, да еще ночью. Замысел более чем дерзкий и в случае удачи обеспечивал внезапное взятие Штейнау еще до подхода основных сил и общего форсирования реки.

Выполнение этой трудной задачи выпало на долю нашего 3-го танкового батальона. Выехали мы перед рассветом. Первым на мост вступил наш экипаж. За нами следом шли еще пять танков Т-34. На каждой машине сидели по десять десантников с автоматами.

Я пустил машину на полную скорость. На мосту поднялся страшный скрип и лязг металла — аж зубы ломило.

«А вдруг мост взорвется!» — билось в голове.

Ведь не знали мы точно, заминирован он или нет. Откровенно сказать, я боялся. Задергалась правая щека, как это бывало со мной в острые моменты боя. Думаю, что и другим было невесело.

Вот остался позади последний пролет. Впереди мерцают, как сквозь туман, редкие огни Штейнау. Видать, немцам не до светомаскировки. Вдруг мост сильно вздрогнул, и через какое-то мгновение сзади нас раздался оглушительный взрыв. Перед глазами словно молния сверкнула.

— Жми на полную! Мост взорван, — услышал я тревожный голос командира танка и невольно обернулся назад: как остальные?

— Прошли все! — радостно закричал командир.

Со взрывом моста немцы запоздали буквально на секунды. Это и решило исход нашего рискованного предприятия.

На полном ходу, с пушечным и пулеметным огнем врываемся в Штейнау. Ссаживаем автоматчиков и начинаем занимать город. Немцы оказывают отчаянное сопротивление. Почти из каждого окна бьют фаустники. Так называемые фаустпатроны были очень опасны для танков.

Смотрю: загорелся один наш танк, второй, третий... Невольно сбавляю ход. Лезть вперед было бы безумием. Ведь у нас нет пути назад — мост взорван. Мы полностью оторваны от своих.

Заработала немецкая артиллерия. Все чаще жужжат фаустпатроны. Стреляют с крыш, из окон и из-за каждого угла,

и стреляют метко. По улице движется большая колонна немецких автоматчиков. Маневрируя между домами, беспрерывно бьем из пушки и пулеметов. Наносим врагу большой урон, но вижу: без подкрепления города нам не взять. Задымил еще один танк — фаустники проклятые подбили. А мы все лавируем, стреляем, давим немецких солдат.

Вдруг машина моя слегка вздрогнула и остановилась. Удушливый запах гари ударил в нос.

— Горим! — слышу я из башни.

Командный состав и партийно-комсомольский актив бригады. Сидят во втором ряду, слева направо: работник штаба А. А. Суханов, начальник политотдела гвардии подполковник Е. М. Елуферьев, командир бригады гвардии полковник С. А. Денисов, помощник начальника политотдела Л. В. Шатров.

Что делать? Командир приказывает открыть люки. Делаем еще несколько выстрелов по врагу, и, вооружившись автоматами и насовав по карманам побольше гранат, покидаем машину, уже охваченную пламенем. Присоединяемся к поредевшим рядам десантников и бросаемся в бой. Кругом стрельба, раздаются недружные крики: «Ура!». Наших очень мало, всего несколько человек.

В рукопашной схватке занимаем каменный угловой дом. Превратив окна в бойницы, ведем круговую оборону. Что в это время делали наши уцелевшие танки — я не знаю. Наверное, сражались на другой улице.

Немцы бросили против нас женский батальон. Идут ровными рядами, без выстрелов — в психическую атаку. Подпустив близко, мы забросали их гранатами. Поднялся страшный вой и визг. Но колонна все идет, перешагивая через трупы. Положили мы их тут, наверно, человек двести. Остальные рассыпались по закоулкам и, стреляя из автоматов, стали окружать наш дом.

Оборонялись мы часа два. А с момента переезда через мост прошло уже больше трех часов. Подкрепления все нет и нет. Разве Одер так быстро форсируешь! Скоро у нас кончились боеприпасы. Пришлось прорываться врукопашную и отступить к Одеру.

Меня послали доложить командованию о случившемся. Скинув сапоги, я бросился в холодную воду и поплыл к восточному берегу. Вокруг меня со свистящим бульканьем ударяются о воду немецкие пули. Почему-то в тот момент я нисколько их не боялся — на воде они казались мягкими и вовсе не опасными. Боялся другого: как бы мускулы не свела судорога. Вода ледяная, а поплыл я потный, разгоряченный в бою.

Хоть и с большим трудом, но все-таки осилил я Одер. Прибежал на командный пункт. Докладываю. А дежурный офицер слушает и улыбается. Такое зло меня взяло, чуть не ударил его. А он говорит: «Поздравляю с победой! Пять минут назад наши взяли Штейнау».

Оказывается, пока мы дрались да отступали к Одеру, Денисов сумел форсировать реку, с другой стороны ворвался в город и взял его. Мне ничего не оставалось делать, как поздравить протянутой с поздравлением руку дежурного офицера.

Мне дали новый танк и оставили в Штейнау блокировать одну из подходящих к городу автомагистралей. А бригада пошла вперед.

Замаскировались в придорожных кустах и ведем наблюдение. Смотрим, идут два немецких транспортера. Когда они почти поравнялись с нами, я выехал на полной скорости на дорогу и сшиб их в кювет. Там они и сгорели вместе с людьми.

Снова сидим в кустах. Наша задача — не пропускать немцев в город. Примерно через час из-за поворота дороги

показались две танкетки. За ними шагает колонна пехоты: пожалуй, человек сто будет. Идут медленно, с оглядкой — до чего они стали боязливы.

Вот танкетки подъехали к километровому столбу, который стоял недалеко от нас, и остановились. Из машин выскочили трое немцев, подошли к столбу и смотрят: нет ли указателя. Указатель на нем уже был наш — показывал путь на Бреслау. Немцы забеспокоились. Стали что-то обсуждать, показывая руками в сторону Штейнау.

— Давай, Кузьминых, на полную! Танкетки в кювет, пехоту дави! — сказал командир.

Мы выскочили так внезапно, что немцы даже не успели сесть в машины. Радист уложил их из пулемета. Я с ходу протаранил обе танкетки, превратив их в металлолом, и бросился на пехоту. Что тут было! Короче говоря, почти вся колонна была уничтожена за несколько минут. Часть подавили, часть расстреляли из пулемета. Только человек десять успели улизнуть в кусты.

На другой день по радио получили приказ: сняться с охраны дороги и следовать на запад. Догнав свою бригаду, мы в составе танкового соединения генерала Лелюшенко с боями пошли на Берлин.

За одерскую операцию наш экипаж получил правительственные награды. Лично я был награжден вторым орденом Отечественной войны.

Е. Решетников - ИЗ БРЯНСКИХ ЛЕСОВ — К ШАХТЕРАМ КИЗЕЛА

Вернувшись с очередного ученья шестьдесят второй бригады, я зажег в землянке лампу-коптилку, сделанную из большой медной гильзы, затопил железную печурку, оттаял на ней чернила, превратившиеся в выстуженной за день землянке в ледяную кашу, и стал писать.

На самодельном столике, приткнутом к стене между двумя топчанами, было разложено все содержимое моей полевой сумки — карта района учений, письма земляков-уральцев, собранные танкистами для опубликования в «Добровольце», блокнот с сегодняшними записями и портрет Григория Голева.

Впечатления и мысли, обгоняя друг друга, рвались на бумагу, но закоченевшая на морозе рука еле выводила какие-то каракули. Хотелось скомкать и разорвать начатую рукопись, но в соседней землянке ее ждали машинистка, редактор и наборщики. К утру должен был выйти очередной номер газеты. И я писал о событиях минувшего дня, не обращая внимания на каллиграфию.

Прошел уже месяц, как я, уловив удобный момент, уехал из госпиталя в Туле и, опираясь на самодельную трость, предстал перед начальником политотдела родного Уральского добровольческого танкового корпуса.

— Вы хотите в строй? С незажившей еще раной, с тростью? Нет, нет! Автомата мы вам не дадим.

Но узнав, что я по профессии журналист, начальник подал мне свое «вечное» перо:

— Вот ваш автомат. Будете работать в «Добровольце».

Начались волнующие встречи с боевыми друзьями из мотострелковой бригады, с танкистами, артиллеристами, саперами и связистами. День я проводил в частях, вечер — за импровизированным столом в своей землянке. Личный состав корпуса готовился к новым наступательным боям, к стремительным рейдам в ближайшие тылы врага, к охватам и окружениям гитлеровских группировок.

На сегодняшнем учении танкистов отличился мой старый знакомый Григорий Голев. До войны мы не раз встречались с ним на шахте имени Урицкого. Сейчас с лежащей передо мной фотографии смотрел подтянутый гвардии старший сержант. Но синяя метинка на переносице — след от ссадины куском угля напомнил мне прежнего знатного кизеловского врубмашиниста Григория Голева, мирного по натуре человека, в брезентовой куртке и фибровой каске, со светящимся на ней прожектором аккумулятора, словом, такого, каким видел его в цикличной лаве у грохочущей врубовой машины.

На учении мы встретились на командном пункте бригады. Танкисты один за другим докладывали полковнику о выполнении задачи. В шлемах, в ватниках, с побагровевшими на зимнем ветру лицами, они казались близнецами-братьями. Стрелок-радист Голев лучше других использовал огневую мощь танка и поразил мишени. На его счету были уже подбитые «тигры» и «фердинанды». И сейчас он не столько учился сам, сколько передавал боевой опыт молодым танкистам.

...Устроившись на обрубке дерева у жаркого костра, разведенного ординарцами офицеров штаба бригады, мы наперебой рассказывали друг другу о своем участии в первых боях корпуса. Наше боевое крещение состоялось летом 1943 года на знаменитой Орловско-Курской дуге. Здесь был дан старт безостановочному наступлению Советской Армии. И мы, уральцы-добровольцы, сражались в составе той группы войск, которая с честью прошла первый этап героической эстафеты, и теперь готовилась выйти на исходные позиции, чтобы гнать врага с территории Украины.

Сидя у пылающего костра и отогревая прихваченные январским морозцем руки, мы с Григорием неожиданно для себя выяснили, что его танк в первых боях шел теми же оврагами, полями и перелесками, что и наша рота мотопехоты. И вполне вероятно, что во время атак я бежал с автоматом в руках за танком, в котором был мой друг-шахтер.

Фронт откатился далеко на запад, а мы еще стояли на отдыхе в знаменитых Брянских лесах. Давно уже отшумело солдатское празднество в связи с присвоением нашему корпусу звания гвардейского, героям первых боев вручены уже ордена и медали. Экипаж Григория получил новый танк. Я залечил раненую ногу. Стремление у всех одно: «Скорее бы

в бой». Вот и Григорий строит догадки, похожие на те, что я уже не раз слышал в других частях:

— Забыли, что ли, про нас?

— Нет, Григорий, не забыли. Ждут, когда обучим молодых бойцов, освоим новую тактику и... как тебе сказать? Развернется стальная пружина. И враг еще почувствует силу наших ударов. Словом, учись, дружище, и учи товарищей.

...Полевые занятия частей и подразделений корпуса шли ежедневно. Короткого зимнего дня не хватало, и я только ночью возвращался в расположение редакции, в свою маленькую землянку. Приходил, разжигал печурку и садился писать. Сегодняшняя встреча с Григорием Голевым дала отличный материал: отважный в боях танкист показывает пример и в повседневных трудах ученья... Есть боевые эпизоды, есть знание души человека и, значит, есть на чем воспитывать читателей «Добровольца».

В самый разгар моей работы над корреспонденцией в землянку вошел посыльный:

— К начальнику политотдела! Приказано побыстрей. Снег повизгивал под сапогами, мороз трещал где-то в сучках могучих сосен Брянского леса. Я шел знакомой тропой, извивающейся между стволами деревьев, и строил догадки: «Боевая задача? Но вызвали бы редактора. Материал для газеты? Но почему ночью?»

— Поедете на Урал, в Кизеловский угольный бассейн,— объявил начальник политотдела официальным тоном и тут же пояснил:

— Не на побывку, а работать, выполнять боевое задание. Командование корпуса назначает вас руководителем делегации.

Это было такой неожиданностью, что я не мог сразу сообразить, какое же боевое задание может выполнить солдат в глубоком тылу. Мое недоумение, должно быть, было столь заметным, что начальник политотдела рассмеялся:

— Сейчас разберемся, — он усадил меня за стол и громко позвал:

— Иван Петрович!

Из второй комнаты большой политотдельской землянки, обставленной с фронтовым «комфортом», вышел пожилой человек в гражданском костюме. Ба, да ведь это Иван Петрович Иванов — работник Пермского обкома партии!

— С угольком у нас плохо, — начал Иван Петрович, — Донбасс-то, знаешь ведь, в оккупации был. Когда еще восстановят там шахты? Кизеловцы сейчас и в Москву свой уголек шлют. Его и так не хватает, а тут еще почти половина шахт плана не выполняет. Среди шахтеров много новичков. Организованности недостает. Приободрить надо шахтеров, а иных из них и пристыдить. У кого на это больше морального права, как не у кизеловцев-фронтовиков?

Иван Петрович положил передо мной кипу бланков. «Боевое задание, — читал я, — командования и личного состава 10-го гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса коллективу...» Ниже была пустая строка, в которую нужно было занести название шахты, участка или бригады. Еще ниже — место для цифр боевого задания. Все бланки были уже подписаны генералом — командиром корпуса. Оставалось только ехать в Кизеловский бассейн и включаться в массово-политическую работу, начатую уже на шахтах областной партийной организацией.

Мы долго и подробно обсуждали детали предстоящей агитации на шахтах с начальником политотдела и Иваном Петровичем.

К утру был написан текст открытого письма бойцов и командиров корпуса к шахтерам Кизела. В нем говорилось:

«Дорогие товарищи!

До нас дошла весть о том, что вы — кизеловские шахтеры — выступаете в Пермской области застрельщиками социалистического соревнования в честь 24-й годовщины Красной Армии и принимаете на себя обязательства по досрочному выполнению плана угледобычи. Наградой тем коллективам, которые добьются первенства в соревновании, будут учрежденные облисполкомом и обкомом ВКП(б) переходящие Красные знамена имени 10-го гвардейского Уральского Добровольческого танкового корпуса.

Родные земляки! Знамя нашего корпуса — это знамя непобедимой советской гвардии, это знамя славы и доблести уральцев в бою и в труде. В огне жестоких сражений заслужили мы высокую честь быть гвардейцами.

...Уверены, что и вы, кизеловские шахтеры, проявите в труде... новый подвиг во имя победы нашей Родины над немецкими извергами. Страна и фронт дают вам боевое задание:

— Еще больше и больше угля!»

Письмо зачитывалось и обсуждалось в частях и подразделениях, а мы — четыре посланца воинов-добровольцев — вместе с Иваном Петровичем Ивановым уже ехали на родной Урал. В составе делегации были шахтеры Кизеловского бассейна: гвардии старший сержант П. П. Мосейко, гвардии старшина А. П. Одаренко и гвардии старший сержант Г. С. Голев.

— Ну вот, Гриша, — сказал я в вагоне своему другу-врубмашинисту,— мы и дождались с тобой нового боевого задания.

Голев не ответил. Он смотрел в окно на заснеженные поля и думал о чем-то своем.

— Ты что же, недоволен?

— Как это «недоволен»? Домой ведь едем! Только вот неловко как-то чувствую себя. Корпус вот-вот снимется из Брянских лесов и уйдет на фронт... А мы? Получается,— от боевой работы уехали...

Но наша работа на шахтах Кизеловского бассейна тоже оказалась боевой и напряженной. Помнится, сошли мы утром с поезда в Губахе и сразу на шахту имени Калинина. Несколько минут побыли в парткоме, познакомились с

месячными и суточными сводками добычи угля и разошлись по кабинетам начальников отстающих участков. Шахтеры уже собрались на наряд. Инженер Петр Мосейко сразу попал в объятия товарищей. После первых приветствий, поздравлений с боевыми успехами и наградами шахтеры поставили перед гостем главный вопрос дня:

— Ну как там, на фронте?

— Не плохо. До Берлина решили гнать Гитлера. А вот у вас — и Мосейко, что называется, перешел в наступление. — А у вас, вижу, дела неважные — не держите своего слова. Мы выполняем добровольческую клятву, которую, помните, давали вам, когда уходили на фронт, а вы свою — нет...

Такой же прямолинейный разговор вели с шахтерами отстающих участков и другие члены нашей делегации. Рабочие по-свойски рассказывали о недостатках организации труда, называли по именам виновников... Словом, к началу митинга, состоявшегося перед спуском первой смены в шахту, мы уже знали, кого здесь нужно поднять на щит славы, кого покритиковать, а кого пристыдить...

— Мы с вами, — начал я свое выступление на митинге, — солдаты одного фронта. Без вашего угля нет металла, нет танков и пушек. Наступление на врага начинается в ваших забоях и лавах. Выполняя ваш наказ, мы, уральцы-добровольцы, в первых же боях завоевали звание гвардейцев фронта. Ваша святая обязанность — быть гвардейцами тыла, бесперебойно снабжать углем топки электростанций и заводов...

Шахтеры стояли плечом к плечу и слушали с напряженным вниманием. Я рассказал о боевом пути корпуса, о мужестве и боевых подвигах Петра Мосейко, Григория Голева, Александра Одаренко, стоявших здесь, на импровизированной трибуне, о находчивости коспашского шахтера Петра Потемкина, сумевшего взять в плен целое отделение немцев, не имея в диске автомата ни одного патрона, о боевых подвигах губахинцев Петра Гамарского и Михаила Булгакова, о том, как кузнец с шахты «Нагорная» Петр Смоляной, состоявший батальонным поваром, в ответственный момент боя пришел на помощь товарищам...

— Свою моральную силу, свое мужество, свою волю к победе добровольцы-танкисты воспитали и закалили на шахтах и заводах родного Урала. Это вы, ваш славный рабочий коллектив воспитал таких замечательных бойцов за Советскую Отчизну, как Петр Мосейко и Петр Гамарский. Мы были уверены, что вы трудитесь так же успешно, как и прежде, что вы надежно подпираете фронт. И вдруг такая неприятная новость — шахта имени Калинина не выполняет плана. Нехорошо, товарищи, получается...

— Мы подтянемся, — загремел откуда-то из заднего ряда зычный бас. И тут одна за другой посыпались реплики:

— Будет уголек, дадим!

— Гоните только немца скорее...

По всему производственному комбинату шахты живой волной прошел гул одобрения — будет уголь, будет! Когда я стал зачитывать и вручать начальникам участков, горным мастерам и бригадирам боевые задания командования и личного состава корпуса, шахтеры подступили к самой эстраде, стояли плечом к плечу, как солдаты в строю. А перед ними также плечом к плечу стояли мы — посланцы добровольцев-танкистов.

Начальники участков, горные мастера, бригадиры один за другим поднимались на эстраду. Первым боевое задание получал начальник передового участка.

— Вы хорошо работаете. По поручению командования и личного состава корпуса объявляем нашу фронтовую благодарность.

Но с командирами отстающих коллективов разговор был другой:

— Плохо, товарищи, поддерживаете фронт, плохо! Порядка, дисциплины у вас нет на участке. Бойцы и командиры Уральского добровольческого танкового корпуса недовольны вашей работой. Солдаты воюют за Родину, не щадя своих жизней. А вы?! На вашем участке плохо организован труд, нет спайки, взаимной выручки...

— Правильно! — зазвенел женский голос. — Вы его покрепче проберите. Не работой, пьянством занялся...

— А позор всем нам, — снова зарокотал знакомый уже бас. — Всему участку позор.

По лицу начальника участка крупными градинами катился пот. Пристыженный, он стоял перед нами, опустив голову. На него пристально смотрели из-под шахтерских касок сотни пар глаз. Зал замер в ожидании.

— Товарищи, — одними губами прошептал начальник участка и, приподняв руку с зажатым в ней бланком боевого задания, уже громко сказал: — Я все сделаю, все, что в силах. Мы выполним это фронтовое задание.

...За дни работы нашей делегации на шахтах Кизеловского бассейна много было объявлено благодарностей гвардейцам труда. Но немало было сказано и слов упрека тем, кто не выполнял государственного плана. Уже на второй день нашего пребывания в бассейне по просьбе местных партийных организаций программа работы делегации была значительно расширена. Каждый день рано утром мы разъезжались по шахтам, а вечером всем составом делегации выступали в каком-нибудь шахтерском клубе.

В Кизеле нам уже сообщили об успешном выполнении боевых заданий корпуса горняками Губахи и Половинки. Приятно было узнать, что даже шахта имени Калинина, находившаяся до тех пор в глубоком прорыве, в последние дни стала уверенно наращивать добычу. Это было прямым результатом большой организаторской и массово-политической работы партийных организаций и хозяйственных руководителей бассейна, в которой принимала самое непосредственное участие и наша делегация фронтовиков.

На шахтах имени Ленина, имени Володарского и № 6-«Капитальная» были заполнены и вручены последние бое-

вые задания, подписанные командиром корпуса. А между тем, делегацию ждали на шахтах Коспаша. В кабинете управляющего трестом «Коспашуголь» К. В. Шалимова собрались секретарь горкома, инструктор обкома, члены нашей делегации.

На столе лежала стопка бланков боевых заданий, уже заполненных, но не подписанных нашим генералом. Как тут быть? Не вручать же шахтерам задания неподписанными? Константин Васильевич Шалимов пододвинул ко мне чернильницу, ручку и сказал:

— Подписывай.

— Но я ведь не генерал?!

— Зато руководитель делегации, — сказал секретарь горкома. — И, значит, облечен доверием всего корпуса.

Я подписал всю стопу боевых заданий и, признаться, вскоре забыл об этом. Но горняки Коспаша, как оказалось, даже после войны помнили этот эпизод военных лет. Вернувшись с фронта и работая снова корреспондентом «Звезды» по Кизеловскому угольному бассейну, я приехал однажды на шахту № 39. Бывший начальник этой шахты Мостовой провел меня к себе в кабинет, пригласил главного инженера, начальников участков и сказал:

— Сейчас мы отчитаемся о выполнении боевого задания.

Я смотрел на него с удивлением, не понимая, о чем идет речь. С момента приезда в бассейн нашей делегации прошло больше двух лет. За это время с частями корпуса мне довелось побывать в Польше, Восточной Германии, в Венгрии, Австрии и Чехословакии. Среди множества переживаний и впечатлений случай с подписанием боевых заданий как-то сгладился в памяти.

Мостовой открыл сейф, извлек из него знакомый бланк и положил передо мной.

— Читай, как мы выполнили задание, — сказал он. — Ты ведь подписывал и вручал.

Колонка цифр, старательно выведенных красными чернилами, свидетельствовала о перевыполнении боевого задания всеми участками шахты.

— Как видишь, — сказал Мостовой, — мы сдержали свое слово. Тогда, в памятные дни января 1944 года, коллектив нашей шахты преодолел отставание и до сих пор работает успешно. Поэтому я и берегу это боевое задание и часто напоминаю о нем шахтерам.

Перелом в работе в январские дни 1944 года произошел не только на шахте № 39, а во всем бассейне. Весь 1944 год, да и в последующие годы шахтеры Кизеловского бассейна перевыполняли государственный план. В тяжелые годы войны горняки учились сплоченности и самоотверженности у воинов-добровольцев, а наши танкисты черпали свою моральную и материальную силу для победы над гитлеровскими захватчиками на родном Урале — в труде шахтеров, металлургов, машиностроителей.

Г. Мотырев - ГВАРДЕЙСКОЕ ЗНАМЯ

Это было перед наступлением на Каменец-Подольск.

На всю жизнь запомнил я осенний день в лесу. Бригада только что вышла из боя, и наши грозные «тридцатьчетверки», укрытые между деревьями, отдыхали после тяжелой боевой работы. Наступила непривычная тишина, прерывавшаяся лишь редким гулом моторов да негромкими голосами.

Всем стало известно, что бригада удостоилась гвардейского звания и что приехал сам генерал Е. Е. Белов — командир Уральского танкового корпуса, чтобы вручить нам гвардейское знамя. Все — от командира бригады до каждого рядового — с нетерпением ждали этого момента.

Утром ко мне подошли командир бригады С. А. Денисов и начальник политотдела Е. М. Елуферьев.

— Знамя будем сегодня принимать, — сказал Елуферьев. — Вы, Мотырев, пойдете ассистентом знаменосца.

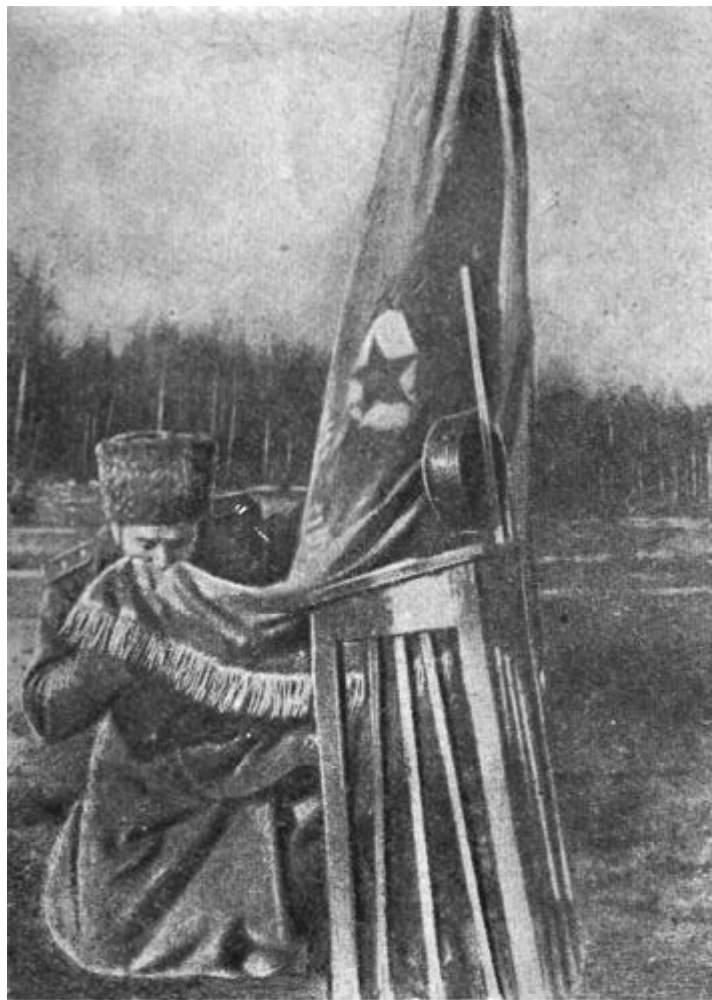
— Есть! — ответил я.

Хотелось, конечно, сказать многое, но почему-то не находилось слов. Я понимал, что на мою долю выпала большая честь, но чувства свои выразить не мог.

Быстро прошло время до построения, и вот на широкой поляне, на естественном плацу, замерли ряды танкистов. Все говорило о большом торжестве — и трибуна, и начищенные до блеска ордена и медали воинов, и особое восторженное выражение на загорелых, обветренных лицах.

Особенно запомнился мне такой момент. Генерал Е. Е. Белов держит гвардейское знамя. Он только что закончил свою короткую речь, где говорил о наших заслугах, о боевом пути. Командир бригады принимает знамя, целует его и вручает знаменосцу. Я стою рядом и слышу над собой шелест блестящего шелка. Раздается команда, и красный стяг плывет мимо замерших в торжественном молчании танкистов. Его сопровождают восторженные взгляды гвардейцев. В эти минуты я, как, наверное, и большинство моих товарищей по оружию, вспомнил день за днем весь недолгий, но наполненный героическими событиями путь нашей части. Верно, о таких месяцах, неделях и днях говорят: мало прожито, но много пережито.

Начало сорок третьего года застало меня в Перми. Работал я в 12-м строительном тресте заведующим гаражом.

Генерал Г. С. Родин у гвардейского знамени корпуса.

Даже здесь, в глубоком тылу, постоянно ощущалось дыхание фронта. С первых дней войны я просился на фронт, но получал отказ за отказом. Трест продолжал вести большие работы, а скромный автопарк с трудом справлялся с заданиями. Десятки стареньких газиков и «зисов», трофейные «бюссинги» нуждались в постоянном ремонте. Запасные части делали сами. Мне, как человеку давно связанному с техникой, работы хватало.

У меня за плечами был немалый боевой опыт. Довелось окончить автобронетанковое училище, послужить на сверхсрочной и принять участие в боевых действиях в Монголии и Финляндии. Я решил при первой же возможности уйти на фронт. И вот такая возможность представилась.

По всему Уралу прокатилась весть о создании добровольческого танкового корпуса. В первые же дни в тресте, где мужчин и так оставалось немного, тридцать человек подали заявления в добровольческий корпус.

Меня вызвали в райком вместе с женой. Первый секретарь райкома долго беседовал с нами, потом спросил жену:

— Справитесь одна с детишками? (У нас в ту пору было двое детей, один — грудной. Жена работала).

— Справлюсь, — ответила Катя. — Раз нужно, справлюсь.

Вместе со мной ушли из треста прораб Кривенко, начальник автоколонны Яоргин, мастер Гуляев, электрик Янченко и другие. На прощанье мы собрались в тресте. Приехал к нам и секретарь райкома товарищ

Михайленко. Мне довелось выступать перед товарищами, Все мы, коммунисты и беспартийные, дали клятву — не посрамить родного предприятия, честно и доблестно, не жалея сил, а если потребуется и жизни, сражаться за Родину.

В конце марта собрались мы, пермские добровольцы, в осоавиахимовских лагерях. Несколько дней были заняты такой работой: очищали от снега пути, грузили железнодорожные вагоны. Тогда-то и произошел разговор с командиром части, определивший мою дальнейшую судьбу. Я на тракторе разгребал снег. Ко мне подошел подполковник, спросил:

— Вы что, тракторист?

— Нет, механик-водитель танка.

— Хотите на боевую машину?

— Еще бы!

— Скоро сядете за рычаги.

Это меня очень обрадовало. И действительно, в бригаде меня назначили механиком-водителем. Тут же, на стареньких, выдавших виды машинах, мы начали тренировки. Занимались мы и тактикой — все больше «пешим потанковому». С нетерпением ждали боевой техники.

И она пришла. Это были новенькие «тридцатьчетверки». Привезли их те, кто делал, танкостроители-уральцы. Они вручили нам машины и наказывали беречь их, воевать умело и мужественно. Нас растрогала забота уральских рабочих. Получили мы обмундирование и теплые вещи. Рабочие Златоуста изготовили из стали армейские ножи и прислали нам в подарок.

Отлично одетые, снабженные всем необходимым, согреты лаской и заботой уральцев, мы горели желанием на деле доказать свою верность Родине, силу и стойкость.

На спидометре моей «тридцатьчетверки» стояла цифра — 27 километров. Это было только начало пути. Все еще — и настоящая проверка и закалка, и тяготы и боевые победы — лежало впереди.

Поднятые по тревоге, мы погрузились в железнодорожный состав. Дорогой на запад, дежуря у боевых машин, мы строили предположения: куда, в какое место многокилометрового фронта попадем. Большинство сходилось на том, что прямо после разгрузки, с ходу вступим в бой.

Но этого не случилось. Разгрузились мы под Москвой и снова приступили к боевой учебе.

На подмосковном полигоне и танкодроме проходили стрельбы и ночные занятия по вождению танков через пре-

Ассистенты у гвардейского знамени бригады. Крайний слева — старшина Г. И. Мотырев.

пятствия. Крепло наше мастерство, накапливался опыт. Как-то побывали мы в селе, где уже похозяйничали немцы. Запали в душу уральцам, людям глубокого тыла, страшные картины войны. Село было разрушено, много жителей убито.

Во время подготовки к боям мы сблизились, лучше узнали друг друга. В нашем подразделении собрались люди разных возрастов и профессий. Были тут и опытные, побывавшие в сражениях, и совсем молодые, необстрелянные. Танковой ротой, в которой мне довелось служить, командовал старший лейтенант Елкин, бывалый танкист, фронтовик. Он хорошо знал машину, был немногословен и точен в командах. Требовательность вошла у него в привычку и была деловой. Чувствовалось, что человек на знакомой работе. Его твердость и

уверенность мы ощутили в первом же бою, где он действовал находчиво, смело, ни на минуту не поддаваясь страху. Труднее было командиру взвода лейтенанту Слепцову, недавно вышедшему из стен военного училища. Он волновался и проявлял особое нетерпение, ожидая встречи с врагом. Чувствовалось — человек хочет испытать себя, проверить.

Меня назначили водителем танка командира роты, и потому я особенно сблизился со старшим лейтенантом Елкиным. Ведь танковый экипаж — одна семья: и хлеб, и опасность делятся поровну. Кроме Елкина и меня, в нашем экипаже были еще двое — заряжающий Михаил Старцев и стрелок-радист Борис Захаров. Оба молодые, еще не бывавшие в сражениях воины, не жалели времени и сил на боевую учебу.

Однажды боевое учение в Кубинке было внезапно прервано тревогой. На этот раз, когда два паровоза, пытая и задыхаясь, потянули наш тяжело груженный состав, мы твердо знали: едем в район Середичей и ждет нас настоящее боевое дело. По распоряжению Елкина танк основательно загрузили боеприпасами. Удалось уложить почти полтора боекомплекта снарядов. Это — наш «хлеб!»

Сразу после выгрузки попали под бомбежку. Даже мне, повидавшему финские бои, стало страшновато. Десятки бомб падали со свистом, вокруг вздымались фонтаны земли. Однако никто не впал в панику. Командир роты приказал рассредоточить машины, водители, действуя, как на учениях, развели их. Этот урок особенно запомнился молодым. И Захаров, и Старцев, и другие пермяки впервые испытали бомбежку. Нечего скрывать, у многих душа побывала в пятках. Но когда самолеты улетели, дым рассеялся, оказалось, что все боевые машины целы, рота не имеет потерь в личном составе. Каждый понял, что значит решительность командира и четкость выполнения его приказаний. Учеба для нас не пропала даром.

Начался марш к фронту. Колонна, вздымая пыль, шла в направлении к Болхову. К вечеру остановились часа на два-три. Здесь и получили боевую задачу. Оказалось, что времени для подготовки нет, в бой вступать придется почти с ходу. Деревня, которой предстояло овладеть, была невелика, но сильно укреплена немцами. У них были танки, орудия, пулеметы и минометы. Фашисты располагались в основательно оборудованных блиндажах, они успели обжиться. Выкурить их из деревни оказалось нелегко, тем более, что подступы к ней были заболочены и труднопроходимы.

Танк старшего лейтенанта Елкина, который я вел, двинулся через овраг к деревне. Пользуясь ночной темнотой, спустились благополучно. Но удача сопутствовала нам недолго. Самолеты противника повесили над деревней яркие фонари осветительных бомб, и тотчас ночь превратилась в день. Фашисты открыли огонь. Перед нашим танком легли густые разрывы. Идти вперед, в открытую, было бессмысленно, и старший лейтенант принял другое решение.

По его команде я подал машину назад, в огороды, а оттуда через рожь наш танк и часть машин роты направилась в обход деревни. Вынырнув из ржи, мы очутились на топком болотистом месте. Теперь продвижение стало особенно опасным. Стоит задержать, посадить танк, непременно станешь неподвижной мишенью. Наше появление не могло долго остаться незамеченным немцами. Старший лейтенант, опытный танкист, скомандовал двигаться по разному следу, — больше вероятности не посадить машины.

Я успел заметить крайние дома деревни, когда танк содрогнулся, мелькнула яркая вспышка. Это командир послал

первый снаряд во вражеский танк. Вслед за ним открыли огонь и другие «тридцатьчетверки». Позже я узнал, что выстрел старшего лейтенанта был исключительно точным: ему удалось поджечь вражескую машину. Мы ворвались на улицу деревни.

На рассвете наша рота подвела итог первого боя. Два уничтоженных немецких танка, шесть трофейных орудий, тягач, несколько десятков пленных — так удачно мы открыли свой боевой счет. Подбили и один наш танк, в роте оказались раненые. Но все же победа это была несомненная! С благодарностью думали мы о предусмотрительности командира; в горячем огневом бою нам очень пригодились так запасливо заготовленные снаряды. Большое уважение к командиру роты вызвала его находчивость, меткость и храбрость.

Этот бой хорошо запомнился, потому что был первым. Потом началась полоса таких же упорных и тяжелых схваток, о которых уже трудно все рассказать.

Молодой командир взвода лейтенант Марков первый из нас встретился с «тиграми». В ту пору этот танк был еще новинкой, и фашистская пропаганда в листовках, по радио расхваливала его боевые качества. Надо сказать, что Марков и его подчиненные проявили большую смелость. Фашистский «зверь» их не испугал. Лейтенант дал команду: «Заряжай бронебойными», — и прямой наводкой открыл огонь: по борту «тигра». Какое ликование вызвал у нас его успех! Стало ясно, что уральская «тридцатьчетверка», коли она в умелых руках, может сразиться и одолеть даже это «чудо» фашистской техники. В танке Маркова была разбита гусеница, но молодой командир не оставил машину, а продолжал огневой бой до прихода подкрепления.

С честью выдержал боевое испытание и лейтенант Слепцов. Он ходил в разведку в тыл противника. Его танк, пройдя лесными дорогами и проселками, глубоко проник в фашистскую оборону. Сведения, которые доставил лейтенант, оказались очень ценными. В то же время отличились пермяки — старшина разведчиков Кривенко, командир мотострелкового батальона капитан Лысак — оба они участвовали в смелых вылазках в неприятельский тыл.

Увеличивался счет километров на спидометре нашей «тридцатьчетверки». Экипаж становился слаженным, дружным. В бою за большое село выдержали мы одно сложное испытание. На окраине его, у сараев, замаскированные сетками, покрытыми травой, стояли фашистские орудия. Встреча с ними была для нас неожиданной. Исход ее решали секунды. Захаров заметил засаду и сразу открыл огонь из пулемета по орудийным расчетам. Тотчас же Елкин выстрелил из орудия.

— Вперед! — скомандовал старший лейтенант.

По огородам, ломая изгороди, бросил я машину на полной скорости к немецким пушкам. Вихрем неслась «тридцатьчетверка».

Мелькнул черно-зеленый ствол с дульным тормозом. Сильный толчок — и наш танк со скрежетом подмял под себя фашистскую пушку. Вторая наша машина открыла огонь по фашистскому танку и подожгла его.

После взятия села, на дороге, нас подкараулил фашистский гранатометчик. Он бросил гранату на жалюзи танка. Вспыхнуло пламя. Ядовитый дым проник в машину. Экипаж, работая под огнем, погасил пламя.

Ночью поступила команда: разведать берега лежащей впереди реки. Идти на разведку предложили добровольцам. Три экипажа вызвались разведать водный рубеж — Слепцова, Вахрушева (из Краснокамска) и наш. Под покровом темноты мы выбрались на берег. Когда предутренний туман рассеялся, группа танкистов, оставив машины, спустилась к воде. Вместе с начальником штаба бригады Б. П. Макшаковым я осмотрел спуск, промерил дно. Нам удалось установить, что на противоположной стороне — рубеж фашистской обороны. Там и орудия. Речка оказалась неглубокой, ее можно было форсировать вброд. Но вот беда — крутые берега, почти четырехметровый обрыв. Как быть?

По замыслу командира, на рассвете предполагалось форсировать водный рубеж и затем, с ходу ворваться в деревню. Внезапность была нашим союзником. Взвод Слепцова преодолевал реку слева, где берег был более отлогим. Мне же и другим воинам взвода выпала крутизна. Командир роты вопросительно взглянул на нас, механиков-водителей.

— Будем прыгать, — ответили мы.

Весь день готовил экипаж машину к форсированию. Внимательно осмотрели танк, тщательно задраили люки. Откровенно говоря, я не очень надеялся, что все сойдет благополучно. А ну, как захлестнет вода? Заглохнет двигатель? Старался предусмотреть всякие неожиданности. Ведь мне предстояло первым совершить прыжок.

Затемно подошли к реке. Быстро нашли брод, который осматривали накануне. Забрезжил рассвет.

— Вперед! — скомандовал Елкин, и я нажал на рычаги. Придав машине разгон, направил к воде. Вот он, обрыв. С лету срывается с него «тридцатьчетверка». На какое-то мгновение повисает в воздухе. Гулкий удар. Вода взлетает фонтанами. Гусеницы вгрызаются в дно. Сразу после толчка чувствую, что машина замедляет ход: вода попала в глушители, просачивается немного и в стык башни. Но это не страшно, главное, танк на ходу.

Бороздя воду, он приближается к противоположному берегу, взбирается на него. Переключая передачу, на максимальной скорости веду машину по улице деревни.

Слева — вспышки фашистских пулеметов. Командир открывает ответный огонь, бьет из пулемета и Захаров.

В деревне паника. Гитлеровцы полураздетые выскакивают из домов, ведут беспорядочный огонь. Ясно, что они не ждали дерзкого налета уральцев. Наш танк и другие машины мчатся, извергая огонь. В этом бою старший лейтенант Елкин подбил два вражеских танка. По радио он сообщил о наших успехах, и вскоре стали переправляться основные

силы части. Мы взяли немало пленных и большое количество фашистской техники. Командование высоко оценило действия подразделения. Ряд танкистов удостоился наград. За форсирование реки мне вручили боевой орден.

Фронт продвигался на запад. Через некоторое время после памятного прыжка в моей службе произошли изменения. Назначили меня механиком-водителем танка командира нашей Пермской бригады полковника С. А. Денисова. Мне сразу понравился этот энергичный, живой и веселый человек. Был он неумолимо требовательным, но никогда не слышал я от него грубого слова. В походную жизнь он крепко врос, легко мирился с трудностями. Поднимался чуть свет и каждый день (даже в самое боевое горячее время) начинал с физзарядки. Он упражнялся с двухпудовой гирей, которую возил с собой, обливался холодной водой даже в осеннюю и зимнюю пору.

Много раз доводилось мне быть свидетелем его решительности и личной храбрости. Однажды шел танковый бой. Пехоты на поле почти не видно было, зато танки поминутно вступали в единоборство. Командиру бригады приходилось очень трудно. Он должен был руководить действиями всей части, отдавать команды по радио и в то же время самому сражаться в самой гуще схватки. Обстановка сложилась так, что танк командира мог подвергнуться нападению. Экипаж старался наблюдать за полем боя особенно зорко, чтобы снять хоть часть забот с командира. И все же он первым заметил, как на косогоре появился фашистский Т-4. Нас отделяло от него 300—400 метров.

— За Родину! — крикнул командир и дал первый выстрел. — Вперед!

Мы шли на таран. Командир рассчитал правильно, учел наше преимущество: наш танк ударил фашистскую машину в борт. Железный удар сотряс «тридцатьчетверку». На миг я потерял сознание. Когда пришел в себя, услышал в наушниках шлемофона спокойный голос Денисова:

— Отойди, посмотрим.

Отошли, посмотрели. Т-4 остался недвижим. Позже, когда бой закончился, я побывал на этом месте и увидел результаты тарана. У фашистской машины мы разбили гусеницы.

На спидометре «тридцатьчетверки» были многие сотни километров, когда с нами случилось несчастье. Снаряд, выпущенный из «тигра», пробил броню нашего танка. Загорелась боеукладка. Вот-вот должен был последовать взрыв. Старцев, Захаров и я покинули машину, выполняя приказ командира. Оставил танк и он. Кругом свистели автоматные пули. Захаров был ранен, и я на плечах вытащил его в безопасное место, потом доставил в медсанбат. Там застал и Денисова. Командир бригады был ранен. Из тела его извлекли до сорока осколков. Лежа на носилках, он терпеливо переносил мучительную операцию. Прежде всего он спросил:

— Ты здоров?

— Так точно, — ответил я. — Все в порядке.

— Ну, порядок невелик. Ты теперь безлошадный... Вот что... возьми записку. Получишь другую машину,— и Денисов тотчас стал писать...

На новой машине с командиром бригады, который не задержался долго в медсанбате, я продолжал боевой путь.

* * *

Много лет прошло с тех пор. Я сейчас работаю в том же 12-м строительном тресте Перми, откуда уходил на фронт. Теперь я мастер-строитель. Вместе с товарищами участвовал в сооружении новых прекрасных зданий, которыми год за годом украшается наш город. Дворец культуры, светлые, величественные корпуса жилых домов на Комсомольском проспекте, оперный театр — всего не перечислишь... День за днем ощущаешь, как краше, богаче становится жизнь. И потому еще дороже становится подвиг гвардейцев-добровольцев и всех советских воинов, грудью отстоявших независимость советской страны. Если понадобится, то и теперь с отвагой и решимостью встанут герои-добровольцы на защиту великой Советской державы.

А. Попов - ПО ВОЕННЫМ ДОРОГАМ

Мы еще не слышали грохота снарядов, не видели зарева пожаров, но и у нас, на далеком Урале, война уже ворвалась в каждый дом и круто переменяла всю налаженную жизнь.

Для меня с началом войны кончилась юность.

В первые же дни ушел на фронт и вскоре сложил свою голову на каком-то безвестном рубеже отступления мой отец. Совсем немного пережила его мать. В семнадцать лет остался я сиротой и полным хозяином в доме. А что мне с ним делать, с хозяйством? Тоска у меня на душе и час от часу лютей злоба к врагу.

Тогда я призвал свою замужнюю сестру и сказал ей:

— Чего тебе жить на два дома? Перебирайся из казенной квартиры под родительский кров и хозяйствуй. А я все-таки мужик, к тому же комсомолец почти что с трехлетним стажем, так что не к лицу мне домашнюю живность обхаживать. Отец наш погиб, значит должен я его заменить.

Собрала мне сестра все, что в таких случаях полагается, распростился я с приятелями-одногодками и в полной боевой готовности явился в наш Красновишерский райвоенкомат. Так, мол, и так, добровольно желаю сразиться с фашистом, прошу отправить на фронт. Думал, встретят меня с почетом и в тот же час, не иначе как с оркестром, отправят на передовую.

Да не тут-то было. Таких, как я, в военкомате — хоть пруд пруди. Берегли нас, зеленую молодежь. Возвратил лейтенант мое заявление и этак вежливо, но ядовито спрашивает:

— А у мамы-папы спросился?

— Нету, говорю, у меня мамы, и отец, говорю, на фронте погиб. Некого мне спрашивать.

Посерьезнел лейтенант.

— Ну-ну, — примирительно так говорит. — А все ж таки рановато тебе на фронт, подрасти еще.

Обиделся я, понятно, но от своего не отступаю. И на другой, и на третий, и на четвертый день прихожу. У всех военкоматовских работников перебивал, даже к самому военкому пробился.

— Вы, говорю, хоть на курсы какие меня определите. Покуда учусь, мне и сравняется восемнадцать.

Не знаю, этот ли довод подействовал или что другое, только в конце 1942 года приняли мое заявление и направили в снайперскую школу.

Так вот и стал солдатом.

* * *

На фронт я попал только осенью на другой год, прямо в Пермскую танковую бригаду, которая состояла сплошь из добровольцев и моих земляков. Поскольку по военной специальности я был не танкист, а снайпер, то и зачислили меня в первый мотострелковый батальон. Снайперская винтовка очень пригодилась, пока стояли в обороне. Частенько соревновались в мастерстве с другими снайперами. Но когда перешли в наступление, не было лучше оружия для десантника, чем автомат и нож с черной рукояткой работы златоустовских металлстов.

К той поре, когда я пришел в Пермскую бригаду, она уже прославилась участием в Орловской и Брянской операциях. Но еще немало боев досталось и на мою долю.

Особенно запомнился почему-то один бой.

Весной сорок четвертого года наша бригада прорвала фронт севернее Каменец-Подольска, в районе города Гусятина. Преследуя противника, мы углубились в его оборону на несколько десятков километров. Враг не считался ни с какими потерями, хотел отрезать нас от основных частей Советской Армии. И ему удалось это. Мы оказались в окружении. У фашистов было явное преимущество в живой силе и технике. Каждодневно мы выдерживали ожесточенные контратаки противника. Только в один из дней, помню, нами было отбито двадцать яростных контратак. Люди измотались, чуть ли не половина танков вышла из строя. Танкисты с подбитых машин перебирались на уцелевшие и становились десанниками.

Я хочу рассказать об одном из боевых эпизодов, который запомнился лучше других. Несмотря на весеннее время, ночью началась вьюга. Это помогло нам оторваться от противника, замучившего контратаками. Снялись тихо, бесшумно и скрытно двинулись в обход вражеской группировки. Территория, по которой мы пробирались, была занята немцами, поэтому приходилось двигаться к рубежу, намеченному для прорыва окружения, в обход населенных пунктов.

Мощный гул колонны танков глож в завываниях вьюги. Особенно доставалось нам, десанникам. От жгучего холода брони стыли ноги, коченели руки, ватники плохо защищали от пронзительного ветра. Смертельно хотелось спать, но о сне и думать было нечего. Которая уже бессонная ночь! Темень, пурга, кругом противник...

Колонна движется по бездорожью. Танки вязнут и часто застревают. Их приходится вытаскивать двойной и тройной тягой. Тогда и мы соскакиваем и изо всех сил толкаем танк. Конечно, делается это не потому, что мы можем облегчить вес машины или помочь мощным моторам. Просто мы рады возможности потоптаться на земле, размять заочевшие мышцы и разогнать мучительную дремоту.

На рассвете танковая разведка донесла: впереди населенный пункт с большим скоплением немцев. Обойти его незаметно, вероятно, уже не удастся. Командование решило атаковать. По радиации в каждый танк переданы слова приказа: «Приготовиться к атаке». Распахнулся люк одного из танков. Мне хорошо видна фигура в туго перетянтом ремнем комбинезоне и танкистском шлеме. Это комббриг Денисов. Звонко, протяжно, так, чтобы было слышно десанникам всей бригады, Денисов прокричал:

— Вперед, за Родину!

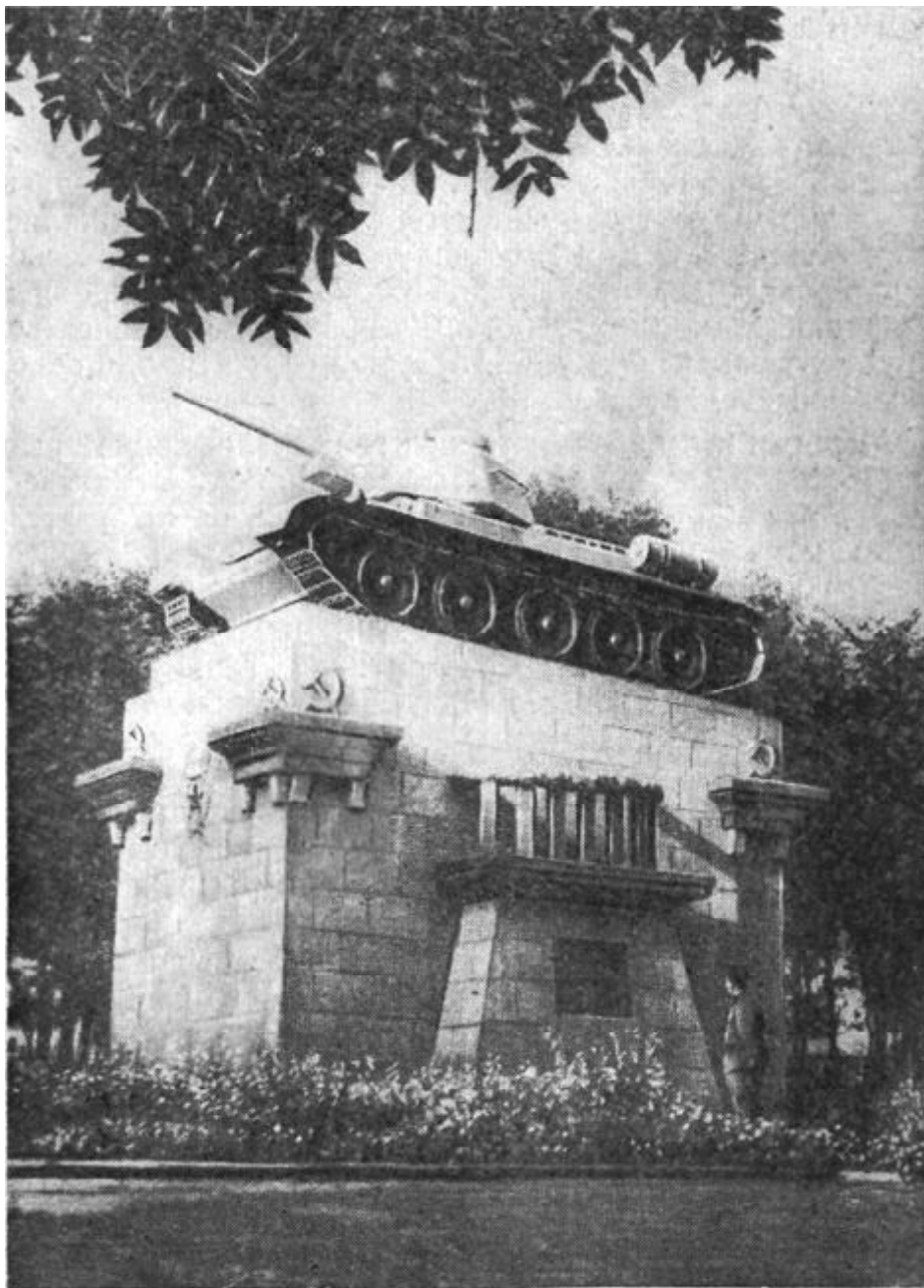
И первая тройка боевых машин Т-34 рванулась на врага. Село большое, растянулось километра на два. На ходу разворачиваясь в боевой порядок, колонна наших танков обхватывает село со всех сторон.

Мы уже совсем близко, но навстречу не раздалось еще ни одного выстрела. Видно, немцы никак не ожидали нашего появления в этих местах.

На полной скорости врываемся в окраинную улицу. Основные силы противника сосредоточились в центре села. Командир нашего танкового батальона капитан М. Н. Бойко приказал остановиться и открыть огонь по скоплению вражеской техники.

Тут началась и наша работа. Обрушив на фашистов шквал огня, танки двинулись к центру села. Бросились за ними и мы, но уже «своим ходом». Только теперь, заведя в руках у многих десантников ножи, немцы сообразили—кто перед ними. «Дивизия черных ножей»—так они нас называли. Беспорядочно отстреливаясь, фашисты в панике разбегались.

Многое уже позабылось. Даже названия того села никак не могу припомнить. Но отдельные картины боя врезались в память навечно.

Памятник уральским танкистам в городе Каменец-Подольске.

До сих пор, например, мучает меня один мой поступок.

Увидел я, как из-за хаты выбежал немец и улепетывает на задворки. Наперерез ему выскочил другой, и на виду у всех у нас — р-раз!.. Всадил очередь в своего же солдата. Убил, автомат оземь, руки кверху и бежит к нам. Вот, дескать, каков я голубчик, на вашу мельницу воду лью, только вы, пожалуйста, не губите мою драгоценную свиньячью жизнь. «Ах, ты, думаю, подлюга, своего же брата солдата угробил! Да кому после этого твоя подлючья жизнь нужна?» И не то что жаль мне убитого, нет, а на подлость я ужасно осердился. Немец подбежал, ухмыляется, а я автомат на него в упор — и срезал к чертовой матери. И вот, поди ж ты, по сию пору гложет меня совесть, да и все тут. Ведь безоружного убил! Они-то, правда, сотнями тысяч наших беззащитных людей убивали, так ведь они — фашисты.

А бой меж тем утихал. Повсюду валялись подбитые «пантеры», исковерканные бронетранспортеры, изуродованные трупы фашистских вояк. Посреди села, распластав по земле перебитые гусеницы-лапы, застыла пятнистая туша «тигра». И за селом кое-где еще догорали отдельные вражеские танки.

И еще об одном эпизоде хочется рассказать.

Где-то прибил к нашей бригаде низкорослый, сухощавенький парнишка лет этак двенадцати, Вася, бывший детдомовец. Полюбила его вся бригада, а особенно наш комбриг. Денисов и возил его в своем танке, и ели, и спали вместе. Словом, нигде не разлучались. Шутя мы так и величали Васю — «товарищ заместитель комбрига». Только в бою наказывал комбриг Васе держаться в сторонке. Да где ж углядишь за таким бысролетом? Не выпускал пацан из виду комбрига.

Вот и в этом бою. Бегу я по улице, выискиваю фашистов за хатами, в палисадниках, в банях. Вдруг из переулка выворачивает немецкий вездеход. Гляжу, за рулем — немец, я автомат вскинул, только было хотел нажать спуск, да вовремя заметил — Вася мне из кабины машет: мол, не трожь, он уже троганый. И проехал дальше на малой скорости. Дверца с той стороны, где Вася, открыта. Сидит он, одна нога на подножке, другая в кабине, парабеллум на немца нацелил.

Сообразил ведь пацан, что вездеход в нашей бригаде может пригодиться. Водителей-то после боев сколько угодно свободных. Ну, а поскольку сам управляться с машиной еще не обучился, Вася и немецкого шофера заодно с его вездеходом прихватил.

Геройский был паренек. Узнать бы, что с ним потом случилось, жив ли?

Бой совсем затих, только одиночные выстрелы еще слышались издалека. Соблазнительно было прочесать хаты и огороды. Наверно, немало немцев попряталось там. Но медлить нельзя было ни минуты — мы же все-таки во вражеском тылу. А ну как подойдет фашисту подкрепление? Опять затяжные бои. Это нам не улыбалось. Надо во что бы то ни стало и как можно скорее пробиваться к своим.

Бригада сосредоточивалась за селом, в распадке меж двух холмов. Подход десантников охраняли танки. Группами

и в одиночку, один за другим, со всех сторон собирались автоматчики. Выяснилось, что потери у нас совсем небольшие. Раненых быстро перевязали. Несколько пришлось оставить в хатах у наших мирных жителей.

Никто как-то не заметил в горячке боя, когда прекратилась пурга. Вовсю разгоралось весеннее утро. На востоке, в той стороне, где Москва, подымалось далекое солнце. Оно было еще раннее, красное, как смоляной факел. Так и чудилось, будто столица нарочно зажгла и подняла над землей тот факел, чтобы осветить нам дальнейший путь — тяжелый и славный путь к победе.

Больше шестнадцати лет прошло с того памятного утра. Тогда мы благополучно завершили рейд по тылам противника, прорвали вражеское окружение и соединились с нашими частями ровно в срок и точно в намеченном месте.

Много было еще отдельных боев и комплексных операций. Мне вскоре после Каменец-Подольской операции пришлось расстаться с родной Пермской бригадой. Меня направили на курсы младших лейтенантов. После окончания их я попал уже в другую часть. День Победы над Германией встретил я в госпитале, где лежал после тяжелого ранения, а День Победы над Японией отмечал уже дома, в родном Красновишерске.

Сейчас работаю в госохотинспекции. Дело приходится иметь со зверем, с птицей, с рыбой. Ну, конечно, и с браконьерами тоже. Нашу привишерскую тайгу я люблю сызмала. Так что работа, если не считать опять-таки борьбы с браконьерами, самая мирная и очень мне по душе.

Но если понадобится, опять возьму в руки оружие и с готовностью займу свое место в рядах тех, с кем плечом к плечу шагал по дорогам минувшей войны.

Герой Советского Союза, бывший командир Уральского добровольческого корпуса, генерал-лейтенант танковых войск в отставке *Е. Белов* - В БОЯХ ЗА РОДИНУ

После весенних боев 1944 года Пермская танковая бригада начала готовиться к Львовской операции. Жили в лесу. Все дни проходили в напряженном труде: бойцы ремонтировали танки, получали новое вооружение. Проводилась боевая подготовка: тактические занятия и стрельбы из танков и других видов оружия.

Часто устраивались партийные и комсомольские собрания. Политработники и командиры под руководством начальника политотдела бригады подполковника Елуферьева объясняли коммунистам и комсомольцам их задачи в предстоящем бою, а коммунисты и комсомольцы вели разъяснительную работу среди личного состава подразделений бригады.

В штабе бригады шла кропотливая сосредоточенная работа: начальник штаба подполковник Макшаков с офицерами штаба обдумывал в деталях план предстоящего боя. Командиры подразделений и офицеры штабов проигрывали отдельные эпизоды на топографических картах и на ящике с песком.

16 июля 1944 года 62-я Пермская танковая бригада в составе Гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса 4-й танковой армии 1-го Украинского фронта перешла в наступление на Львов.

Выстроившись у своих танков, танкисты внимательно слушали приказ командующего танковой армии генерала Д. Д. Лелюшенко о начале наступления. В небо взлетели ракеты, по радио был принят сигнал «Ураган» и цифра «300» — шифр слова «Вперед».

62-я гвардейская Пермская танковая бригада во взаимодействии со стрелковыми частями, при поддержке артиллерии и авиации, перешла в наступление на противника.

Первый день боя был жаркий. Противник оказывал ожесточенное сопротивление. В результате смелых и решительных действий бригады оборона противника была прорвана. В образовавшийся прорыв были введены главные силы корпуса, которые начали развивать наступление на город Золочев.

Противник контратаками препятствовал продвижению вперед. Сжимая горловину образовавшегося в районе села Нище прорыва, шириною в 2—3 километра, противник вел сильный артиллерийский и пулеметный огонь по нашим войскам.

После первого боя 62-я гвардейская танковая бригада перешла в резерв, но вынуждена была снова вступить в бой с атакующим с фланга противником.

События развивались очень быстро. Полк самоходок, поддерживающий бригаду, ворвался на окраины Перемышлян. «Тигры», которых там было значительно больше, чем наших самоходок, наседали, враг бросал в бой свежие резервы. Справятся ли с ними самоходки? Перемышляны надо было взять во что бы то ни стало, потому что они являлись крупным узлом обороны противника.

Бой продолжается целый день. Молодцы наши артиллеристы! Гитлеровцы начинают отходить. Но куда? А это нам скажет авиация. Двадцать минут спустя докладывает командир авиационной разведки:

— Товарищ генерал, враг поспешно грузит свои танки и орудия на железнодорожные платформы.

Мгновенно приходит решение: бросить на Перемышляны танки 62-й танковой бригады. Ставлю им задачу — перерезать противнику путь отхода и уничтожить железнодорожные эшелоны с противником.

На подмогу артиллеристам в район Перемышлянского вокзала командир бригады полковник Денисов высылает передовым взвод танков лейтенанта Тита Кононца. У Кононца особое умение врываться туда, где его не ждут. Вот и теперь танки Кононца проскочили местность, простреливаемую «тиграми», и подошли к вокзалу.

Собрание партактива. Обсуждается вопрос о предстоящих боях за освобождение Польши.

— Хлопцы, ищите надежное укрытие, — приказывает Кононец командирам танков. Один танк укрылся под деревьями старого сада, второй съехал в глубокую канаву, а сам Кононец отлично замаскировался среди развалин большого дома. Тут их не найдет ни один снаряд, в то время как фашистские «тигры» все на виду.

— Стрелять без команды, пока не будет уничтожен железнодорожный состав, — приказывает Кононец.

Да и о какой команде сейчас может идти речь! Танки Кононца выпускают по два, а то и по три снаряда в минуту.

Когда мы с командиром бригады полковником Денисовым подъехали к героическому взводу

танков, у вокзала Перемышлян уже не осталось ни одного гитлеровца.

— Спасибо за службу, лейтенант Кононец! — сказал я командиру взвода, который стоял передо мной и счастливо улыбался. — Кстати, я давно хочу вас спросить, почему вы свой танк «Орленком» назвали?

— Я кубанский казак, товарищ генерал, с детства мечтал стать кавалеристом. Конь у меня был «Орленок». Сколько призов мы с ним на всяких соревнованиях завоевали, и не счесть! Вот я и решил свой танк заставить по-кавалерийски в бою действовать, чтобы как живой был. Оттого и «Орленок»... — и Кононец нежно погладил броню своего танка.

— Скорее, скорее берите «Розу», — требовал от меня по радио командарм. «Роза» в те дни не сходила с языка. Так мы условно называли город Львов, освободить который было задачей корпуса.

Вечером, как и предполагалось по плану, главные силы корпуса овладели Золочевым. До Львова оставалось 72 километра.

Мешал дождь, он шел второй день.

Дороги размыло. Машины застревали в грязи. Тем не менее войска стремительно продвигались вперед.

Раненых из 62-й танковой бригады принимал медсанбат корпуса, расположившийся на окраине Золочева.

В два часа ночи ко мне на командный пункт в Ольшаницы вошел вымокший до нитки врач, полковник медицинской службы Никифор Васильевич Семиколенных. Веки его глаз покраснели, давно не бритое лицо осунулось.

— Товарищ генерал, — обратился он ко мне, — разрешите доложить. Все раненые размещены, операции идут.

— Спасибо за службу, товарищ подполковник! А вот лицо ваше и глаза мне не нравятся. Немедленно побейтесь и ложитесь спать. Сколько ночей не спали?

— Две, а сегодня будет третья. За неподчинение приказу завтра утром, после того как будут закончены неотложные операции, готов пойти под арест, — по-военному четко сказал хирург. И, помолчав, каким-то другим, домашним тоном добавил:

— Очень прошу отменить приказание ложиться спать. А побриться я согласен.

Но хирургу так и не удалось побриться.

На Золочев обрушилась группировка гитлеровцев, которую войска нашего фронта гнали из Брод. Танки, самоходки, машины с солдатами ринулись на город, где боролись со смертью сотни тяжело раненных танкистов всех бригад и полков корпуса.

— Во что бы то ни стало спасти раненых, — приказываю я.

В маленьких домиках, за тщательно затемненными окнами хирурги делали операции, вынимали десятки металлических осколков, зашивали раны. Здесь шел бой за жизнь советских воинов. А на улицах города тем временем не утихала стрельба. Врачи Екатерина Нечаева, Серафима Вербицкая, Дмитрий Ротштейн, медицинские сестры и санитары, вооруженные автоматами, гранатами, пулеметами, отбивали атаки противника.

Медики стойко держались до тех пор, пока к ним на помощь не пришли танкисты майора Никонова из 62-й гвардейской танковой бригады. Вместе с мотоциклетным полком армии они отбросили противника.

Но враг снова лез вперед, стремясь выйти из-под ударов наших войск.

— Унесем раненых из города на руках! — приказал врач Семиколенных.

Был ливень. Из города по колено в грязи шли усталые, изможденные люди, несли раненых. Знали, что идти долго, что до ближайшего населенного пункта не менее восьми километров.

Вдали гремели раскаты орудий. Главные силы 62-й Пермской танковой бригады во взаимодействии с 63-й гвардейской танковой и мотострелковой бригадами завязали бой за город Львов.

В штабе корпуса возле радистки сидит мой адъютант. Он еле успевает отмечать на карте Львовщины красными кружками населенные пункты, только что освобожденные от гитлеровцев...

Ведут танкисты бой на улицах второй день. Нам нужны были точные сведения о положении в городе. Посланный за ними офицер штаба погиб. На подступах к селу Давыдов гитлеровцы подожгли его танк. Был убит по дороге на Львов еще один офицер, пытавшийся прорваться через фронт.

«Что делать? Еще раз попробовать сбросить офицера на самолете?» — думал я.

В это время ко мне пришел майор Алексей Шапкин. В руках у него были топографические карты земель, лежащих на запад от Львова. Эти карты следовало немедленно вручить начальникам штабов бригад, которые вели уличные бои во Львове. Командиры должны знать, куда вести свои войска, до полного взятия Львова.

62-я гвардейская Пермская танковая бригада должна была из Львова наступать в южном направлении, в предгорье Карпат. Ей тоже необходимы топографические карты.

«Пошлю во Львов Шапкина: он и карты передаст, и с обстановкой сумеет как следует ознакомиться», — решил я.

Надо было иметь смелость и солдатскую смекалку, чтобы выполнить такое задание. Шапкин этими качествами обладал. Поручение майор Шапкин принял с радостью.

— Как ты думаешь добраться до Львова? — спросил я молодого командира и рассказал ему о двух неудачных попытках пробиться через линию фронта.

Майор остановился перед картой, подумал немного.

— Пойду пешком в немецкой форме, — решил он. И сразу же собрался в дорогу. С собой он взял солдата Васю Кияшко.

К селу Вутков они подъехали на мотоцикле, а дальше пошли пешком. Впереди показался небольшой лесок. Это была «ничейная земля». А за леском находились огневые позиции гитлеровцев. На плечи разведчиков были накинuty немецкие плащи, которые скрывали целый арсенал: автоматы, гранаты, пистолеты... И вот лесок позади. Сквозь поредевшие деревья видны танки, самоходки. Метрах в пятидесяти от Шапкина и Кияшко послышалась немецкая речь. Гитлеровцы рыли окопы.

— Вот так встреча! — прошептал Василий, присвистнув от неожиданности. — Не останавливайся! И ни слова по-русски... Слышишь? Я буду рассказывать тебе по-немецки веселую историю, а ты слушай и хохочи, будто понимаешь... Смелее! Пошли!

На двух веселых солдат никто не обратил внимания. Первый этап пройден удачно! Впереди — километры пути... В одном лесу их обстреляли из автоматов. На заболоченном лугу, который решили перейти ночью, вдруг послышалась русская речь. Бойцы обрадовались: свои! Но радость была преждевременной. На русском языке разговаривали люди в фашистской форме. Это были предатели — власовцы.

— Товарищ майор, разрешите метнуть им в подарок парочку гранат, — умолял сержант Кияшко.

— Не дури, Вася, у нас сейчас другая задача. Нам нельзя ввязываться в бой.

И разведчики, затаив дыхание, поползли в противоположную сторону. Дальше дорога шла лесом. Ночь была так темна, что они натыкались на деревья и кусты, падали, вставали и снова шли наощупь, словно слепые.

Направление Шапкин держал по карте, которую знал наизусть. Мучил голод, жажда, валила с ног усталость. От ночной росы одежда промокла, стало холодно.

А когда, наконец, вышли из лесу, то увидели перед собой жерла орудий, это была зенитная артиллерия противника. Что делать? Еще минута, и их заметят. Эх, будь что будет! Со всех ног бросились советские бойцы в лес.

Вот она спасительная опушка... Упали в высокую траву и замерли. Вокруг было по-прежнему тихо. Их не заметили.

Лес, куда вышли посланцы штаба, тянулся добрых семь километров. Решили отдохнуть. Ведь двадцать часов они в дороге, двадцать часов крошки во рту не было. Заснули, прислонившись к стволу дерева, с револьверами наготове...

Дальше пришлось пробираться сквозь густые заросли по «козьим тропам». Двигались медленно, чуть ли не ползком. Ноги совсем не слушались. Терзал голод. Спасла малина, на сплошные заросли которой они неожиданно наткнулись. Сочная, свежая, она немного утолила мучительный голод. А тут и лес стал редеть, за опушкой показались дома. Это был Львов! Но в чьих руках окраина, к которой они вышли? Раздумывать не приходилось. Пошли вперед, напрямик через поле с автоматами наготове. Добрались до первых строений предместья. Навстречу вышла группа бойцов. Это были наши танкисты. Так майор Шапкин дошел до Львова.

Бой на улицах Львова продолжался уже четвертый день. На поддержку бригадам Фомичева и Ефимова пришли танкисты полковников Жукова и Денисова.

— Вот так молодцы! Здорово всыпали фрицам, — кричал Тит Кононец, стоя на броне своего «Орленка». — Ну так мы еще добавим!

Командир бригады приказал Кононцу прорваться по Академической улице в центр города, еще удерживаемый противником, и отрезать дорогу отступающим гитлеровцам.

Кононец по своей привычке бил врага так, что со стволов пушек стекала краска, и вышел из боя лишь когда окончились боеприпасы.

— Молодцы! — похвалил танкистов командир батальона подполковник Колупаев, когда экипаж Кононца вернулся в батальон.— А теперь надо подкрепиться и отдохнуть.

Но танкисты уже сладко спали прямо на тротуаре под жгучими лучами солнца.

Недолго пришлось отдыхать экипажам танков Кононца.

Запросили поддержку автоматчики.

— Товарищи, прошу вас, хоть немного продержитесь. Понимаете, нет под рукой ни одного танка, — кричал в телефонную трубку подполковник Колупаев.

— Как это так — нет ни одного танка! А мы, что ли, не под рукой! — Кононец вскочил, услышав звонкий голос молодого подполковника. — Ребята, кончай ночевать! По коням!

И танки помчались к автоматчикам.

Тит Кононец стоял в открытой башне. Так удобнее было руководить боем, лучше видно, куда направить огонь орудия.

Под прикрытием танков автоматчики бригады поднялись в атаку.

— Ура-а-а! Ура-а-а! — гремело по улице. Гитлеровцы отступали.

— Танкисты, айда наперерез фашистам! Не дадим им выйти отсюда! — отчаянно кричал Кононец, но неожиданный взрыв заглушил голос лейтенанта.

Танк Кононца наскочил на мину. Лейтенанта выбросило из башни. Очнувшись он от жгучей боли: пламя лизало лицо, руки. Напрягая последние силы, бросился на тротуар.

Не увидел, а услышал топот бегущих к нему гитлеровцев. «За поясом граната», — мелькнуло в голове. Швырнул ее наугад...

На месте «Орленка» бушевало огненное пламя. Боевые товарищи — механик-водитель Федя Курбатов, командир орудия Александр Прудкин, заряжающий Вася Черепанов, с которым он прошел тысячекилометровый боевой путь, — погибли, сгорели.

Тит не помнил, как очутился среди своих.

— Кононец, что с тобой? Где твой танк? — тревожно спросил подполковник.

Перед командиром батальона Колупаевым стоял ослепший комсомолец Кононец.

По обожженному лицу танкиста градом текли слезы. Впервые он плакал. Колупаев понял все.

— Не беспокойтесь... Я присмотрю за ним, пока придут санитары, — услышал Кононец звонкий девичий голос, и женские руки куда-то повели его.

Мягкая постель, теплая вода... Это напомнило родную станицу на Кубани, где родился Кононец.

— Меня зовут Люся. Не плачьте, товарищ боец. Я ваш друг! — шептала девушка, прикладывая к вздувшемуся от ожогов лицу танкиста марлю, омоченную марганцовкой.

Вокруг маленького домика, где жила Люся, шныряли гитлеровцы. Невозможно было выйти из дома, чтобы позвать врача. Но Люсе все же удалось выскользнуть и задворками пробраться к нашему медпункту. Она вернулась с доктором.

Под утро в маленькую комнату пришли санитары с носилками.

Кононца отправили в госпиталь.

— Поправляйтесь, товарищ! — ласково сказала девушка. — Может быть, случится еще побывать во Львове, вспомните тогда Люсю с улицы Адама Мицкевича.

Бой за Львов продолжался шесть дней.

Шесть дней флаг, водруженный танкистом Марченко из Челябинской бригады полковника Фомичева, развевался на ратуше. А 27 июля сотни таких флагов реяли над Львовом.

По площадям и бульварам солдаты гнали тысячи пленных гитлеровцев.

Совинформбюро оповестило, что советские воины освободили Львов. Из репродукторов слышались могучие артиллерийские залпы из 224 орудий. Это Москва от имени Родины салютовала войскам 1-го Украинского фронта, отличившимся при освобождении древнего города.

За активное участие в освобождении Львова от немецко-фашистских захватчиков приказом Верховного Главнокомандующего Советской Армии личному составу корпуса была объявлена благодарность.

Корпус получил боевое звание «Львовский». 62-я Гвардейская Пермская танковая бригада за боевые действия в бою за Львов Указом Президиума Верховного Совета СССР награждена орденом Красного Знамени. Много сотен километров бригада прошла с ожесточенными боями.

И вот войска корпуса у стен Берлина. Мой наблюдательный пункт расположился на берегу Тельтов-Канала.

Теперь уже и без бинокля видна панорама окраины Берлина.

Немецкая столица горит, клубы черного дыма заволочили небо. Иногда ветер рассеивает дым, и тогда проступают громады домов, заводские трубы, острые шпили кирх. По Берлину бьют тысячи наших орудий, сотни самолетов сбрасывают много тонн бомб, от грохота канонады дома шатаются, как во время землетрясения.

В этот день произошло чрезвычайное событие: войска 1-го Белорусского фронта захватили все дороги, ведущие из Берлина на запад, и соединились с войсками нашего 1-го Украинского фронта.

Таким образом, войска Советской Армии сжали мощным кольцом столицу Гитлера. По всем дорогам, мрачно склонив головы, бредут пленные фашисты. Это «лучшие защитники Берлина», как называл их Геббельс.

Маршал Конев приказал нам овладеть окраиной Берлина — островом Ванзе между рекой Хавель и Тельтов-Каналом.

На Ванзе засели эсэсовцы.

Мотострелковая бригада, состоявшая из добровольцев свердловцев, челябинцев и пермяков, во взаимодействии с 62-й гвардейской танковой бригадой должна была овладеть островом Ванзе и закрепиться на нем.

Начальник инженерной службы корпуса, или, как его называли, начинж, с саперами под смертоносным огнем сооружает через канал понтонные мосты.

— Начинаю, давай быстрее! Видишь, ночь кончается! — нервничает подполковник Сердюк, заместитель командира мотострелковой бригады.

Роман Сердюк возглавлял штурмовую группу комсомольцев-автоматчиков.

На рассвете молодым бойцам предстояло форсировать канал. С берега огнем из танковых пушек и всей артиллерии их поддерживали танкисты 62-й танковой бригады и артиллеристы мотострелковой бригады. Вслед за добровольцами-автоматчиками должны переправиться по наведенным мостам танки Пермской бригады.

Огонь не прекращался. Снаряды, будто трактора, перепахивали землю. Свистели мины. Казалось, от грохота разрывов лопнут барабанные перепонки.

Но вот на плавающие понтоны легли длинные стволы деревьев. Хотя кладки эти шатки, на них тотчас же появляются люди, впереди — подполковник Сердюк.

В руках у него развернутое знамя, за ним штурмовая комсомольская группа. Все они добровольцы, уральцы. Их более ста.

— За Родину! Даешь Берлин! Вперед друзья! — звучит голос Романа.

В линзы полевого бинокля видна переправа. Впереди невысокая стройная фигура Сердюка со знаменем.

Но что это?.. Знамя пошатнулось, его перехватил боец, бежавший за Сердюком. Роман упал. Неужели ранен?

Есть люди, которых при жизни записывали в бессмертные. Как-то свыкаешься с тем, что из самого страшного огня они выходят невредимыми. Таким бессмертным считали и Сердюка, который прошел путь от Курска до Берлина. Мы привыкли видеть его всегда в бою, неизменно впереди всех. Не верилось, что это именно его несут на руках комсомольцы.

Бойцы осторожно опустили на землю своего командира. Роман Сердюк умирал на берегу Тельтов-Канала.

— Товарищ полковник, — лихорадочно шептал он командиру бригады полковнику Ефимову, склонившемуся над ним. — Напишите моей матери на Украину, чтобы не плакала... Я умираю в Берлине... Все-таки дошел...

Сердюк тяжело дышал... В это время на левом берегу канала раздалось победное красноармейское «ура». Это мотострелки вступили на остров Ванзе. Впереди развевалось их знамя.

Полковник Ефимов крепко сжал руку Сердюку и сказал:

— Ты слышишь, Роман, твои ребята форсировали канал... Комсомольцы уже на острове!

Дошли ли эти слова до утешающего сознания полковника Сердюка? Вероятно, дошли... Из-под опущенных век

медленно скатились две крупные прозрачные слезы. Через несколько минут его не стало...

Над каналом гремело «ура».

Лодки, колоды, ломаные деревья летели в воду. Пехотинцы, автоматчики, сотни наших бойцов, ухватившись за них, устремились на остров. За пехотинцами по переправе, быстро наведенной саперами, пошли танки 62-й Пермской танковой бригады.

Враг был разбит, и островом овладели наши войска.

Закончив боевые действия в Берлине, Гвардейский Уральско-Львовский добровольческий танковый корпус 2 мая 1945 года двинулся на юг, а потом в Чехословакию.

На рассвете 9 мая мы увидели вдали темные силуэты домов.

Вручение комсомольского билета водителю танка.

— Да ведь это Прага! Навстречу нам бежали люди.

— Люди добрые! Рудо Армада! — чехи кричат, не помня себя от радости, смеются и плачут.

Утро 9 мая. Все вокруг залито солнцем. Дождь, ливший до этого не переставая в течение нескольких дней, словно по приказу прекратился.

Дома чешской столицы украсились красными советскими и трехцветными чешскими флагами.

А цветов! Целые охапки благоухающей майской сирени несут девушки и бросают на броню наших «тридцатьчетверок», которые медленно продвигаются среди густой толпы.

Радиостанции, установленные на танках, принимают радостную весть, которую люди ждали целых четыре военных года.

Великая Отечественная война завершилась победой.

А танкисты Гвардейского Уральско-Львовского добровольческого танкового корпуса тем временем ведут бой с эсэсовцами, засевшими на чердаках высоких пражских домов и поливающими наши танки ливнем огня фаустпатронов, пушек и пулеметов. И этот свист пуль, осколков снарядов, прорезающих воздух, и огонь фаустпатронов как-то не вяжется с радостными лицами пражан, с цветами, с сотнями флагов, трепещущих на ветру...

62-я Пермская танковая бригада с боями очищает юго-восточную часть города Праги...

Вот так мы встретили первое утро мира, а вечером чешская столица сияла огнями. «Ура» сливалось с чешским «Наздар».

Прага праздновала мир, который принесли ей советские братья.

В. Леденцов - БУДНИ МИНОМЕТЧИКА

Старший разведчик-наблюдатель — вот моя фронтовая «профессия». Воевал в минометном полку, но полк наш входил в состав корпуса, поэтому только все вместе — танкисты, минометчики, мотоциклисты, «матушка-пехота» — могли одерживать такие замечательные победы, как та, которую мы одержали при взятии Львова.

Еще за несколько недель до этого события на дорогах появились деревянные указки с надписями «На Львов!» Мы знали, что быть большому наступлению. Да и видно это было по всему. Танкисты приводили в порядок свои боевые машины. Артиллеристы тоже собирались крепко всыпать фашистам. Им предстояло начать.

И они начали. Целый день длилась артподготовка, да такая, что звон в ушах не прекращался ни на минуту. Затем в небо взмыли самолеты, много самолетов. А потом грянули «катюши», наводившие страх на немцев с первой минуты своего появления на фронте.

Мы, минометчики, от исходных позиций километров пятнадцать продвигались без единого выстрела. Около самого Золочева нам пришлось быть свидетелями жестокого танкового боя. Я видел столкновение этих грозных машин впервые. Наблюдательный пункт наш расположился на горе. Видно было оттуда, как подошла и залегла пехота, как наше самоходное орудие появилось на поле. И сразу же вражеский снаряд врезался в бок самоходки. Ни одному бойцу не удалось спастись, сгорели все. Пламя столбом взвилось в небо и долго еще, сопротивляясь струям дождя, лизало ставшее беспомощным орудие.

И тут прямо на город пошли «тридцатьчетверки». Бой был сильный. Наши несколько раз бросались в атаку и несколько раз сползали обратно в ложину. Дождь все шел, то усиливаясь, то прекращаясь, и на вязкой, темной,

Памятник танкистам во Львове.

перепаханной вдоль и поперек мощными гусеницами земле машины заметно скользили. Когда сопротивление немецких танков было, по-существу, сломлено, рядом с легкими боевыми машинами появились вдруг несколько «тигров». Но и этот могучий враг не напугал наших танкистов. Загорелся один, а затем и второй «тигр». Наши танки ворвались в городок, оставив среди множества горящих машин несколько своих, экипажи которых героически погибли в этом жестоком бою.

Мы прошли через освобожденный городок. Все дальше, дальше вели нас фронтовые деревянные указатели. Путь был один: «На Львов!».

Трудно давалось нам продвижение по настрадавшейся украинской земле. Без тщательной разведки нельзя было войти в любой из населенных пунктов.

Это было километрах в двадцати от Львова В четыре часа утра пришлось подниматься. Пасмурное утро, невеселые места. Трудно ухолить в предрассветную тьму, в неизвестность. А надо. Мы, разведчики, — глаза и уши, от нашего внимания и мужества многое зависит в этом большом, страшном и сложном деле, имя которому — война. И мы уходим в тающую мглу с задачей вполне определенной и не новой, выполнять такие случалось и прежде: узнать, есть ли фрицы в деревне Зацемны, и по возможности взять «языка». Нас пятнадцать. Люди все смелые, проверенные не одним боем, не одной разведкой.

В деревне никого не оказалось. Мы прошли ее спокойно, готовы были возвращаться к своим, и вдруг, уже в лесу, началась стрельба. Прячась за деревьями, выбираемся на опушку. Оказывается, напоролись на немцев. И их, как видно, много, но у нас нет другого выхода, как принимать бой. До своих далеко. Отступить — это значит вести фашистов за собой. А если не пойдут? Если свернут и неожиданно, с тыла, ударят по какой-нибудь из наших частей? На раздумье были всего секунды, И именно в эти секунды поняли наши ребята: надо биться, драться до последнего. Одного из бойцов мы послали сообщить нашим, просить подкрепление. Сами же начали отстреливаться, стараясь продержаться как можно дольше.

Уже полчаса идет бой. Большой, оказывается, отряд встал на нашем пути. А нас ведь всего пятнадцать... Только бы продержаться до подхода своих. Хотя, почему пятнадцать? Нет бойца, ушедшего за товарищами, и нет еще одного, паренька из соседнего взвода управления. Ищу взглядом — да, действительно, нет. Неужели отстал в темноте, когда выходили из леса?

Стрельба не прекращается ни на миг. Уже минут сорок идет бой. Вижу посеревшие от ненависти и боли лица раненых друзей. И вот чувствую сам, как обожгло кисть правой руки. Взял автомат в левую, смотрю — прострелен диск. С трудом, кое-как орудуя левой рукой, сменил диск у автомата. Только бы скорее подошли свои! Они пришли! Это решило успех боя. Немцы были уничтожены и взяты в плен.

А в лесу мы нашли тело того паренька, из соседнего взвода управления... Боевой был парнишка, награжден Красной Звездой. Подстрелили его немцы еще на рассвете, в темноте, когда мы выбирались на опушку. И даже над мертвым советским солдатом надругались: на спине у парня кровью запеклась алая звезда...

В освобождении Львова мне участвовать не пришлось. Пробыл в госпитале. Через два дня после освобождения Львова с группой раненых бойцов я приехал в Львовский госпиталь. Машина пришла в город ночью, шофер госпиталь не нашел, и мы решили искать его сами. Высадились на темной, как будто вымершей улице. В такой тьме ничего отыскать нам не удалось. Где ночевать? И тут мы наткнулись на здание оперного театра, зияющее провалами высоких выбитых окон. — Ночуем здесь, хлопцы?

Где не пришлось спать солдату? Вот разве что в театре доводилось ночевать не всякому. Но устроились мы удобно. Только не спалось, как ни странно, довольно долго. И молчали, а словно разговаривали друг с другом, потому что думали об одном. О том, что хорошо бы лет через десять приехать сюда, во Львов, не фронтовыми дорогами, не с перевязанными ранами, не в выгоревшем от солнца и пота солдатском обмундировании, а человеком вполне штатским, сугубо мирным. И зайти сюда, в театр. Он будет сиять люстрами, в нем будет много света, бархата, красиво одетых людей. Поднимется тяжелый занавес, и дирижер взмахнет палочкой, заставив восторгаться оркестрантов. Мягкая украинская речь будет звучать со сцены и во время антрактов.

А мы вспомним, как июльской ночью сорок четвертого года спали в этом театре тридцать раненых уральских бойцов-добровольцев, несколько дней назад участвовавших в боях за освобождение Львова, за то, чтобы в этом театре снова зазвучала музыка.

Герой Советского Союза *И. Никонов* - ГЛАЗАМИ РАЗВЕДЧИКА

Это было около города Козельска, между Орлом и Брянском.

Глубокой ночью четверо разведчиков подползли к реке. Нужно было установить место брода: утром танковой бригаде предстояло форсировать реку и перейти в наступление.

Немцы нервничали. В воздухе то и дело появлялись осветительные ракеты, слышалась беспорядочная стрельба.

Закрывшись с головой плащпалаткой, командир взвода разведки Алексей Бражников некоторое время сосредоточенно изучал карту.

— Кажется, здесь, — шепнул он. — Надо как следует проверить...

Первым двинулся к реке Яков Звездин. Темнота сразу же поглотила его. Только прошуршал песок, да слегка булькнула вода.

Мы напряженно прислушивались... С реки не доносилось ни звука. Вдруг ярко вспыхнула ракета: метрах в двадцати от берега по пояс в воде стоял Звездин. Вокруг него забулькали пули, и он, резко присев, исчез под водой.

— Заметили, гады! — выругался Бражников. — Теперь не подступишься...

К нашему удивлению, немцы успокоились быстро. Они, по-видимому, решили, что советский солдат убит, а другие вряд ли посмеют подойти к реке в этом же месте.

Но мы-то не могли отойти, не выполнив приказа. Поэтому как только мокрый, вздрагивающий от холода Звездин выбрался на берег, на поиски брода отправился Дмитрий Бортников. Через некоторое время он благополучно вернулся назад и доложил, что глубина реки равняется всего восьмидесяти сантиметрам. Хорошо! Танки могут пройти. Но каков грунт? Круто ли обрывается противоположный берег?

Теперь наступил мой черед. Осторожно, стараясь не производить шума, иду по реке, ощупывая ногами твердое каменистое дно. Водяные струи журчат возле колен. Совсем близко переговариваются немецкие солдаты. Пригибаюсь так, что из воды торчит только одна голова. Снизу хорошо видно, что берег совсем пологий. Танки без всякого труда смогут преодолеть его.

На рассвете неожиданно для фашистов наши танки переправились через реку и ворвались в деревню Колоняево. За танками двинулась пехота.

Но этот стремительный бросок вскоре пришлось приостановить. На пути наших танков протекала река.

Саперы принялись наводить мост, но немцы уже опомнились. В небе загудели фашистские самолеты, вражеская артиллерия открыла бешеный огонь. Пехота противника перешла в контратаку. Немцы хотели во что бы то ни стало уничтожить наших десантников, уже переправившихся через реку. Силы были неравные, потому что наши танки стояли в бездействии. Один из них попытался переправиться, но дно оказалось очень илистым, и боевая машина беспомощно застряла посередине реки. А бой на противоположном берегу принимал все более ожесточенный характер. Уральцы не хотели отдавать врагу только что освобожденную землю и дрались самоотверженно. Кое-где дошло до рукопашной. До сих пор стоит перед моими глазами такая картина: немец ударил нашего солдата кинжалом в шею, но, истекая кровью, советский воин все-таки сумел всадить штык прямо в живот гитлеровцу. Фашист был убит, а наш солдат выжил, хотя кинжал из его шеи удалось достать лишь тогда, когда санитары доставили его на перевязочный пункт.

Наконец под бомбежкой и не прекращающимся артиллерийским обстрелом саперам удалось соорудить мост.

После непродолжительного отдыха в Брянских лесах наша бригада была переброшена на ликвидацию Каменец-Подольской группировки противника. Здесь, в результате мощного весеннего наступления, наши войска сумели окружить крупные танковые соединения врага.

Дороги развезло. Бронетранспортеры буквально тонули в грязи. Приходилось тратить немало сил, чтобы вытащить их на более или менее твердый грунт. Мы двигались на помощь пехотной дивизии, которая была очень сильно потрепана в недавних боях. А именно там, как предполагало наше командование, враг мог сделать попытку прорвать кольцо окружения.

Однако немцы почему-то медлили. Как выяснилось позже, они располагали большим количеством танков, но совсем не имели горючего.

Ночью поднялся буран. Ветер пронизывал насквозь, швыряя в глаза пригоршни колючего снега. Воспользовавшись непогодой, немцы на транспортных самолетах перебросили в распоряжение своих окруженных войск необходимое количество горючего. Мы, конечно, слышали рев моторов, но из-за метели не могли распознать, что происходит у фашистов.

И вот утром мощная бронированная лавина обрушилась на нас. Немецких танков было так много, что они буквально смяли стрелковую дивизию, а штаб нашей бригады был отрезан от своих основных сил и очутился в окружении. Два танка, «катуша», которая располагала всего-навсего двумя снарядами, двенадцать разведчиков, двадцать пять пехотинцев-десантников, да около семидесяти солдат из стрелковой дивизии — вот все, что осталось в распоряжении штаба бригады. А ведь при штабе находилось знамя! За него мы отвечали не только перед нашими бойцами, но и перед далеким седым Уралом, перед всеми уральцами, которые вручили нам его, благословляя на ратные подвиги.

— Отступить к лесу! — приказал комбриг. — Будем занимать круговую оборону!..

Чувствуя превосходство своих сил, немцы бросились в яростную атаку. Не сгибаясь, во весь рост, они надвигались на нас.

Стволы танковых пулеметов, из которых наши солдаты вели огонь по гитлеровцам, раскалились добела. Из автоматов, винтовок и пистолетов стреляли из-за каждого дерева, из-за каждого куста. Отбивались гранатами и даже штыками.

Атака была отбита. Над лесом, в котором укрылись мы, появились вражеские самолеты. Начался артиллерийский и минометный обстрел.

По двум дорогам, расположенным по ту и другую сторону леса, сплошным потоком двигались фашистские части.

У нас почти не осталось боеприпасов, не было продовольствия. Но сильнее голода мучила неизвестность: долго ли придется нам отсиживаться в этом лесу, что собираются предпринять против нас немцы?

Нужно было во что бы то ни стало достать «языка». На эту операцию мы отправились впятером. Ночью незаметно подобрался к самой дороге и залегли у обочины. Рассчитывать на захват небольшой группы фашистов не приходилось. Немцы предпочитали ходить и ездить по дороге только большими отрядами. Поэтому для помощи нам был выделен один танк.

Когда утром на дороге показалась колонна автомашин, танк вышел из леса и метким выстрелом поджег головную

машину. Побросав машины, немцы в панике бросились наутек по дороге в том направлении, откуда только что приехали.

Только один фриц почему-то замешкался. Увидев нас, он вскинул автомат, но выстрелить не успел. Его быстро обезоружили и под охраной двух разведчиков отправили в штаб.

Дмитрий Бортников, Иван Сысоев и я кинулись к машинам, которые были доверху нагружены продуктами. Забравшись в кабину одной автомашины, я попытался завести мотор. Напрасно! Гитлеровцы, видимо, успели там что-то испортить.

Пока я возился с мотором, Сысоев и Бортников успели прихватить кое-что из продуктов.

— Никонов, немцы! — предупредили они меня и, пригибаясь, побежали к лесу. И действительно, фашисты бросили на выручку своего продовольствия отряд автоматчиков.

Возвращаться в лес с пустыми руками мне не хотелось. Ведь там десятки бойцов уже несколько дней не имели во рту ни крошки хлеба.

Положив в плащ-палатку колбасы, консервов, несколько бутылок вина, я взвалил этот узел на спину и кинулся по полю к лесу.

Но, пробежав метров двадцать, я вдруг с ужасом обнаружил, что впопыхах оставил возле машины свой автомат. А много ли стоит солдат без оружия, да еще в окружении? Для разведчика это же настоящий позор!

Эти мысли молнией промелькнули в моей голове и, бросив узел с продовольствием, я со всех ног кинулся обратно. Пока я разыскивал автомат — возле машины его не было, оказывается, я его забыл в другом месте — немцы приблизились к машинам метров на двести. Мне казалось, что я даже слышу грохот их кованых сапог по дороге. Грянул выстрел, за ним — другой! Прихватив злополучный узел с продуктами, короткими перебежками я приближался к лесу.

До сих пор никак не могу понять, почему немцы не сумели пристрелить меня или, по крайней мере, не ранили? Человек, удирающий по полю, словно заяц, был для них, вероятно, неплохой мишенью! Правда, вести по мне прицельный огонь фрицы не могли, так как наш танк снова громохнул по ним из своей пушки...

Положение наше с каждым днем все больше ухудшалось. Раненые нуждались в медицинской помощи, здоровые обессилели от голода, продуктов, захваченных разведчиками у фашистов, не хватило даже на то, чтобы, как говорится, заморить червячка. Даже маленький костер нельзя было разжигать, потому что немецкие самолеты кружили над лесом день и ночь.

Надо было прорываться к своим. Но как? В каком направлении надо двигаться? Где можно пройти с наименьшими потерями?

Неподалеку от леса была расположена небольшая деревушка. В нее-то и приказал проникнуть разведчикам командир бригады. Кроме обязательного в данном случае «языка», мы должны были еще позаботиться о продовольствии.

С большими предосторожностями пробрались мы в деревню. Обошли все дома, но не нашли ни одной живой души.

На востоке занималась заря. Пора было нам уходить обратно в лес, как вдруг на дороге послышался рокот мотора.

— Немецкий бронетранспортер! — доложил Александр Ломакин. Взобравшись на крышу, он внимательно следил за дорогой. Транспортёр остановился, семеро гитлеровцев, выпрыгнув из него, направились к деревне. Как всегда

бывает в подобных случаях, решение созрело мгновенно: уничтожить!

Николай Девочкин, Александр Андреев — оба кунгуряки, — Александр Ломакин, я и еще двое разведчиков притаились в деревянных сараях на краю деревушки. В щели было хорошо видно, как гитлеровские солдаты все ближе и ближе подходили к нам. Подпустив фашистов метров на тридцать, разведчики обрушили на них шквал автоматного огня. Все семеро, как подкошенные, свалились на землю. Транспортёр, взревев мотором, скрылся за поворотом дороги.

На востоке медленно поднималось солнце. Шел седьмой день с тех пор, как мы жили в лесу. В этот день Киевская дивизия, перейдя в наступление, отброси-

После вручения орденов. 1945 г. Стоят (слева направо): А. Ломаев, И. Сысоев. Сидит справа И. Никонов. Фамилия товарища, сидящего слева, не установлена.

ла гитлеровцев, и мы вышли из окружения.

Это было в Польше. В нейтральной зоне, между нашими и немецкими войсками, лежала небольшая роща. Разведчики двигались цепочкой по узенькой, поросшей лебедой тропинке. Утро было чудесное. Роща, пронизанная весенним солнцем, звенела птичьими голосами. Даже цветы под нашими ногами, казалось, тоже тихонько позванивали, покачивая головами. Мы на какое-то очень короткое время словно забыли о войне. Обычно в разведке автомат всегда висит на груди, с таким расчетом, чтобы его в любую минуту можно было пустить в ход. На этот раз я закинул автомат за спину и, помнится, даже нарвал букет цветов.

И вдруг весь этот яркий, многозвучный мир исчез. Его заслонили собой пять серых фигур, выросших словно из-под земли на лесной тропинке.

Не знаю, такие ли же чувства испытывали в это утро немецкие разведчики, только, столкнувшись с нами лицом к лицу, они тоже замерли в растерянности.

— Стой!

— Хальт!

Эти возгласы прозвучали почти одновременно с обеих сторон. Я рвал с плеча автомат, но он, как назло, зацепился за что-то... «Все» — пронеслось в голове. Наверное, я хотел сказать себе, что вот и кончилась жизнь. Не придется больше приминать ногами траву, слушать пересвист птиц, потому что рослый фашист успеет первым выстрелить в меня. Но тут сзади меня застрочили автоматы Ивана Сысоева, Ивана Кузнецова, Николая Девочкина и всех остальных моих друзей-разведчиков. В следующее мгновение мы кинулись на фашистов. В ход пошли ножи. Через минуту было все кончено...

Я вспомнил этот маленький эпизод для того, чтобы еще раз подчеркнуть, в каких сложных условиях приходилось воевать разведчикам. Не преувеличивая, можно сказать, что каждый из нас ежеминутно, ежечасно смотрел в глаза смерти.

В разведку, даже самую ответственную, самую опасную, отправляется всего лишь маленькая горстка бойцов. Вокруг них враги, безжалостные, коварные, озверевшие...

Однажды немцам удалось захватить в плен одного нашего разведчика, чуваша по национальности. Зверски пытали его фашисты. Вывалили ногти на руках и ногах, выкололи глаза, вырезали язык. Обезображенный до неузнаваемости труп они подбросили на нейтральную зону, желая, по-видимому, уstrasшить наших бойцов.

Летом 1944 года наша бригада получила приказ прорвать линию фронта и освободить город Львов. После мощной артиллерийской подготовки танки ринулись вперед.

Бросок был стремительный. Наш бронетранспортер застрял в грязи, и когда, наконец, нам удалось его вытащить, танковая бригада ушла уже далеко.

Километрах в двадцати от Львова мы догнали немецкий бронетранспортер и три автомашины с солдатами.

Отступать было поздно: гитлеровцы уже заметили нас. Тогда, не снижая скорости, мы открыли по фрицам огонь. Подожгли две машины, повредили транспортер. По броне застучал град пуль. Одной из них, залетевшей в смотровую щель, был ранен наш водитель. Я не помню его фамилию. Знаю только, что он был коренным уральцем, кажется, из Пермской области.

Ни большая потеря крови, ни мучительная боль от раны не заставили его оставить штурвал.

В какой-то деревушке навстречу нам вышли немецкие танки. Свернув в узкую боковую улочку, водитель буквально сбросил транспортер в крутой и глубокий овраг. Представляю, какую отчаянную боль испытал он при этом толчке. Но он заставил машину выбраться из оврага и погнал ее дальше. Вскоре транспортер остановился. Белый, как полотно, с закушенной до крови нижней губой, водитель долго копался в моторе. Мы торопили его: немцы в любую минуту могли обрушиться на нас. Водитель сделал все, что мог. Он упал уже без сознания, когда мы вновь очутились в расположении наших войск...

Вспоминается такой случай. Только что кончился бой. Противник отступил, и мы получили приказ: узнать, находятся ли немцы в ближайшем населенном пункте.

В поле стоял подбитый немецкий танк. Мы подобрались к нему, осмотрелись, приготовились было двигаться дальше, но видим: прямо к нам приближается еще один танк. Что делать? Бежать — бесполезно. До ближнего лесочка добрых триста метров. Немцы легко нас всех перебьют. Остается одно — забраться в танк. Будь что будет!

Немцы осмотрели подбитый танк и решили увести его с собой. Прицепили трос. Дернули — ни с места. Потянули еще раз — лопнул трос.

Оставив часового, гитлеровцы поехали на танке за тягачом.

— Взять живым! — шепотом приказал я.

Зингеров откинул крышку люка и сверху прыгнул на фашиста. Тот отчаянно сопротивлялся, сумел даже свалить разведчика на землю. Товарищи помогли Зингеру обезоружить гитлеровца...

* * *

Река Одер представляла естественную преграду на пути советских войск к Берлину. Кроме того, фашисты соорудили на противоположном берегу целую систему мощных укреплений. Днем и ночью река находилась под перекрестным

обстрелом.

В январе 1945 года наша танковая бригада вышла к Одеру. Мост через реку был цел. Но как только несколько наших танков на большой скорости переправились на противоположную сторону, мост взлетел в воздух.

Началась подготовка к переправе через Одер, к штурму укреплений на его противоположном берегу.

И, конечно, в первую очередь потребовался «язык», который помог бы выявить слабые и сильные места в обороне противника.

Сначала это важное дело было поручено разведчикам другого отделения. Но после того как они дважды возвращались ни с чем, в штаб вызвали меня. Там были командир бригады Денисов, начальник штаба Макшаков, начальник разведки майор Шихман.

— Вот что, старшина, — сказал мне Денисов. — Нужен «язык» из-за Одера... Руководить поиском будет майор Шихман...

Мы вышли из штаба. Майор ознакомил меня с планом операции, поручил подобрать людей.

— Лучше всего добровольцев, — добавил он. — Сам понимаешь, задание очень ответственное...

Как я и ожидал, на мой вопрос: «Кто пойдет за Одер?» — откликнулись все бойцы отделения. Я отобрал шестерых, среди которых были Николай Девочкин, Иван Сысоев и другие бойцы, вместе с которыми я воевал с самых первых дней.

Началась тщательная подготовка к предстоящей операции. Там, где сохранился лед, наметили место переправы, а так как лед был очень тонкий, хрупкий, то мы разломали сарай и запаслись длинными и широкими досками.

Дул порывистый холодный ветер. Луна изредка выглядывала из-за туч. Разведчики в маскировочных халатах ползли по льду. Двигались медленно, осторожно, потому что над Одером почти не затухали осветительные ракеты. Лед предательски потрескивал. Приходилось то и дело подкладывать под себя доски. А тут еще непрекращающийся обстрел. Правда, немцы били наугад, но шальные пули время от времени разбивали лед и где-то совсем поблизости.

Часа через полтора выбрались на противоположный берег. И тут на наше счастье завывала метель. Ветер хлестал по лицу, но мы были довольны. В такую непогоду фрицам тоже не сладко. Обнаружить нас им будет нелегко.

Продвигаемся осторожно, чутко прислушиваясь к каждому звуку. Неожиданно под ногами захлюпала вода. Болото! Пришлось вернуться. Метель разыгралась не на шутку. Некоторое время двигаемся наугад, то и дело меняя направления. Наконец нащупываем под ногами провод. Очевидно, это телефонная связь.

С еще большими предосторожностями продвигаемся вдоль провода. Метров через сто замечаем впереди какой-то бугор. Лежим, зарывшись в снег, и внимательно наблюдаем.

Вот на бугре показалась фигура человека. Через некоторое время человека не стало видно. Потом он снова появился и опять исчез. Все ясно — это часовой.

Приближаемся к нему короткими перебежками, стараясь продвигаться только в тот момент, когда часовой поворачивается к нам спиной.

Вот до бугра осталось не больше тридцати метров. Теперь к часовому подползает с кинжалом в руке только один разведчик. Остальные неподвижно распластались на земле.

Неожиданно часовой без звука падает на землю. Вперед!

Теперь все решает быстрота и натиск. Минута промедления — и все погибло!

Землянка. В распахнутую дверь летит граната. Не успел еще замолкнуть глухой взрыв, как разведчики уже ворвались в землянку. Трех солдат закололи ножами. За перегородкой — офицер. Трясущимися руками он ищет под подушкой оружие. Удар по голове — и на выход! Скорее, скорее! Метель уже затихла и начинает светать.

Примерно на середине реки офицер очнулся.

— А-а-а! — закричал он пронзительным отчаянным голосом. Весь вражеский берег ожил и загремел сотнями выстрелов. Теперь уже не какие-нибудь шальные, случайные пули летели, а мины и снаряды со скрежетом коверкали лед.

Но берег уже близко. Выскочив на него, мы укрылись в ложбине, и через некоторое время доставили пленного офицера в штаб бригады. «Язык» оказался очень ценным. Он дал много нужных сведений.

Наша танковая бригада стремительным броском преодолела Одер и, разгромив укрепления врага, погнала его дальше, в глубь Германии. Была в этом и наша маленькая заслуга. Об этом красноречиво говорят те высокие награды, которые мы, разведчики, получили за эту операцию. Мне присвоили звание Героя Советского Союза.

Бывший начальник штаба Пермской танковой бригады Б. Макшаков - ВОТ ОН - БЕРЛИН!

Уже позади Висла и Одер. Позади сотни городов, сел и деревень, освобожденных от фашистской неволи. По трудным военным дорогам пройдено тысячи километров. Впереди еще один трудный рубеж, а там дальше за Нейсе — Берлин, столица фашистской Германии. Сосредоточение войск почти закончено. Все кругом тихо и спокойно. На березках, таких же белых и стройных, как и у нас на далеком Западном Урале, пробиваются первые, ослепительно зеленые листочки. Но обманчиво это кажущееся безлюдье, неправдоподобна тишина!

В замаскированных окопах и землянках ждали сигнала к атаке десятки тысяч людей. В балках, кустах и перелесках в боевой готовности стояли танки, минометы, сотни орудий.

Последняя ночь перед большим, решающим наступлением. С ним у каждого бойца связывались надежды на близкую и окончательную победу над коварным врагом, мечты о мирной трудовой жизни. Еще раз осмотрены боевые машины, приведено в порядок оружие. Сидя около замаскированных танков, солдаты обменивались впечатлениями о немецкой земле, рассказывали друг другу о письмах, полученных в последние дни с родины, писали при скудном свете коптилок весточки отцам, матерям, женам.

А тем временем в штабе нашей Пермской танковой бригады, как и во всех других частях Уральского Гвардейского танкового корпуса, кипела горячая работа. Уточнялись карты, увязывалось взаимодействие родов войск, изучались последние данные разведки. Когда уже почти перед рассветом я вышел из землянки на улицу, стояла кромешная тьма. Светомаскировка на этот раз соблюдалась особенно строго. Поэтому нигде ни один огонек не мигал в окрестности. Только вдаль, на высотах, где укрепились фашисты, часто подымались и долго висели в воздухе пучки осветительных ракет. Враг нервничал.

— Да, что-то очень беспокойными стали в последнее время фрицы, — сказал мой земляк, верещагинец, капитан Сумцов. — А ведь раньше они вон как нахально себя вели...

Мне, работнику штаба бригады, часто приходилось лично допрашивать военнопленных, изучать различные трофейные документы и поэтому я знал, что у немцев нервы расшатались неспроста. В стане врага уже царили растерянность, паника. Об этом свидетельствовали и письма убитых немецких солдат и офицеров. В них не встречалось больше громких барабанных фраз о непобедимости немецко-фашистских войск, о преданности фюреру, как это было в первые годы войны. В каждом слове теперь чувствовались страх, растерянность. Немцы серьезно задумывались о своем будущем, о судьбах страны.

Едва только забрезжил рассвет, в воздух взвилась сигнальная ракета. Настойчиво и грозно заговорила наша артиллерия, гвардейские минометы. Передний край гитлеровцев сразу же окутался сплошным темным дымом. Артиллерия смолкла. Вперед рванулись пехота и танки. В глубине обороны противника разгорелся жаркий бой. Немцы сопротивлялись отчаянно, подтягивали резервы, пытались остановить наше наступление, предпринимали яростные контратаки.

В полдень развернулось большое танковое сражение по обеим сторонам главной шоссейной магистрали, ведущей на Берлин. Оно длилось несколько часов. С командного пункта бригады было хорошо видно, как машины сближались, медленно, маневрируя, используя каждую складку земли.

Находясь с командиром бригады на командном пункте, я видел в бинокль, как, открыв беглый огонь, один головной танк буквально как пехотинец делал короткие «перебежки» от рубежа к рубежу, нащупывал хоботом орудия неприятельскую машину и метко бил по ней. Это был боевой экипаж «тридцатьчетверки» № 40, которой командовал бывший челябинский металлург Андрей Королев, воин беззаветно мужественный, не знавший страха в боях.

Не уступали ему в смелости и все другие танкисты. Выбрав себе вражеский танк, они вступали с ним в единоборство или, собравшись в группу, с бешеной скоростью устремлялись вперед и одну за другой расстреливали фашистские машины.

Над полем боя стоял гул орудий, гремели взрывы авиабомб. На земле тут и там зияли черные и красные воронки. Битва не прекращалась и ночью. Над полями, где она шла, нависли ослепительные ракеты. И тогда становились видными передвигающиеся бойцы, танки, орудия. Шло великое наступление на Берлин.

И уже ранним утром 23 апреля 1945 года на весь мир была оглашена оперативная сводка советского информбюро: «Войска 1-го Украинского фронта, перейдя в наступление, прорвали при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации сильно укрепленную и глубоко эшелонированную оборону немцев на реке Нейсе, продвинулись вперед от 80 до 160 километров, овладели городами Коттбус, Люббен, Цоссен, Беелитц, Луккенвальде, Тройенбритцен, Цана, Мариенфельде, Треббин, Рангедорф, Дидерсдорф, Тельтов и ворвались с юга в столицу Германии Берлин».

Берлин! Вот он наконец и перед нами. Сколько лет шли мы к нему с боями! Сколько людей потеряли, пережили горя, пролили крови!

Дым, огонь. Дома, улицы как будто плавают в медленном пламени. На фоне багрового неба отчетливо видны скелеты разрушенных авиабомбами зданий, желтые дыры окон и дверей. Кажется, в городе нет и не может быть ничего живого. Но лишь только тронется какой-нибудь танк вперед, как тут же гремит пушечный выстрел!

Сражение в Берлине шло круглосуточно, днем и ночью.

Как-то ранним утром в самый разгар штурма немецкой столицы, группа советских бойцов, возглавляемая младшим лейтенантом уральцем Кузьмой Пермьяковым, удачным и дерзким налетом захватила большой каменный дом на одной из окраинных улиц Берлина. В этом здании засело до десятка отборных фашистских головорезов. У них были фаустпатроны, противотанковая пушка. Немцы долго не давали возможности нашим танкам продвигаться вперед, два из них подбили. Надо было во что бы то ни стало ликвидировать, уничтожить этот очаг сопротивления. Выполнить опасное боевое задание добровольно взялись бойцы взвода Кузьмы Пермьякова.

Разделившись на две группы, они решительно бросились на штурм. Пока одна группа солдат, незаметно подобравшись к логову фашистов, вела бой с расчетом противотанковой пушки в нижнем этаже, другая по пожарной лестнице и водосточным трубам забралась на чердак дома, уничтожила там немецких автоматчиков, а потом бросилась на по-

мощь дерущимся с фашистами на первом этаже. Немцы не выдержали внезапного удара с тыла и начали сдаваться в плен.

Таким образом дом был очищен от врага. Но немцы решили отбить дом и начали предпринимать контратаки. Им удалось оттеснить наших бойцов на второй этаж, а потом и на третий. Быстрой поддержки советские воины не могли получить, так как наше подразделение отошло назад, чтобы вывести танки из-под губительного артиллерийского огня.

Однако штурмовая группа младшего лейтенанта Пермякова не растерялась. По приказу своего командира, четверо бойцов остались вести бои с фашистами внутри дома, а остальные снова выбрались на чердак, спустились по водосточным трубам вниз, ворвались в первый этаж и завязали рукопашный бой с фашистами. Вскоре туда же была брошена еще одна штурмовая группа, выделенная командиром стрелковой роты, взаимодействующей с танкистами. Дом был занят советскими воинами. В результате наши танки получили возможность продвинуться вперед.

Сила наших воинов различных родов оружия состояла в том, что они умело взаимодействовали в боях, ценили и уважали друг друга, в трудную минуту всегда приходили на помощь один другому. Вспоминается такой небезынтeресный разговор, который я слышал еще на польской земле.

Однажды, в короткие минуты затишья, к танкисту Ивану Кондратьеву подошел высокий солдат-пехотинец. поздоровался с ним, а потом, придвинувшись к «тридцатьчетверке», похлопал ладонью по броне и сказал:

— Не сел бы я, друг, в эту стальную коробку.

— Почему? — заинтересовался механик-водитель.

— Видимость из этой коробки куца, да и сама на местности она заметная, как амбар какой-нибудь. То ли дело у нас в пехоте. Все видишь вокруг да и за небом также можно следить. Чуть что — в воронку от пуль и снарядов ныряй. От самолета — зеленый кустик прикроет. А у вас — танкистов что? Вот разве когда по пути нас, пехоту, быстренько подбросить можете. Мы ведь «царица полей».

Танкист улыбнулся:

— Что ж, если нужно, можем прихватить. Только, браток, бечевой к башне привязывайся, а то потеряем где-нибудь по дороге. Потом езд, разыскивай...

— Вережки мы захватим обязательно, — ответил пехотинец, — если уж где застрянете, нам будет чем вас вытащить.

Но хотя, казалось бы, и язвительно разговаривали друг с другом эти два представителя разного рода оружия, нетрудно было догадаться, что они ценят и уважают друг друга и выручают в бою.

На одной из улиц Берлина немцы вытащили на крышу здания тяжелый станковый пулемет, и его огонь прижал наших наступающих пехотинцев к асфальту площади. Окопаться солдаты не могли. Все они должны были погибнуть. Это заметил наш экипаж, которым командовал молодой офицер Илья Нестеренко. Танкисты немедленно двинулись на помощь советским воинам, попавшим в беду! Фашисты заметили танк и перенесли огонь на него. Тем временем, поднявшись, пехотинцы рванулись вперед и вышли из-под обстрела.

Пока танк разворачивался, чтоб выбрать более удачную позицию, вражеские пули, словно горох, били по его броне, высекая длинные синие искры. Наведя пушку, танкисты ударили по вражеским пулеметчикам. После второго же выстрела те замолчали, кажется, навсегда. Здание было тут же захвачено нашими пехотинцами.

Сделав свое дело, танк Т-34, негромко лязгая гусеницами, подкатил к развалинам дома. Крышка башни поднялась, и младший лейтенант Нестеренко, быстро выскочив из машины, начал осматривать ее. Он заметил, что люк у механика-водителя открыт.

— Что ж, ты, Коля, делаешь! — крикнул Нестеренко своему водителю, — разве не видел, что по нам все время огонь вели?

— Как же, видел, — спокойно ответил механик-водитель.

— Почему же тогда не закрывал люк?

— Чтoб лучше видеть и быстрее лавировать.

— Накидали бы они вам свинца в форточку!

— Ну, это как сказать. Зато вот сколько пехотинцев спасли. Жаль, что мы немного опоздали. А то все они дожили бы до дня нашей победы...

Этот день наступил скоро.

Мы получили приказ о демобилизации воинов старших возрастов. Сколько было радости! Их ожидали в России семья, труд, прерванный в памятное июньское воскресенье 1941 года.

Собирались к отъезду домой на родной Урал Анатолий Нестеров, Иван Кондауров, отбывали на Родину кунгурячка Нина Шишова, старший сержант Евгений Решетников и многие другие воины.

П. Кобелев - ЗНАМЯ НАД ШПРЕЕ

— Воевать так воевать! Пиши в обоз, — эти слова произнес высокий, под два метра, рыжеволосый богатырь-доброволец Александр Чуркин. — Так выходит... Если и доведется увидеть фрицев, так разве дохлых только.

— Вот и хорошо, — подзадоривает его стройный, черноглазый кунгуряк Гилев. — Труп врага, говорят, всегда хорошо пахнет.

— Хорошо, если он от твоих рук погибнет, а не от дядиных. — Чуркин положил на стол огромный кулак.

— Увесистая дыня,— замечает сидящий рядом с ним Реутов.

Гилев приподнимает громадный кулак Чуркина и сочувственно поддакивает:

— Да-а, таким можно бы не один фрицевский черепок расколоть.

— Вот так! — говорит богатырь, беззлобно стукая назойливого товарища. Добровольцы смеются.

Я знал, что, подтрунивая над Александром, все они — три десятка рослых и крепких уральских парней — и сами обижены тем, что должны быть солдатами комендантского взвода. Комсомольцы шли в Уральский добровольческий танковый корпус с одним желанием: биться с врагом. И вдруг... комендантский взвод.

— Кто как, а я подаю рапорт, — вмешался в разговор Коротаев, плотный коренастый крепыш из Верещагино. — Пусть переводят. А то здесь и пороха не понюхаешь. Точно?

— Нет, не точно, — раздаётся с порога, и в комнату входит командир взвода лейтенант Сергиенко. — Вольно...

Лейтенант сел на подставленный кем-то стул и обвел взглядом лица добровольцев.

— Насчет пороха отвечу сразу: понюхать придется. И крепко понюхать. А скажите мне, знает ли кто-нибудь из вас, что самое позорное для воинской чести в Советской Армии?

Вопрос, которым так неожиданно начал свою первую беседу наш командир, застает нас врасплох; не разбираясь еще как следует в уставах, мы молчим.

— Пермской танковой бригаде скоро вручат Красное Знамя. Никогда, ни при каких обстоятельствах это знамя не должно попасть в руки врага. Потеря знамени считается величайшим позором. Это означает потерять честь; это — моральная смерть, после которой часть перестает существовать — ее расформируют. Кому же должна быть вверена его охрана? Только — лучшим из лучших. Я не хочу говорить о малодушии или трусости, но если у кого из вас есть колебания в отношении вашего назначения — тот должен уйти.

Воцарилась тишина. Никто не пошевелился. Охотников уходить не было.

* * *

27 июля 1943 года на Орловско-Курской дуге Пермская танковая бригада приняла боевое крещение.

У села Воскресенское, где бригада вброд форсировала речку, над нашей колонной появился вражеский самолет-разведчик. По вполне понятным причинам мы не испытывали никакого удовольствия, когда этот самолет, прозванный за двойной фюзеляж «рамой», медленно развернулся и, недостижимый для зенитных пулеметов, взял курс на переправу. О его появлении немедленно радиовали на авиабазу, но прежде чем подоспели вызванные истребители, «рама» успела напасть. Не мецкая артиллерия и минометы, которые до этого били вслепую, враз нащупали переправу. Взводу «повезло»: град снарядов и мин обрушился на нас в тот момент, когда танки и машины вошли в воду. В один миг речка и берега словно взбесились. Вздрыбленная взрывами земля и столбы воды скрыли все вокруг. Нам ничего не оставалось делать, как прижаться к броне (она, по утверждению Гилева, прочнее нас, потому что от нее осколки отскакивают) и принять «душ».

Правда, это не помешало Чуркину послать в адрес «рамы» несколько проклятий и пожелать ее летчику все «блага» загробной жизни. Пожелания его не замедлили исполниться. Истребители атаковали «раму» и, прочертив небо ко-сым шлейфом дыма, она упала где-то в стороне, за лесом. Переправу приостановили на пятнадцать минут — все это время немецкие батареи беглым огнем месили... пустое место.

Справа взметнулся столб взрыва. Прежде чем земляное крошево осыпалось, я почувствовал, что мою «броню» пробило. Где-то возле лопатки.

Гилев осматривает:

— Счастливо отделались, товарищ сержант, — бодро сообщает он мне, перевязывая меня, — пустяковина, одним словом... Не видно только, куда он там заскочил.

Я шевелю плечом — боли нет.

— Зато, если верить приметам, — шутиливо утешает он, — к вам больше ни один осколок не прилипнет — теперь наша очередь...

— Не в приметах дело, — возразил Завьялов, — а в теории вероятности... Правда, я никак в толк не возьму: по этой теории не командиру отделения, а тебе — долговязому — должно было попасть...

— Коротаева убило, — оборвал его подошедший из второго отделения Спицын.

Все смолкают. Лица становятся серьезными.

Кроме меня, ранено еще четверо. Их отправляют в тыл. Коротаева — схоронили. Кто воевал, тот знает, как тяжело терять боевых товарищей.

— Вот и понюхал пороха, — вспомнил кто-то его слова.

Первые бои убеждают нас в правоте командира. Взводу нередко приходится вступать в бой с отдельными группами и даже подразделениями противника. Чаще всего это случается, когда корпус прорывает оборону противника и заходит ему в тыл.

* * *

Серьезным уроком был для нас случай под Львовом. Мы двигались во втором эшелоне по одному из бесчисленных, пыльных проселков. Вокруг, над полями спящей ржи, разливался знойный, солнечный день. Впереди, в пышной зелени садов, небольшое польское местечко. Штабной танк, на котором находился Чуркин со знаменами (их стало теперь два: прибавилось гвардейское) ушел далеко вперед. Вдруг до нас донеслась перестрелка. В ответ на автоматные очереди ударили пушка и пулеметы танка.

Наши машины рванулись, наращивая скорость; два десятка автоматов и столько же пар глаз ощупывали местечко, выискивая врага. Но все уже было кончено. Несколько мертвых эсэсовцев валялось на дороге и у разбитого снарядами палисада. Но Чуркина на танке не было. Его не было нигде — ни живого, ни мертвого. И... знамен нет...

Выполняя приказание, солдаты с двух сторон кинулись оцеплять район боя и местечко, а радист получил распоряжение радировать о случившемся. Но тут же я отменяю все приказания: со стороны поля целый и невредимый идет наш знаменосец вместе со знаменами.

Поток красноречия, которым солдаты встречают богатыря-гвардейца, смущает его и приводит в замешательство, но, тем не менее, своего обычного достоинства он не теряет. Он уверен в своей правоте.

Оказывается, он первым увидел выходящих из местечка немцев. Мгновенно сообразив, что окажется в невыгодном положении, если останется на танке, он одной очередью разрядил в них диск автомата и на полном ходу спрыгнул. Пыль скрывала его, пока он отбежал, замаскировался и приготовил оружие и гранаты.

Все, кому следовало, извлекли урок из этого случая. Чуркин никогда без «ассистентов» больше на танк не садился.

В боях за Львов на нашу долю выпало еще одно испытание. Я получил приказание — срочно провести в первый эшелон колонну из восьми автомашин: две штабных, две санитарных и четыре с боезапасом для танков. Бригада прорвалась ко Львову и вела бои за овладение городом. Свободной от противника была лишь узкая полоса вдоль дороги, которую патрулировали несколько танков. По сторонам этого коридора, в селениях, лесах и балках, еще сидели гитлеровцы.

В пути колонна трижды подвергалась вражескому обстрелу, но каждый раз, отстреливаясь из пулеметов, машины на предельной скорости проскакивали опасные участки.

На последних километрах открытой дороги, когда хорошо были видны улицы предместья и отчетливо слышен пушечный разговор танков и самоходок, нас настигли четыре фашистских стервятника. Снижаясь до бреющего полета, они атаковали колонну. Пыльными нитями прошивают дорогу пулеметные очереди; в гул моторов вплетается сухой, как звук разрываемой парусины, треск авиационных пушек.

Через сидящего справа Гилева я высовываюсь из брезентового кузова и вижу, как самолеты заходят для бомбовой атаки. В колонне над одной из машин с боеприпасами зенитная установка. Но она молчит. Почему? Пора открывать огонь. Пора!.. Я испытываю непреодолимую потребность крикнуть, но кто услышит мой голос с бешено мчащейся машины?

Радость толчком отдается в груди. Вот оно! Четыре огненных ленты метнулись вверх, навстречу стервятникам, рассыпали в небо веер светящихся пуль и, готовые ужалить, потянулись к первому самолету. Они врежутся в него, если он не сойдет с курса.

Ведущий не выдерживает. Показывая черные кресты, штурмовики отваливают, с ревом проносятся рядом с колонной; в стороне от дороги вырастают черные, тут же оседающие кусты разрывов. Звук тесно в ушах.

Я выглядываю. За нами по-прежнему следуют все машины. Немецкие летчики нервничают; торопятся успеть, пока нет наших истребителей. Снова заходят. Один штурмовик круто разворачивается, идет поперечным курсом и сбрасывает серию бомб на дорогу впереди машины. Молнии вспышек обрастают клубящейся стеной, закрывают дорогу. Шофер тормозит, высматривая объезд, и в тот же момент над нами тенью проносится штурмовик, прорвавшийся сквозь зенитный огонь. Все тонет в грохоте разрывов; горячая волна бьет в лицо, бросает в сиденье. Я на мгновение глухну.

Машина, сползая с дороги, дергается и останавливается. Я вижу, как Гилев, запрокинув голову, сидит схватившись рукой за грудь. Автомат его падает. Действуя как во сне, я вытаскиваю его из кузова, кладу на траву возле дороги и осматриваюсь. Машина дымится.

Там ценное штабное имущество и документы. Успеваю заметить, как машинистка штаба Шишова вытаскивает раненых из второй машины. К ней подбегают на помощь. Машины с боеприпасами по моему сигналу проходят дальше. Помогаю перевязывать раненых. Вытираю руки и только тут замечаю, что кровь на них моя собственная.

В ближайшем госпитале вместе со всеми укладывают и меня. Врачи извлекают одиннадцать осколков. Все они мелкие и ни один не причинил мне значительного вреда.

Вечером прощаюсь с Гилевым — решил ночью уйти из госпиталя. Он смотрит на меня, в глазах его такая тоска, что сердце сжимается. Чего бы он ни отдал, чтобы уйти сейчас вместе со мною!

Я не утешаю — не такой он парень, чтобы от этого ему легче было, — смотрю и, называя его в первый раз по имени, говорю:

— Служба наша, Степан, солдатская...

К чему я это сказал, сам не пойму. Вроде бы что-то еще сказать хотел, а что? Вижу взгляд у него становится прежним — твердым, спокойным — и губы шевелятся:

— И дружба... солдатская, — чуть слышно произносит, прижимая пальцами мою руку.

Должно быть, я именно это и хотел сказать, потому что на глазах у себя чувствую вдруг то, чего солдату никак не положено. Я сдерживаюсь и беру бинт, чтобы вытереть выступившую у него на губах кровь. Ему нельзя говорить. Но прежде чем я делаю это, он успевает шепнуть:

— Прощай, сержант... Передавай привет ребятам... Утром я прибыл в расположение части.

— Гилев тяжело ранен в грудь, — отвечаю я на вопрос Реутова, и спешу добавить:

— Врачи говорят, что он вернется в строй через несколько месяцев. Вам привет от него.

Лица солдат разглаживаются. Важно, черт возьми, не месяцы, а то, что вернется в строй этот парень. Реутов подходит ко мне.

— Товарищ сержант, вы обязаны явиться в штаб, как только появитесь в расположении.

Майор, выслушав мой краткий доклад, выговорил за самовольный уход из госпиталя, но особого недовольства не проявил.

— Займитесь организацией комендантской службы — бригаде дан отпуск на трое суток.

Вечером следующего дня я был на первом в своей жизни партийном собрании. Я очень волновался, потому что разбирали мое заявление о вступлении в партию. Рекомендации у меня были хорошие: в боевой характеристике упоминалось о награждении медалью «За боевые заслуги», о представлении ко второй награде и о повышении в звании.

Но я прекрасно знал, что собравшихся здесь этим не удивишь. Серьезно и тщательно они будут разбираться во всем и так же серьезно взвешают: достоин ли я занять место среди них. Я волновался так, что на повязках выступила кровь.

Парторг первым поздравил меня с приемом в партию и, передавая другим, шутливо предупредил:

— Не жмите сильно руку — ему не хочется в госпиталь.

* * *

Мы на немецкой земле. Наши танки мчатся по автостраде, ведущей в Берлин. По обочинам вместо прежних указателей с готическим шрифтом новые, с крупными, размашистыми русскими буквами «На Берлин».

Приветливо машет девушка-регулировщица, в ответ на наши салюты головными уборами; что-то кричит вдогонку. Шум моторов и лязг гусениц не дают расслышать слова, но мы понимаем. Алый трепещущий в ее руке флажок показывает на Запад.

— На Берлин!

Прохладный ветер бьет в лицо, пузырятся гимнастерки на солдатских спинах. Над головами проносятся истребители прикрытия. Они целыми днями летают над нами, оберегая бригаду с воздуха.

Из-под опаленных солнцем бровей вглядываются солдаты в незнакомую даль, смотрят на гладкие, расходящиеся в стороны от автострады дороги, на ровные, тщательно подстриженные ряды деревьев, на аккуратные и чистенькие, словно на картинке, крашенные домики под черепицей, и взгляд их становится холодным, колючим.

— Чужая земля!

В те дни мы совершали переходы по 100—120 километров в сутки. Уральские пушки гремели все ближе к логову врага.

— На Берлин!

Чем ближе к нему, тем ожесточеннее бои. Упорное сопротивление встретила бригада при овладении городом Прокендорфом. Этот опорный пункт немцев прикрывал подступы к Берлину. Кровопролитный бой продолжался в течение двух суток. Не было, пожалуй, ни одного танка, ни одного солдата, который не участвовал бы в этом бою.

Гитлеровцы дрались с отчаянием обреченных; они переходили в контратаки, просачивались в боевые порядки, завязывали бои на флангах. Много неприятностей доставляли танкистам немецкие фаустники. Затаившись в подвалах, в развалинах, они подпуска-

Прием в партию.

ли танки на 30—40 метров и, если их не настигала пуля, успевали причинить вред.

Дважды наш взвод вступал в бой с блуждающими группами немцев. Вездесущий Реутов спас штабной танк, уничтожив двух фаустников, засевших в пустом, полуразрушенном доме. Он подобрался к ним с тыла и прикончил гранатой.

Два отделения неотлучно сопровождали знамя. Им запрещалось отвлекаться для боя, но их автоматы на этот раз не бездействовали. К середине второго дня немцев выбили из города, и бой стих.

Некоторые во взводе были ранены. Но все, кто мог ходить и действовать хотя бы одной рукой, считали себя легко ранеными и в госпиталь не шли. Даже намек на это мог обидеть любого. Может быть, завтра будет последний, решительный бой в этой войне.

— Кроме того, это будет невежливо по отношению к берлинцам, — сказал Чуркин.

Но одного раненого мне пришлось проводить в полевой госпиталь, который располагался в нескольких домах на окраине. Передав товарища в заботливые руки сестер, я поспешил обратно.

Не прошел я и сотни метров, как из-за угла, нарушая тишину пустынной улицы, выкатилась немецкая автомашина... с гитлеровцами! Сейчас они увидят меня...

Не раздумывая ни минуты, я вскидываю автомат и выпускаю длинную очередь в кучу серо-зеленых мундиров. Психика побежденных, удирающих немцев такова, что они не выдерживают внезапности: в панике выпрыгивают из неостановившейся машины и разбегаются не оглядываясь. Пули настигают еще троих. Со стороны госпиталя привлеченные выстрелами бегут санитары с карабинами и носилками. В машине лежат четверо. Я хочу проверить, нет ли ценных документов у офицера. Двое солдат поднимаются — они ранены. Но руки все же вверх тянут. Санитары перевязывают раненых и забирают с собой. Инцидент исчерпан.

* * *

Три дня непрерывных боев, три ночи непрекращающегося движения. Танки останавливаются только для заправки и пополнения боезапасами. Не сходя с танков, солдаты набивают патронами автоматные диски, на ходу успевают кинуть в рот пару галет, запить из фляжек глотком теплой воды, ухитряются даже вздремнуть, поочередно придерживая друг друга, и — снова в бой!

Ни танковые дивизии СС, ни отборные полки резерва имперской ставки, ни, тем более, новоиспеченные легионы фольксштурмистов — ничто не может помочь немецкому командованию сдержать наше продвижение.

Серый, мглистый рассвет. У дороги — серые разбитые танки с крестами, трупы в серо-зеленых мундирах. Все: и поля, и лес, и наступающее утро — кажется серым. Противный омерзительный цвет.

— Откуда этой нечисти столько берется, — не то удивляясь, не то отмечая факт, говорит Чуркин, оглядывая трупы. — Бьем, бьем.

— Есть одна русская поговорка, — откликается Реутов, — «чем дальше в лес — тем больше дров». А по-немецки выходит — тотальная мобилизация... Ну, ничего. Скоро весь фашизм вырубим, под корень...

В это утро, словно в награду за трое суток боев, мы без боя занимаем небольшой городок... на Шпрее.

Мы прорвались к Шпрее!

Воспаленные от бессонницы глаза солдат светятся радостью.

Более суток стояла здесь бригада. Подтягивались тылы, подвозились боеприпасы, разрабатывались и уточнялись планы последнего сражения — сражения за Берлин.

Отоспались солдаты. В ход пошли мыло, зеркала, бритвы, иголки. Чистили обмундирование, пришивали новые, неведомо где и как сохранившиеся погоны, штопали «пробоины», подшивали.

В ночь на 23 апреля, совершив глубокий обходный маневр, бригада вышла к Берлину с юго-запада. Перед нами, закрывая подступы к городу, омываемому широкими рукавами каналов, лежал большой, пятикилометровый остров Ванзе — один из ключевых опорных пунктов в западном поясе укреплений Берлина. На предложение о капитуляции комендант ответил отказом.

С ходу развертываясь, полк самоходных орудий и танки занимают позиции и открывают по острову ураганный огонь. Всплески взрывов покрывают и вспучивают обращенные к нам склоны острова.

Под прикрытием огня до десятка машин устремились к берегу и... Ванзе заговорил. Остров изрыгает такой шквал мин, какого никто из нас не видал за всю войну. Сколько же у них там упрятано минометных батарей!

Машины (сплошь трофейные), которые инсценировали наведение переправы, разворачиваются и «дают ходу». Многие из них разбиты. Через полчаса артиллерийская дуэль стихает. Рельеф острова такой, что пушки бессильны что-либо сделать с упрятыми на обратных скатах и заглубленными в землю минометными батареями противника.

На левом фланге завязывается бой с контратакующими немецкими танками, но к середине дня они разбиты и отброшены.

Над Ванзе с грозным ревом проносятся двенадцать «илов». Появление советских штурмовиков столь внезапно, что зенитные пушки и пулеметы не успевают помешать атаке. Гул мощных взрывов волна за волной прокатывается и сотрясает остров, на нем, кажется, не останется ни одного живого места. «Илам» помогают наши разведчики: они засекли немецкие батареи и сообщают по радио самолетам.

К берегу, под прикрытием самоходных установок и танков, спешат саперы со своим хозяйством. На воде закипает

работа. Противник не молчит: уцелевшие, хорошо замаскированные пулеметные гнезда открывают по саперам огонь. Большого урона они не приносят — орудия самоходных установок, бьющие прямой наводкой, быстро затыкают рот пулеметам на западном склоне.

«Илы» продолжают штурмовать батареи. Их страшный рев, парализующий немцев, в наших ушах звучит музыкой.

К ночи первые отряды штурмовых батальонов вступают на остров и отвоевывают плацдарм. За ними переправляется и вступает в бой первый эшелон бригады. На понтонный мост спускаются наши танки и машины. Оседают и скрипят трапы, тревожно плещется вода о маслянисто-темные, громадные подушки понтонов, урчат моторы.

Бой за Ванзе усиливается. У гитлеровцев есть резервы. Каждый метр нам дается с трудом. Берег острова словно иллюминирован. Темноту пререзают перебегающие вспышки орудийных выстрелов, яростно дрожащее пламя захлебывающихся пулеметов, феерическая россыпь трассирующих пуль и снарядов, красные и белые ленты взрывающихся в небо ракет.

«Это и есть иллюминация, — приходит мне в голову мысль. — Наша, праздничная иллюминация. Разве битва за Берлин не наш праздник?». Я делюсь своими мыслями с Реутовым.

— Да. Это на нашей улице праздник! — соглашается он.

Мы на земле Ванзе. Темнота помогает нам. Но и врагу помогает. Крупными группами гитлеровцам удается просочиться сквозь боевые порядки первого эшелона и атаковать второй. Они стремятся захватить переправу и, уничтожив ее, отрезать бригаду. Завязывается ближний огневой бой. Один танк горит, подожженный фауст-никами. Немцы приближаются. Возле нас появляется начальник штаба:

— Прикрыть знамя! Ни шагу назад!

Полковник отдает приказание вполголоса, спокойно, но столько силы вложено в эти слова, что у всех, кто расслышал их, по коже пробегают мурашки.

Ни одна автоматная очередь немцев не остается без ответа, мы бьем по вспышкам до тех пор, пока противник не замолкает.

Слышен голос начштаба:

— Вперед! В атаку!

Во фланг немцам ударили автоматчики штурмового батальона, приведенные полковником. Гитлеровцы не выдерживают проникающего в душу леденящего крика «Ура-а-а» и в рукопашную не вступают — бегут...

Но их настигают. Слышен глухой топот, треск коротких очередей, дикие выкрики, вопли, стук металла и не смолкающее ни на минуту:

— Ура-а-а!!!

Стремительная атака пехотинцев штурмового батальона захватывает и увлекает нас. Все, как один, вскакивают и, подхватывая боевой клич, устремляются вперед в едином, неистовом порыве. Холодное, яростное бешенство закипает в груди, ищет выхода. Рядом со мной громадная фигура Чуркина. Потрясая зажатými в могучих руках знаменем и автоматом, он исторгает из своей груди страшное, потрясающее: «А-а-а-а!!!»

Темные силуэты убегающих немцев мечутся впереди, появляются, исчезают, как призрачные тени, падают... Вспышки взрывов гранат, злобная переключка выстрелов, крики, удары, стоны...

Через несколько минут все кончено. Контратаковавшие немцы почти полностью истреблены, угроза захвата переправы ликвидирована. Я собираю взвод и веду его к штабным машинам. Возбуждение еще не улеглось; солдаты сдержанно переговариваются. Выделяется негромкий тенорок Реутова. Он сначала рассказывает, как они с сержантом «начесали зад» фрицам, а затем, верный привычке, вступает в «беседу» с другом.

— Скажи, пожалуйста, товарищ Чуркин, — обращается он к товарищу, — это не твоя рыжая бездна разверзлась во время атаки? А? Уж очень страшно кто-то кричал. Я со страху чуть автомат не выронил — думал «капут» тебе придёт... Ты чего кричал?..

Не дождавшись ответа, он продолжает:

— Из-за тебя одного немца маленько не упустил: ка-а-ак сиганет, когда ты заслонку открыл, ну, как стрела... И тоже орет — только потише. Ему, наверное, показалось, что небо расколосось над Ванзе и на остров вывалились из преисподней рыжие дьяволы... Ты как думаешь?

«Беседа» друзей носила, как всегда, односторонний характер: говорил один Реутов, а Чуркин обычно молчал или отделялся односложными восклицаниями, чтобы не добавлять пищи неумному насмешнику.

Такие «беседы» прочно вошли в наш обиход и солдаты сами просили иногда Реутова «посолить пресные минуты», хотя объектом шуток мог стать не только Чуркин. Ему просто доставалось больше на правах друга. Но и пронять его было нелегко. Даже Реутову.

Бой на острове не стихал всю ночь. С рассветом он стал еще ожесточеннее. Гитлеровское командование ни за что не хотело отдавать Берлин. На поспешно возведенные укрепления были стянуты все резервы вплоть до охранных частей СС и гестапо, все отряды фольксштурма и даже дивизии Западного фронта. Плотность и насыщенность обороны позволяла кое-кому из немецких генералов верить, что русские не смогут преодолеть мощного пояса укреплений внешнего и внутреннего обвода, что дело не дойдет до полной капитуляции.

Неудивительно, что и на Ванзе — этом сравнительно небольшом клочке земли — было упрятано так много солдат

и боевой техники. Весь остров был покрыт густой сетью окопов, траншей, ходов сообщения, дотов, дзотов и блиндированных укрытий.

Как из-под земли вырастали перед наступающими все новые огневые точки. Огонь пулеметов несколько раз отсекал от танков штурмовые отряды. Танки взрывали землю стальными траками, крушили, мяли, давили укрепления, уничтожали пушки и пулеметы вместе с их расчетами. Канонада не умолкала ни на минуту. Почти каждый снаряд — а их в этом бою было выпущено больше, чем когда-либо, — находил себе цель: танки и самоходные установки били только прямой наводкой.

В полдень бригада овладела центральным перекрестком автомагистралей, лишив обороняющихся возможности маневра. Это был конец для Ванзе. Но комендант острова не только отверг новое предложение о капитуляции, но и предпринял попытку отбить важный узел дорог.

Менее чем в полукилометре от нас, на склоне холмов выплеснулся вдруг серо-зеленый вал немецких солдат и, не растягиваясь в цепь, даже не расчлняясь, двинулся на наши позиции. Немцев было много. Очень много. Эшелон за эшелонам выкатывались они из-за гребня и, сохраняя строй, медленно приближались.

— Психическая атака?!..

Это было так невероятно, что в первый момент никто не сделал ни одного выстрела, несмотря на то, что немцы открыли довольно интенсивный минометный огонь из глубины обороны. Начальник штаба, только что передававший по радио предложение о капитуляции, оторвал бинокль от глаз и, к немалому изумлению окружающих, выругался.

До сих пор мы никогда такого не слышали — его хладнокровие и выдержка снискали себе завидную известность во всей бригаде. Но откровенно-бессмысленное кровопролитие, которое сейчас должно было совершиться по вине коменданта, вывело из себя хладнокровного начштаба.

— Жаль, твоя шкура не будет изорвана в этой мясорубке, старый осел! — заключил он со злостью и направился на командный пункт.

Немцы шли по-прежнему в рост. А десятки пушечных и пулеметных стволов, наведенных опытными, не знающими промаха руками, молчаливо смотрели им в грудь. И в этот момент, когда передние подразделения немецких солдат загорланили свое «А-а-а» и, ускоряя движение, с ходу открыли огонь, им в лицо с грохотом ударил огненный шквал.

Начальник штаба знал, о чем говорил, — это была действительно «мясорубка». В одно мгновение сотни серо-зеленых мундиров были изорваны в клочья вместе со своими хозяевами, целые ряды, скошенные пулеметами, легли в том же порядке, в каком они шли, а жалкие остатки «сверхчеловеческих психов» (выражение Реутова), преследуемые рванувшимися вперед пехотинцами штурмовых батальонов, «драпали» чисто немецким образом. Танки двинулись вперед и вошли в боевые порядки пехоты, продолжая наступление.

«Безумная» отвага гитлеровских вояк, решившихся воздействовать на нашу «психику», объяснилась очень скоро — они были пьяны. Пьяны если не мертвецы, то как раз настолько, сколько требуется, чтобы потерять способность соображать. Комендант, видимо, подкрепил свое приказание изрядной порцией «шнапса», а так как у солдат не было уверенности в том, что после атаки представится возможность опохмелиться, то они выпили сразу и по второй.

До вечера немцы беспрерывно контратаковали. Атаки проводились теперь по всем правилам военного искусства, в точном соответствии с уставами, но и они не имели успеха.

К ночи бой стих.

А утром второго мая, уступая силе наших ударов, гарнизон Ванзе выкинул белый флаг.

— Они поднимают свои «хенде хох», когда мы их положили на обе лопатки, — саркастически резюмировал Реутов. — Русские прусских всегда бивали.

Несколько тысяч военнопленных были выстроены, как на учебном плацу. Солдаты с видимым облегчением расстались со своим оружием — вместе с ним они скинули со своих плеч бремя войны, избавились от кошмарного ожидания возмездия за деяния своего фюрера и теперь деловито укладывали котомки: русский плен не страшнее, чем война с нами.

Я подошел к группе наших офицеров, стоящих вокруг нескольких немецких старших офицеров и стал свидетелем «неофициального» разговора нашего переводчика с пожилым немецким майором — помощником коменданта острова. Переводчиком при штабе бригады был молодой паренек из Пермского университета — Александр Ломаев, которого все звали не иначе как Саша или Сашок.

Даже военная форма не могла изменить его глубоко гражданского облика, и такое обращение никому не казалось нарушением уставного требования.

— Теперь вы верите, что война проиграна вами? — задал вопрос Ломаев.

— Это решит исход сражения за Берлин...

— А сколько, по-вашему, он продержится?

— Если вам удастся сохранить прежний темп наступления, то недолго. Но взятие Берлина — это...

— Это орешек не по зубам Советской Армии, — подсказал Ломаев. — Так вы хотите сказать?

Прежде чем ответить, майор задумывается.

— Нет, — проговорил он наконец с усилием. — Берлин падет... Я знал о наших неудачах или, как вы говорите, поражениях на Восточном фронте, но я никогда не допускал мысли, что ваши знамена будут на берегах Шпрее. Теперь

я их вижу... Я прошел всю войну с первого ее дня. Был во Франции, Польше... Много видел, не видел только такого натиска и упорства. За три часа боя на Ванзе мы потеряли солдат больше, чем за три дня боев на всем Западном фронте... Взгляд майора скользнул по колонне военнопленных и остановился снова на Ломаеве.

— Берлин продержится шесть-семь дней, — закончил он.

Подошел адъютант комбрига и Ломаев ушел вместе с немецким майором. Последнему еще предстояло передать командованию бригады в качестве трофеев 40 барж и катеров с военным имуществом.

Вернулся Гилев. Бурно встретил взвод своего старого товарища.

— Заштопали так, что и следа не осталось, — сообщил он. Реутов и Чуркин страшно довольны и наперебой потчуют его новостями, расспрашивают. А к вечеру между друзьями возобновляются словесные «схватки».

— Я вижу, они немного подраспустились без меня, товарищ старший сержант, — заявляет шутливо Гилев, обращаясь ко мне, — придется взяться за них в Берлине,

Но битва за Берлин закончилась без нас: весь Уральский танковый корпус был брошен на Прагу.

В. Чудинов - ЗАПАХ ПОРОХА И СИРЕНИ

2 мая добровольцы Западного Урала вели напряженные бои за Берлин.

В ночь на 5 мая я и другие товарищи услышали переданную через сильные радиостанции просьбу восставших жителей Праги:

«Красная Армия, мы, жители Праги, просим вас оказать нам помощь. Фашистские войска бесчинствуют в городе, — насилюют женщин, убивают детей и стариков».

Такое же обращение было передано войскам союзников, которые находились в то время на территории Чехословакии, в восьмидесяти километрах от Праги, но они не ответили на просьбу восставших.

Обращение чехов взволновало сердца добровольцев; каждый хотел участвовать в освобождении единокровных братьев.

Это желание сбылось: через полтора-два часа командир бригады гвардии полковник Прошин разъяснил приказ командования: совершить ускоренный марш в Чехословакию по маршруту Берлин — Прага.

Несмотря на полночь, в подразделениях бригады царило оживление. На партийных и комсомольских собраниях воины коммунисты и комсомольцы давали клятву выполнить приказ командования.

Вступавшие кандидатами в члены КПСС командир танка гвардии лейтенант Михалкин и механик-водитель Кайда заявили: «Невзирая на трудный рельеф местности и большое расстояние, при любых условиях мы выполним приказ командования — к началу суток 9-го мая будем в Праге и окажем помощь повстанцам».

Саперы — гвардии сержант Балдин, гвардии рядовые Заипаров, Дробинин, Шардаков и другие заявили: «Пути и дороги, по которым пойдут наши танки и машины, будут очищены от мин и лесных завалов».

Разведчики — гвардии старший лейтенант Короткевич, бывший шахтер гвардии старшина Герой Советского Союза Никонов, рядовой Генатулл Занатуллин — поклялись, не щадя своей жизни, уничтожить врага.

Пополняясь боеприпасами и горючим, бригада в составе армии генерала Лелюшенко вскоре начала этот первый в военной истории марш танковых и механизированных войск по столь трудному рельефу. По сторонам узких горных дорог пролегали ущелья и пропасти. В этих местах обойти передовой танк или машину было невозможно. Местами дорога была заминирована и перекрыта лесными завалами. Враг отдельными группами сосредоточивался в местах наиболее трудно проходимых и старался артиллерийским и автоматным огнем задержать продвижение наших войск.

Разбивая заслоны и узлы сопротивления оккупантов, к исходу суток 7 мая передовой отряд бригады под командованием гвардии капитана Щербань подошел к Судетам и вступил в бой за единственный путь через горы в этом районе.

Прикрывшись лесными завалами, враг, сосредоточась на высоте, держал под сильным артиллерийским огнем горную дорогу.

Саперы Шардаков, Заипаров, Дробинин и другие под командой сержанта Балдина, прикрываемые огнем танков, подорвали завалы и расчистили путь для бригады.

Но во время закладки заряда вражеской пулей был убит достойный сын советского народа, доброволец, гвардии сержант Балдин, награжденный посмертно орденом Красного Знамени.

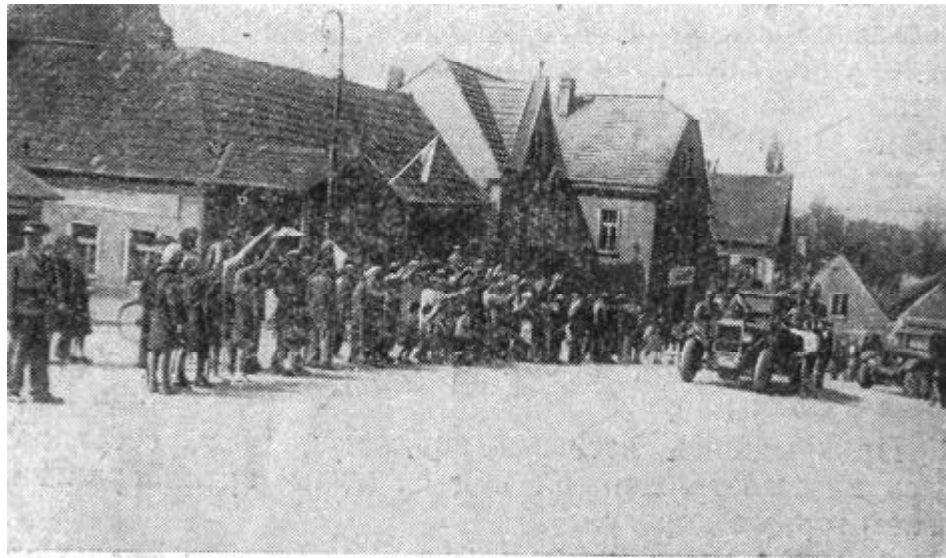
На рассвете 8 мая бригада достигла вершины гор и заняла небольшое местечко, в котором проживали судетские немцы. Жители попрятались, но, видя безупречное поведение наших воинов, стали возвращаться в свои дома и виновато говорили:

— Мы впервые видим русских людей. Они совсем не похожи на тех, какими нас пугала геббельсовская пропаганда.

На пути в бригаду все чаще стали появляться чешские хутора и местечки, население которых с нетерпением ждало «Руду армаду».

Трудно рассказать о той радости, с какой встречали нас местные жители, о том, как благодарили они за освобождение их от фашистского ига.

Одна старушка бежала по полю с огромным букетом цветов и опоздала их вручить передовой группе. Думая, что прошли уже все войска, она горько заплакала и когда увидела новую колонну, то скорей устремила к ней.

Население Чехословакии приветствует советских воинов.

Супруги Франтишек и Мария Тон из местечка Оберауна сказали нам: «Мы вас давно ждали. По ночам выходили во двор и следили за приближением вспышек разрывающихся снарядов в горах. Мы приехали сюда, чтобы встретить вас».

Все население Чехословакии встречало нас, как старших братьев, даже ночью люди стояли по обочинам дорог и приветствовали приход Советской Армии. В некоторых деревнях девушки расстилали на дорогах ковры.

К утру бригада с боями прошла Судетские горы, вышла на шоссе — новые дороги и на высоких скоростях устремилась в Прагу. В четыре

часа утра 9 мая мы с ходу вступили в бой на ее западной окраине.

На улицах Праги повстанцы из мостовых плит и камней построили баррикады. Увидев танки, жители с приветственными возгласами: «Наздар, Руда армада!», стали расчищать путь, но танки и так, плавно переваливаясь, проходили через препятствия.

Сильные бои завязались у моста через реку Влтава.

Фашистские захватчики стремились не дать нам возможности перейти на другую сторону реки к центру города, где была сосредоточена военная техника врага.

Малейшее промедление — и колонна может уйти. Необходимо было отрезать ей пути отхода. Это сразу понял командир танкового батальона гвардии капитан Щербань, идущий в передовом отряде. Дав команду: «Делай, как я», на предельной скорости он повел танк вперед, увлекая за собой остальных. Проскочив мост, танки огнем и своей ударной силой отрезали пути отступления колонне. Немцы, побросав технику, бежали к центру города.

Развивая наступление, освобождая квартал за кварталом, бригада продвигалась к Вацлавской площади.

В уличных боях участвовал весь личный состав бригады, вооруженный автоматами. Танкам приходилось действовать очень осторожно, потому что из окон и балконов домов нас приветствовали дети и женщины, а с чердаков и подвалов вели автоматный огонь захватчики.

Враг был настолько деморализован, что появление даже небольших групп наших автоматчиков наводило в рядах фашистов панику. Например, начальник штаба батальона гвардии старший лейтенант Шелемотов, меняя расположение штаба, вместе с двумя связистами и писарем завязал перестрелку с группой захватчиков. Немцы — их было более ста — считая, что русских воинов много, сдались в плен.

К исходу дня 9 мая бои в Праге закончились. Бригада только за один день взяла в плен более тысячи фашистов, захватила много военной техники и снаряжения.

С. Мерсон - ВТОРОЙ ЭШЕЛОН

Артиллерийская подготовка началась неожиданно. Сотни наших орудий обрушили на фашистские позиции тысячи снарядов.

Наша ремонтная «летучка» стояла замаскированная во ржи в нескольких километрах от передовых позиций. И как только раздались первые артиллерийские залпы, все наши ремонтники вышли из укрытия и стали следить за полем боя. Ведь это для нас был первый бой, в котором мы должны были участвовать, которого с таким нетерпением ожидали несколько месяцев.

Еще до приезда на фронт каждый из нас хорошо изучил материальную часть «тридцатьчетверок», провел немало часов за их ремонтом, подготовкой машин к боевым операциям. Но все это проводилось не в боевой обстановке. Теперь же мы должны были держать экзамен непосредственно на переднем крае.

Справимся ли с выполнением приказа? Сумеет ли быстро отремонтировать машины, которые в ходе боя выйдут из строя? Ведь предстояло работать, на виду у врага, под его огнем. Об этом думали я и Петр Новиков, и Федор Порошин, и все остальные солдаты, входящие в состав ремонтной бригады.

А бой разгорался все сильнее и сильнее. Мы видели, как передний край фашистской обороны заволкло сплошными облаками дыма, как взлетели вверх немецкие блиндажи, как наши танкисты «утюжили» неприятельские окопы.

Стал огрызаться и противник. Его артиллерия начала беспорядочный обстрел наших траншей и ближайших тылов.

Стало ясно, что бой будет не легким. Фашисты постараются сделать все возможное, пойдут на любые жертвы, чтобы не дать нашим войскам прорваться к Орлу.

Сквозь предутреннюю мглу мы нетерпеливо следили за продвижением наших танков. Они шли быстро, оставляя позади себя серые шлейфы пыли. Временами вокруг них вспыхивали черные фонтаны. Это вела по ним огонь вражеская артиллерия. Но обстрел не останавливал уральских танкистов. Взламывая оборону противника, круша все на своем пути, ведя огонь на ходу, они упорно продвигались вперед.

Когда первые линии траншей фашистов остались у них позади, мы вывели свою «летучку» и двинулись вслед за наступающими.

Вот и первый подбитый танк. Шофер сразу же останавливает свой ГАЗ, и мы бегом бросаемся к машине. После беглого осмотра убеждаемся, что сейчас помочь ничем не можем: у танка пробит борт и мотор, который не заменить в полевых условиях.

Через пару минут шофер вновь ведет «летучку» по полю, ловко минуя воронки от снарядов и выбоины.

Еще через две минуты принимаем по радио приказание помощника командира по технической части — выехать к высоте «Круглая» на помощь танковому экипажу.

Водитель увеличивает скорость. Сразу же резко сокращается расстояние между нашей «летучкой» и наступающими танками. Все чаще и чаще рвутся снаряды и мины. Над головой со свистом проносятся осколки. С непривычки втягиваем головы в плечи, вздрагиваем, когда рядом оглушительно взрываются снаряды: мы еще новички на фронте и к обстрелам не привыкли.

Вот и высота. Здесь, в разных местах стоят несколько «тридцатьчетверок». Которая нуждается в нашей помощи? Бежим сначала к одной, затем к другой. Наконец находим нужную машину. Выясняем, в чем дело. Оказывается, механик-водитель по малоопытности рванул машину. В результате «спеклись» диски. Ремонт предстоит сложный. Нужно снимать кормовую броню, а весит она сотни килограммов. Еще сложнее установить ее на место.

Тут же находим выход из положения. Из «летучки» выкатываем бочку, ставим ее на попа. Затем снимаем болты, броневого лист и осторожно кладем на бочку. Доступ к фрикционам открыт.

Не успели мы извлечь главный фрикцион, как налетели фашистские самолеты и начали нас бомбить. Вслед за ними по району высоты открыла огонь немецкая артиллерия.

После огневого налета мы снова взялись за работу. Быстро разобрали фрикционы, наждачными кругами и шкуркой отшлифовали диски, промыли их бензином.

И снова налет бомбардировщиков и после них опять ожесточенный артиллерийский и минометный обстрел. Но все обошлось благополучно. Бомбы, снаряды и мины не достигли цели.

Через пятнадцать минут фашисты снова повторили налет. Но было уже поздно: отремонтированный танк пошел в бой. Так нам пришлось действовать в первом же сражении.

Особенно памятным явился для нас бой в районе города Золочев в июле 1944 года. В один из июльских дней, после сильной артиллерийской подготовки и бомбардировок с воздуха, наши войска прорвали оборону противника коридором шириной в три километра. В эту брешь устремились уральские танкисты, и в течение нескольких часов углубились в тыл противника на сорок километров.

Перед подразделением второго эшелона была поставлена задача — обеспечить наступающих боеприпасами и горюче-смазочными материалами.

Но тут произошло непредвиденное. На участок, где был прорван фронт, фашисты сумели подбросить артиллерию, минометы и автоматчиков и начали вести интенсивный фланговый огонь по трехкилометровому коридору, где двигались наши грузовики со снарядами и горючим. Цель фашистов была ясна. Они хотели отрезать тылы нашей бригады и не дать наступающим танковым подразделениям возможности своевременно получить необходимые боеприпасы и горючее. Противник сумел добиться некоторых успехов: в узком коридоре стояло немало покалеченных машин, груженых всем необходимым для танковых экипажей. Возникла опасность, что через некоторое время здесь создастся огромная пробка из подбитых машин, и тогда будет невозможно прорваться вперед, к наступающим танкистам.

Ремонтники получили боевой приказ — под огнем противника восстановить подбитые автомашины и обеспечить их отправку по назначению.

В первую очередь беремся за восстановление студебеккера, груженного снарядами. У него свернуты шлицы полуоси среднего ската. Их можно отремонтировать только в мастерских. Поврежденную деталь нужно срочно заменить, а ее в «летучке» нет. Как быть?

— Снимем с какой-нибудь горевшей машины, — предлагает Хорошаев.

Немцы заметили, что в коридоре появились советские солдаты и сразу же начинают яростную стрельбу из орудий и минометов. Зазвучали короткие автоматные и пулеметные очереди.

Мы вынуждены ползти по грязи от одной машины к другой. Наконец нашли грузовик, у которого сохранил лась полуось с неповрежденными шлицами. Фашисты не унимаются, они усиливают обстрел. Вокруг нас оглушительно рвутся мины, снаряды, свистят осколки и пули. От огня противника нас спасают стоящие вокруг ремонтируемого грузовика другие автомашины. Они принимают на свои кабины и борта все осколки и пули.

В разгар обстрела получаем радиogramму: «Ускорьте присылку снарядов». Это требуют танкисты, которые далеко

ушли вперед и ведут ожесточенные схватки с контратакующим противником. Мы удваиваем свои усилия. Среди грохота разрывов неожиданно вспыхивает яркое пламя. Это загорелась одна из машин с горючим, которая остановилась около нас.

Молодой водитель вскочил через открытый борт в машину и начал сбрасывать на землю охваченные пламенем бочки. Затем тут же, под огнем противника, погрузил с соседнего грузовика столько же бочек, сколько выкинул, и на полном ходу уехал туда, где ведут бои танковые экипажи.

Этот пример действует на каждого нашего ремонтника заразительно. Через полчаса нужная деталь изъята из сгоревшего грузовика. Так же ползком мы отправляемся к груженной снарядами автомашине. И в этот момент налетают «мессершмиты». Их больше десяти. Они поливают нас огнем, сбрасывают двадцатипятикилограммовые бомбы. Однако мы не прекращаем работы.

Вынута поврежденная деталь. Вместо нее вставляем новую, закрепляем ее. Шофер уже готов к рейсу. Пока мы ремонтировали машину, он выбрал наиболее удобный путь из обстреливаемого немцами коридора.

— Заводи. Жми на всю железку, — кричит водителю Петр Новоселов.

Через минуту машина со снарядами вырывается на простор и на повышенной скорости устремляется вперед, везя груз тем, кто в нем нуждается. Еще через пару минут машина скрывается между холмами и лесом.

Противник спохватился в тот момент, когда грузовик миновал опасную зону. Видя, что их провели, фашисты усилили обстрел того места, где мы ремонтировали, машину. Но там нас уже нет. Мы переползаем к другой автомашине, до предела нагруженной бочками с горючим.

У этой автомашины пробит картер, осколками искорежены покрышки. Я сразу же принимаюсь за картер. Другие ремонтники с водителями ползают от одной машины к другой, разыскивая неповрежденные колеса. Несмотря на усиленный обстрел, мы также успешно завершили восстановление второй машины. Она, как и первая, благополучно ушла вперед. Фашисты снова открывают усиленный огонь из орудий и минометов по нашему расположению, а их артиллерия старается вывести из строя застоявшиеся в коридоре автомашины. Однако ремонтная бригада переползает в самый центр коридора, где стоят несколько грузовиков, которые еще не подвергались обстрелу немцев.

Эти машины стоят из-за перебитых бензопроводов. У некоторых пробиты аккумуляторы, у других — камеры. На этот раз мы пустились на хитрость: ремонтируем одну машину за другой, но не отправляем их в рейс. Делает это в тот момент, когда завершаем работу на последней машине. И как только введен в строй последний грузовик, все машины трогаются с места и исчезают за холмами.

Вскоре через коридор проследовали наши артиллеристы и стрелки. Они смяли фашистов и стали постепенно расширять пробитую танкистами брешь в обороне противника.

К вечеру мы догнали своих танкистов. Благодаря своевременной подброске боеприпасов и горючего, они успешно ликвидировали укрепленные районы врага, уничтожили немало его живой силы и техники, освободили десятки населенных пунктов.

В эту победу был вложен и вклад ремонтников, которые сумели помочь своими действиями в самый напряженный момент восстановить подбитые машины с важными грузами и отправить их по назначению.

В ходе боев солдатам и офицерам ремонтных подразделений приходилось проявлять немало инициативы, находчивости.

Как-то в районе Сандомирского плацдарма лейтенант Рубашкин — помощник командира 3-го батальона по технической части вместе со старшиной Маниным ремонтировали танк. Вражеским снарядом у «тридцатьчетверки» разбило гусеницу, заклинило башню. Вдобавок отказал двигатель.

Все работы советский офицер и старшина проводили на виду у противника. Немцы, по-видимому, догадались, что танк неисправен, решили его экипаж захватить в плен.

Советским воинам пришлось пустить в ход автоматы и гранаты. Силы были неравны. Хотя экипаж и располагал танковой пушкой с полным комплектом снарядов, воспользоваться ею он не мог, поскольку башня была заклинена. Невозможно было вызвать помощь по радио, так как в бою повредило и рацию.

Тогда лейтенант Рубашкин приказал танкистам укрыться под танком и вести оттуда по противнику только прицельный огонь. А одному из членов экипажа приказал немедленно ползком пробраться через пшеничное поле в ближайшую деревню, где находился танковый резерв, и просить о выручке.

Больше часа отбивались танкисты от наседавшего противника. Бережно расходуя боеприпасы, они били только наверняка. Вскоре к ним на выручку пришел танк и автоматчики. Около «тридцатьчетверки» было уже двадцать убитых немцев. Так завершили бой танкисты под руководством лейтенанта Рубашкина.

Бойцы второго эшелона — ремонтники жили одним желанием обеспечить победу над врагом. Они, как и все добровольцы, с честью и достоинством оправдывали то доверие, которое оказали им трудящиеся Урала, и внесли свой вклад в дело победы над немецко-фашистскими оккупантами.

В. Гофман - С ПЕСНЕЙ В БОЙ

Песня необходима человеку, как пища, как воздух. Песня вместе с нами и в горе, и в любви, и битве с врагом. Наши

танкисты-добровольцы, готовясь к предстоящим боям с немецко-фашистскими захватчиками, не забывали о песне.

Еще когда наш полк формировался, по вечерам, в свободное от занятий время, бывало, заиграет баян, а на его звуки со всех сторон сходятся бойцы. Все слушают музыку, но петь никто пока не решается. Но вот майор Николаев своим мощным голосом запекает песню «Священная война»:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...

Припев дружно подхватывают все бойцы, и песня плывет над нашим лагерем. Бойцы поют вдохновенно.

Потом звучат: «Ой, туманы мои, растуманы», «Катюша», «Вечер на рейде», а вскоре баян уже наигрывает веселую мелодию, кто-то пускается в пляс. Дают отбой, и бойцы радостные, возбужденные расходятся по своим палаткам. Так вечерами проводили свой досуг добровольцы.

Вскоре формирование полка была окончена.

Урал! Сыны твои клянутся,
Что будут все героями страны.
Урал, с победой вернутся
В родимый край отважные сыны...

— пели бойцы уезжая из Перми. Бойцы ехали на фронт, сознавая свой долг перед Родиной. Они были уверены в правоте своего дела, поэтому так уверенно звучали их песни.

— В период подготовки к боям мы, минометчики, встречались с танкистами, знакомились с ними. Вскоре в корпусе, при политуправлении был создан эстрадный оркестр, который подготовил специальную программу и показывал ее всем частям. Коллектив оркестра написал и исполнил марш нашего добровольческого корпуса:

Нас Отчизна на помощь послала,
Защищать мир, свободу и честь.
И пошли добровольцы Урала
В грозный корпус, неся врагу месть.
Как родных нас на фронт собирали,
Пушки, танки народ собирал,
Снаряжение добротное дали
Всем снабдил нас могучий Урал.
Чтобы Родина счастье познала,
Чтоб на лицах улыбки цвели,
Дали клятву танкисты Урала
Выгнать немцев с родимой страны.
Не скучайте, друзья, жены, дети.
Будь уверен, Урал — друг седой,
Не дадим мы врагу жить на свете
И с победой вернемся домой.

Каждое слово этого марша отражало наши мысли, наши желания.

В репертуаре оркестра была и лирическая песня о «Галочке-уралочке», которая проводила любимого в боевой поход, и сатирическая песня о фашистском бароне «Фон-дер-пшик». Все песни, которые исполняла солистка оркестра Роза Нотик, вскоре распевали в подразделениях корпуса.

Наш корпус начал боевые действия на Орловско-Курском направлении. Жаркие и кровопролитные это были бои, но наши добровольцы, презирая смерть, жестоко бились с фашистскими захватчиками.

Особенно отличились бойцы 29-й мотострелковой бригады, которые вели рукопашные бои, пуская в ход ножи с черной рукояткой, подаренные добровольцам рабочими Златоуста. Немцы почувствовали силу нашего корпуса и вскоре заговорили об этом по всему фронту. В этот момент в коллективе корпусного оркестра была создана песня «О черных ножах»:

Фрицы в страхе друг другу шепчут,
Притаившись во тьме блиндажей:
— Появилась на нашем фронте
Дивизия «Черных ножей».
Это смелых бойцов отряды,

Их живыми никак не возьмешь,
Эх, не любят фашистские гады
Наш уральский стальной черный нож!

Вскоре эту песню запели во всех подразделениях нашего корпуса.
В танковых бригадах, как и в других подразделениях, были свои песни:

Встает заря на небосклоне,
С зарей встает наш батальон,
Механик чем-то недоволен,
В ремонт машины погружен.
Башнёр с стрелком таскал снаряды,
В укладку бережно их клал,
А командир смотрел в приборы.
— Скорей, — механику сказал, —
Сегодня дан приказ суровый,
В атаку мы должны пойти,
Проверьте все свои приборы,
Приказ мы выполнить должны!

Бесстрашные танкисты беспощадно громили врага, освобождая нашу родную землю от фашистской нечисти. С огромной радостью встречали своих освободителей жители Орловщины. Завязывались дружеские беседы между местным населением и бойцами.

Девушки робко поглядывали на статных танкистов, а те пели им свои песни:

Шли спозаранку на деревни танки
И остановились в саду,
Вышел парень русский.
Командир безусый,
Повстречал девчину молоду.
— Дай воды напиться,
Дай воды умыться.
Снова мы идем в горячий бой.
Парень умывался, парень улыбался,
Светлоглазый парень молодой.
Он пошел к машине
И махнул девчине,
Сам поднял стальной тяжелый люк.
Девушка сказала:
— Что побыли мало?
Ждем тебя с победой, дорогой наш друг.
Бей врага смелее. Приезжай скорее.
Ждем тебя с победой, дорогой наш друг!

Не хотелось отпускать жителям своих освободителей, но танкисты шли на запад, к новым боям.

После Орловско-Курской операции наш корпус был переведен в Брянские леса. Здесь мы построили большой клуб, в котором начала работать наша художественная самодеятельность. Желающих в ней участвовать было много, и мы организовали ансамбль песни и пляски минометчиков.

Ведущими были Борис Макаровский — баянист и Владимир Терентьев. Я руководил ансамблем.

В декабре 1943 года Военный Совет 4-й танковой армии проводил первый армейский смотр художественной самодеятельности. Со всех частей нашей армии съезжались танкисты, артиллеристы, саперы, стрелки. На этом же смотре выступал и наш корпусный эстрадный оркестр и ансамбль минометчиков. Танкисты показали, что они умеют не только хорошо бить врага, но и весело проводить свободное от боя время. Ансамбль исполнил песню:

Кто сказал, что петь не надо
Песен на войне?
После боя сердце просит
Музыки вдвойне.

Нынче у нас передышка,
Завтра готовы к боям,
Что же тебя вдруг не слышно,
Друг наш — походный баян?

На смотре прозвучали песни «О черных ножах». Командование 4-й танковой армии наградило многих участников смотра. Вернувшись со смотра, наш ансамбль стал готовиться к празднованию Нового года.

И вот наступил Новый, 1944 год. Клуб-землянку заполнили бойцы, сержанты, офицеры.

Капитан Яхнес поздравляет присутствующих с Новым годом. Начинается праздничный концерт. Ансамбль исполняет песни о Родине, лихо отплясывают танцоры. Но гвоздем нашей программы была «Креолка». На сцене, в окошке за занавесками, сидела молодая «испанка». (Испанку изображал я). Пышные волосы зеленого цвета, сделанные из пакли, спускались на ее плечи. Платье синее, в белый горошек (взятое у девчат из медсанбата), облегалo ее стан. Она пела о любви. Около окна стояли кавалеры в плащах (из плащ-палаток) и с гитарами. Они были в масках и тоже пели о любви. Кавалеров играли сержанты Кутовой, Макаровский и старший сержант Шапошников. Номер исполнялся при полной тишине зрительного зала. Все старались отгадать, кто играл красавицу в окошке. Наконец «креолка» сняла парик и все увидели меня — сержанта Гофмана. Долго не умолкал смех.

Вечер окончился, и все разошлись по своим землянкам, чтобы поднять кружки и бокалы за нашу Родину.

Весной 1944 года корпус был переведен под Киев. Наш полк расположился в Бышевском районе, в селе Мостище. Бойцов распределили на жительство по хатам. Наши активисты самодеятельности решили дать концерт для населения. Мы нашли большой сарай, отремонтировали его, оборудовали сцену, поставили лавки для зрителей — и клуб был готов.

И вот в один из вечеров в клуб стали сходить жители села, а также наши бойцы и командиры. «Артисты» выступали с большим подъемом. Когда сержант Шапошников исполнил песню «Темная ночь», в зале все стихло. Женщины плакали. Видимо, песня напомнила им о мужьях, которые ушли воевать с лютым врагом. Добровольцы думали о семьях и детях, оставленных на родном Урале.

Песню «О черных ножах» мы повторили два раза, так она понравилась жителям и бойцам. В заключение концерта, был исполнен солдатский перепляс. Жители села нам были очень благодарны.

Вскоре был дан приказ двигаться дальше на запад. Наш полк, приняв походный порядок, направился к городу Василькову. Почти до самого города провожали нас жители села Мостищ, просили не забывать их, горячо благодарили бойцов за хорошее к ним отношение.

После боев за освобождение Каменец-Подольска, Тернополя, Западной Украины наш полк стоял около города Болгарии (в Польше), в лесу, недалеко от большого села. К этому времени я и мой помощник Терентьев разучили с бойцами полка новый Гимн Советского Союза. Наш ансамбль минометчиков дал концерт для жителей. На окраине села на большой поляне мы устроили из плащ-палаток сцену. Вскоре здесь стали собираться жители. Каждый нес с собой скамейку, табуретку, а ксендз со своей супругой принесли даже кресла. Народу было много. Программу вел сержант Матюшевский, который по-польски передал привет всем жителям села. По просьбе жителей, мы вначале исполнили Гимн Советского Союза, а потом наши любимые песни. Жители были очень благодарны нам. Радостные вернулись мы в свой лагерь.

Наш ансамбль давал концерты не только для своих бойцов-минометчиков, но и для других подразделений нашего корпуса. Здесь, в лагере, я и младший сержант Терентьев сочинили песню «Марш минометчиков».

С заводов, шахт, с родных полей колхозных,
С великой Камы-матушки реки
Седой Урал в дни испытаний грозных
Прислал на фронт геройские полки.
Эх ты, песня-подруга моя,
Ты лети на Урал, как стрела,
Расскажи, что ходит слава по войскам —
Минометчик — это смерть врагам.

Эту песню сразу же полюбили солдаты нашего полка! и пели ее и по дороге к Берлину, и в Праге, и возвращаясь с победой домой.

И. Кондауров - БОЕВЫЕ НАГРАДЫ

Высоко отмечены Советским правительством героические действия пермских танкистов.

За годы войны им было вручено 4130 правительственных наград, 1333 медали и 2797 орденов, в том числе офицерам — 923, сержантскому составу — 1955, рядовым — 1252.

Гвардейцы награждены 100 орденами Красного Знамени, 867 орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени,

Начальник политотдела гвардии подполковник Елуферьев, командир бригады гвардии полковник Денисов вручают правительственные награды танкистам в 1944 году.

1075 орденами Красной Звезды, 728 орденами Славы 1-й 2-й и 3-й степени, 20 орденами Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого и Александра Невского.

Орденами Красного Знамени награждены командир бригады полковник С. А. Денисов, начальник штаба полковник Б. П. Макшаков, начальник политотдела подполковник Е. М. Елуферьев, механики-водители танков старшины В. И. Бакин, И. И. Никитин и другие. Орденами Отечественной войны 1-й степени посмертно награждены помощник начальника политотдела капитан Л. В. Шатров, командир танкового батальона капитан М. И. Елкин, механик-водитель старшина М. Г. Серебряков и другие.

Кавалерами ордена Славы стали командир орудия танка старший сержант В. И. Зимин, ме-

ханик-водитель старший сержант Д. И. Корягин, работник политотдела бригады старшина А. А. Ломаев и другие.

Подвиг шести танкистов Родина отметила, высшей правительственной наградой, присвоив им звание Героя Советского Союза. Назовем их имена.

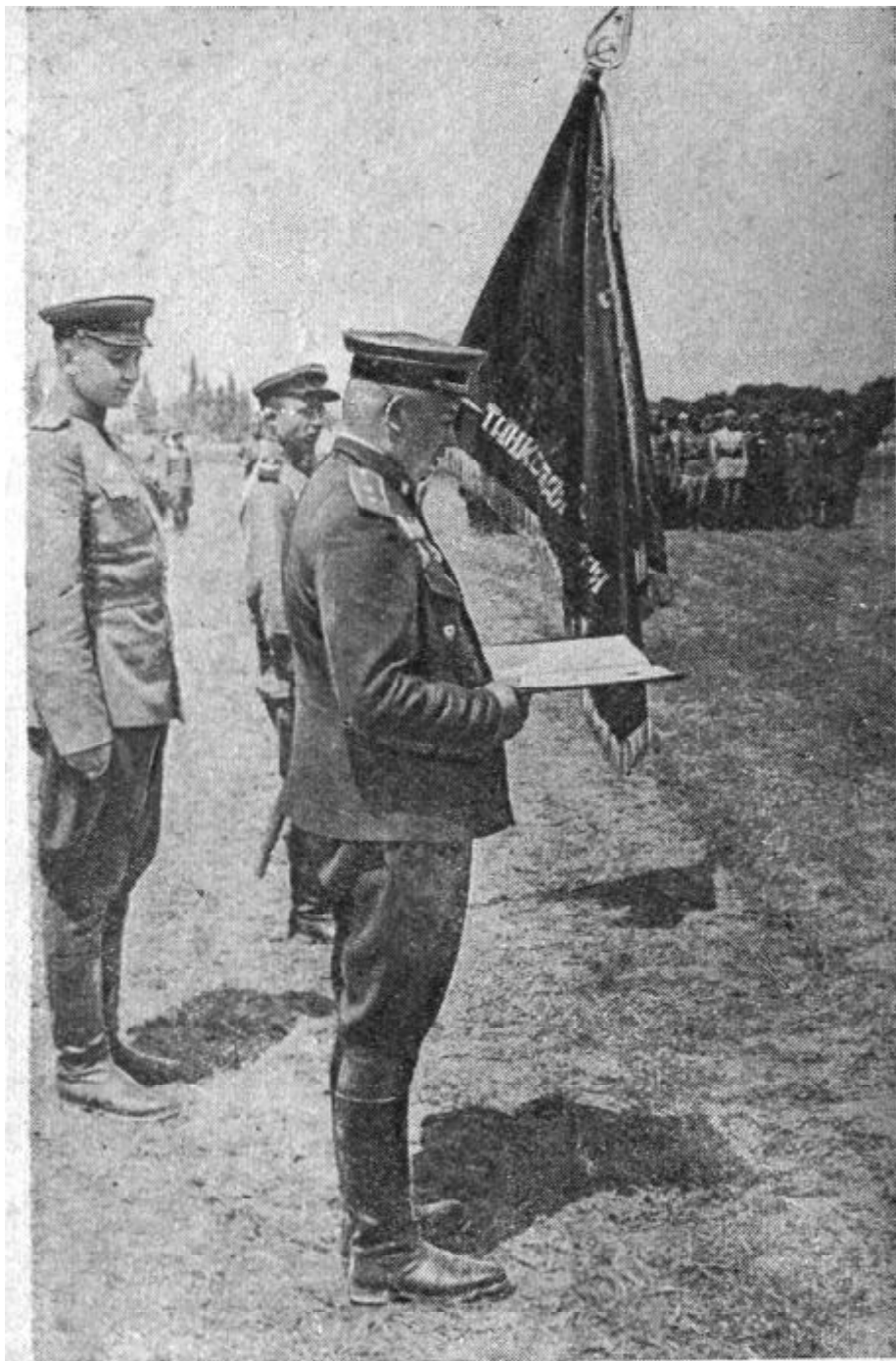
Вскоре после прибытия в добровольческую бригаду в 1943 году гвардии младший лейтенант Николай Александрович Козлов назначается командиром танкового взвода.

13 января 1945 года, выполняя задачу — захватить переправу через реку Чарна Нида и занять местечко Воля Моравица, — танковый взвод Козлова успешно отбивает неоднократные контратаки противника. В наступление идут 50 немецких танков, много пехоты. Враг получает достойную встречу. Под сильными и меткими ударами советских танкистов фашисты отступают, оставив на поле боя: танков разных типов — 7, самоходных установок «фердинанд» — 2, самоходных орудий — 3, бронетранспортеров — 4, пушек — 5, зенитных установок — 2 и до 300 солдат и офицеров. Танкисты взвода Козлова в этом бою захватили у противника: пушек — 8, бронетранспортеров — 1, автомашин — 25. Еще больше проявляет себя взвод Козлова в дальнейших боях. Он Первым подошел к мощному опорному пункту врага на реке Одер и огнем своих танков обеспечил переправу пехоты на западный берег. В боях за удержание и расширение Заодерского плацдарма его танк уничтожил 4 танка, 8 пушек и около 500 солдат и офицеров противника. За героизм и отвагу гвардии младшему лейтенанту Н. А. Козлову Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1945 года было присвоено звание Героя Советского Союза. В апреле 1945 года коммунист, гвардии младший лейтенант Н. А. Козлов погиб смертью храбрых.

Ерофеев Александр Васильевич (родился в 1923 году) за время пребывания в добровольческой части со своим пулеметным взводом совершил немало дерзких операций. В бою за населенный пункт Воля Моравица огнем из пулемета он отражает две контратаки, уничтожив 70 солдат и офицеров и 4 автомашины противника. При форсировании реки Одер гвардии лейтенант А. В. Ерофеев одним из первых переправился на западный берег и помог переправиться роте автоматчиков. Отбиваясь от наседавших врагов, он уничтожил 30 гитлеровцев и подбил 3 автомашины противника. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1945 года А. В. Ерофееву присвоено звание Героя Советского Союза. 24 апреля 1945 года коммунист гвардии лейтенант А. В. Ерофеев пал смертью храбрых в боях за Берлин.

Гвардии старшина Григорий Захарович Клишин (1919 года рождения) был командиром орудия первого танкового батальона. На подходах к реке Одер противник вел массированный артиллерийско-минометный огонь. Гвардии старшина Клишин вызвался подавить огневую точку противника. Пренебрегая опасностью, танковый экипаж, в составе которого был он, на максимальной скорости ворвался в населенный пункт Воля Моравица. Противник не ожидал такого маневра и, обнаружив у себя в тылу советский танк, начал в панике отступать, бросая технику и раненых солдат и офицеров. В результате таких действий экипажа наши танки и пехота успешно продвинулись к переправе и форсировали реку Чарна Нида.

Гвардии старшина коммунист Клишин первым достиг переправы через реку Одер, расстрелял пехоту противника, находящуюся у моста, обеспечив продвижение вперед советским войскам. Экипаж гвардии старшины Клишина уничто-

Командир корпуса Герой Советского Союза генерал-лейтенант танковых войск Белов зачитывает Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении правительственной наградой 62 гвардейской Пермско-Келецкой Краснознаменной танковой бригады.

жил 6 танков, 4 бронетранспортера, 7 автомашин и до 70 солдат и офицеров противника. Г. З. Клишин Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1945 года удостоен звания Героя Советского Союза. В апреле 1945 года он погиб на поле боя.

Гвардии старшина Николай Алексеевич Бредихин (1917 года рождения), будучи механиком-водителем танка Т-34, при форсировании реки Чарна Нида первым ворвался на ее переправу и уничтожил 6 танков противника, 2 бронетранспортера, 21 автомашину и более 70 солдат и офицеров. Большое мужество им было проявлено при форсировании реки Одер. Его машина вместе с несколькими другими танками на максимальной скорости проскочила мост через Одер и приняла на себя огонь противника. Этим танкисты дали возможность нашим саперам построить мост в районе Кебен для переправы основных сил бригады. Подвиг гвардии старшины Н. А. Бредихина был отмечен высшей правительственной наградой — медалью «Золотая Звезда» и орденом Ленина. Сейчас бывший танкист занят мирным трудом.

Бесстрашным воином, умелым разведчиком, чутким командиром зарекомендовал себя в бригаде гвардии старшина Иван Яковлевич Никонов (1911 года рождения). 15 января 1945 года группа разведчиков во главе с Никоновым, находясь в тылу противника, была окружена вражескими солдатами. Однако советские развед-

чики не растерялись — они захватили немецкий «тигр» и из его орудия повели огонь. Разведчикам пришлось много «поработать», пока не подошли наши части. Враг потерял в этом бою 120 солдат и офицеров.

24 января 1945 года отделение коммуниста гвардии старшины Никонова в районе городе Штейнау первым прорывается через реку Одер и в течение двух суток ведет разведку в тылу врага, сообщая ценные сведения советскому командованию. Со своим отделением Никонов захватил 5 контрольных пленных — «языков» — и лично уничтожил 85 гитлеровцев. За героизм и мужество, проявленное в боях за Советскую Родину, гвардии старшина И. Я. Никонов удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

В характеристике, данной Ивану Александровичу Кондаурову командованием части, говорится: «Гвардии старшина Кондауров Иван Александрович, 1926 года рождения, член КПСС с 1945 года, механик-водитель танка Т-34. Проявил мужество и отвагу при форсировании реки Одер и удержании плацдарма на ее западном берегу, уничтожив при этом два танка типа «тигр», три танка Т-4, одно самоходное орудие, минометную батарею, четыре бронетранспортера, 17 автомашин и до 250 солдат и офицеров противника. Одним из первых ворвался в город Забвожье и уничтожил 1 танк типа «тигр», 1 танк типа «пантера» и до 100 солдат и офицеров противника. За проявленное мужество и отвагу гвардии старшине Кондаурову присвоено звание Героя Советского Союза».

За героизм и мужество личного состава Пермская добровольческая танковая бригада удостоена больших наград. Вот они:

1. Приказом Народного Комиссара Обороны от 23 октября 1943 года за активные боевые действия в Орловской операции бригаде вручается Гвардейское Знамя, а всему личному составу — нагрудный знак «Гвардия».

2. Приказом Верховного Главного Командования от 19 февраля 1945 года за отличные боевые действия в боях за овладение городом Кельце бригаде присваивается наименование «Келецкая».

3. За образцовое выполнение боевых заданий командования в боях с немецкими захватчиками и за овладение городом Львовом, проявленную при этом доблесть и мужество бригада награждена орденом Красного Знамени. (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1944 года).

4. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1945 года «...за образцовое выполнение заданий командования в боях при прорыве обороны немцев и разгроме войск противника юго-западнее города Опфельн и проявленную при этом доблесть и мужество», бригада награждена орденом Суворова 2-й степени.

5. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1945 года «...за образцовое выполнение заданий командования в боях с немецкими захватчиками при овладении городами: Ратибор, Бискау и проявленную при этом доблесть и мужество», бригада награждена Орденом Богдана Хмельницкого 2-й степени.

6. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1945 года «...за образцовое выполнение заданий командования в боях с немецко-фашистскими захватчиками при овладении столицей Германии — Берлином и проявленные при этом мужество и отвагу» бригада награждена орденом Кутузова 2-й степени.

За время боевых действий приказами Верховного Главного Командования бригаде объявлено 20 благодарностей.

Первую благодарность (приказ от 5 марта 1944 года) бригада получает «за прорыв обороны немцев и овладение городом Ямполь и железнодорожной станцией Изяславль».

Вторая благодарность объявлена приказом от 24 марта 1944 года за то, что бригада, «отбив все контратаки противника на участке Тернополь-Проскуров и измотав в этих боях контратакующие танковые и пехотные части немцев, внезапно перейдя в наступление, прорывает оборону немцев и за 4 дня наступательных боев в составе 10 Гвардейского танкового корпуса продвинулась вперед до 100 км, освобождает до 100 населенных пунктов».

Третьей благодарности бригада удостоена приказом от 27 марта 1944 года за то, что «в результате стремительного удара бригада в составе 10 Гвардейского танкового корпуса овладела областным центром Украины и сильным опорным пунктом обороны немцев на реке Днестр — городом Каменец-Подольск».

Четвертая благодарность объявлена в приказе от 28 июля 1944 года «за прорыв сильной глубокоэшелонированной обороны немцев на Львовском направлении и освобождение от немецких захватчиков городов — Броды, Золочев, Красное и 60 населенных пунктов».

Пятая благодарность вынесена приказом от 27 июля 1944 года, в котором говорится, что бригада «в результате умелого обходного маневра 27 июля 1944 года в составе корпуса штурмом овладела военным и политическим центром и областным городом Украины — Львовом, крупным железнодорожным узлом и стратегическим опорным пунктом обороны немцев, прикрывающим пути к южным районам Польши».

Шестая благодарность объявляется в приказе от 13 января 1945 года «за прорыв обороны немцев в районе западнее Сандомира 12 января 1945 года и овладение сильным опорным пунктом... Шидлув и станцией Хмельник».

Седьмой благодарности (приказ от 15 января 1945 года) бригада удостоивается «за стремительное наступление и овладение крупным административно-хозяйственным центром Польши — городом Кельце, важным узлом коммуникаций и опорным пунктом обороны немцев».

Восьмая благодарность (приказ от 18 января 1945 года) объявлена бригаде за то, что она «в результате стремительной атаки овладевает городом и железнодорожной станцией Пиотркув — важным узлом коммуникаций и опорным пунктом обороны немцев на Лодзинском направлении».

Девятая благодарность бригаде объявлена в приказе от 23 января 1945 года «за овладение городами Милич, Бернштадт, Намслау, важными узлами коммуникаций и опорными пунктами обороны немцев, и выход на реку Одер».

Десятая благодарность объявлена в приказе от 24 января 1945 года «за овладение, в результате стремительной атаки, важным центром военной промышленности немецкой Силезии городом и крепостью Опфельн — крупным узлом железных... и шоссейных дорог и мощным опорным пунктом обороны немцев на реке Одер и за овладение городом Трахенберг — сильным опорным пунктом обороны немцев».

Одиннадцатой благодарности бригада удостоена (приказ от 11 февраля 1945 года) «за форсирование реки Одер северо-западнее города Бреслау, против сильно укрепленной долговременной обороны немцев на западном берегу Одера и овладение городами Лигниц, Штейнау, Любен — важными узлами коммуникаций и мощными опорными пунктами обороны немцев на западном берегу Одера».

Двенадцатая благодарность объявляется в приказе от 15 февраля 1945 года «за овладение на территории немецкой Силезии городом Грюнберг и в провинции Брандербург городами Зоммерльфельд и Зорау — важными узлами коммуникаций и мощными опорными пунктами обороны немцев».

Тринадцатая благодарность бригаде объявляется в приказе от 22 марта 1945 года «за прорыв обороны противника южнее города Опфельн, окружение и разгром немецких войск юго-западнее Опфельна».

Бойцы вспоминают минувшие дни... В центре — дважды Герой Советского Союза бывший командующий 4-й танковой армии генерал-армии Д. Д. Лелюшенко. Пермь, 1959 год.

Четырнадцатая благодарность объявляется в приказе от 24 марта 1945 года «за овладение в Силезии западнее Одера городами Нейссе и Леобшютц — сильными опорными пунктами обороны немцев».

Пятнадцатая благодарность объявляется в приказе от 31 марта 1945 года «за овладение городами Ратибор и Бискау — важными узлами дорог и сильными опорными пунктами обороны немцев на реке Одер».

Шестнадцатая благодарность бригаде объявляется в приказе от 23 апреля 1945 года «за прорыв сильно укрепленной и глубоко-эшелонированной обороны немцев на реке Нейсе и продвижение вперед от 80 до 160 километров и овладение городами Коттбус,

Цоссен, Люббен, Треббин, Тельтов с выходом на южную окраину столицы Германии — Берлин».

Семнадцатая благодарность объявляется в приказе от 25 апреля 1945 года «за соединение северо-западнее Потсдама с войсками 1-го Белорусского фронта и полное окружение Берлина с овладением городом Кетцин».

Восемнадцатая благодарность объявляется «за завершение полной ликвидации группы немецких войск, окруженной юго-восточнее Берлина» (Приказ от 2 мая 1945 года).

Девятнадцатая благодарность объявляется «за полный разгром Берлинской группы немецких войск после упорных уличных боев... Берлинский гарнизон, обороняющий город, во главе с начальником обороны Берлина генералом от артиллерии Вейдлингом и его штабом в 15.00 2.5.45 г. прекратил сопротивление, сложил оружие и сдался в плен. При овладении столицей Германии бригадой взято в плен до 2000 немецких солдат и офицеров». (Приказ от 2 мая 1945 года).

В двадцатой, последней благодарности Верховного Главного командования (Приказ от 9 мая 1945 года) говорится, что бригада в составе 10-го Гвардейского танкового корпуса «в результате стремительного ночного маневра сломила сопротивление противника и 9 мая 1945 года в 4.00 ворвалась и к 14.00 овладела столицей союзной Чехословакии — городом Прага».

Так оценены боевые действия пермских танкистов-добровольцев Советским Правительством в годы Великой Отечественной войны.

Больших наград удостоены и другие пермские части, действовавшие в составе Уральского добровольческого танкового корпуса.

Пермский минометный полк награжден орденами Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого, Александра Невского и Красной Звезды.

Боевые знамена мотострелковой бригады, в составе которой сражались и пермяки, увенчали ордена Ленина, Красного Знамени, Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого и Александра Невского.

Минометчикам присвоено наименование «Тернопольских», а мотострелкам — «Унеческих». Обе эти части также удостоены звания гвардейских.

Трудящиеся Западного Урала могут гордиться боевыми действиями своих сынов — добровольцев, вписавших славную страницу в летопись Великой Отечественной войны.

А. Шуляковский - НАРОД ЧТИТ ПАМЯТЬ ГЕРОЕВ

27 июля 1944 года войска 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза И.С.Конева разгромили Львовскую группировку немецко-фашистских войск и штурмом овладели украинским городом Львовом. В этой блестяще проведенной операции активное участие принимали танкисты Уральского добровольческого корпуса. Освобождение города Львова открыло путь к освобождению западных областей Украины и созданию плацдарма за Вислой, на запад от Сандомира. В боях за Львов и другие города Советской Украины многие советские воины покрыли себя неувядаемой славой, отдав свою жизнь за свободу и независимость нашей Родины.

И народ не забыл их героического подвига. На юго-восточной окраине Львова расположено воинское кладбище

Холм Славы. Львов.

Холм Славы — монументальный памятник 336 воинам Советской Армии — рядовым, сержантам, офицерам и генералам, которые погибли в боях с немецко-фашистскими захватчиками. В центре Холма Славы расположены могилы Героев Советского Союза, имена которых золотыми буквами написаны на мраморных плитах.

Холм Славы обнесен колоннадой. Летом кладбище утопает в зелени и цветах. Около подножья памятников, гранитных обелисков, на могилах воинов всегда живые цветы и венки.

С каждым годом увеличивается число посетителей Холма Славы. Рабочие и колхозники, студенты и учащиеся школ, военнослужащие, жители Львовской и других областей Украины ежедневно приходят сюда, чтобы почтить память славных героев-освободителей. Здесь можно встретить трудящихся из разных концов Советского Союза — из Ленинграда и Москвы, Киева и Минска, с Дальнего Востока, Сибири и Урала.

Холм Славы посещают также экскурсанты из стран социалистического лагеря — Чехословакии, Венгрии, Польши, Румынии, Болгарии, Германской Демократической Республики, Албании, Китая.

Ежегодно, по инициативе Львовской городской комсомольской организации, в день Советской Армии и в годовщину освобождения Львова от немец-

ко-фашистских захватчиков, проводятся традиционные торжественно-траурные факельные походы на Холм Славы. Юноши и девушки возлагают венки на могилы погибших воинов.

Здесь, у опущенных красных знамен, молодежь дает клятву самоотверженно работать во имя построения коммунизма, отдавать все свои знания и силу делу укрепления своей Родины, во имя мира на земле. Недалеко от Холма Славы, на улице Ленина, стоит памятник танкистам, сооруженный в 1945 году по проекту архитектора Афанасьева. На фасаде пьедестала — бронзовый гвардейский значок, по бокам — мраморные плиты, на которых написаны имена героев-танкистов, павших смертью героев в боях за освобождение Львова: полковника Василия Федоровича Орлова, майора Ивана Петровича Рудого, лейтенанта Ивана Петровича Абрамова, старшины Александра Порфирьевича Марченко, рядового Аксентия Кирилловича Козака и многих других.

Возвышающийся на гранитном пьедестале танк — символ бессмертия ратного подвига славных танкистов-уральцев во имя жизни и мира на земле.

...Враг сильно укрепил город Львов и подступы к нему. Но сила внезапного удара советских танков определила успех уличных боев. Уже к середине 22 июля 1944 года советские танки стали выходить на улицы, ведущие к центру города.

Первым в город прорвался танк «Гвардия», в состав экипажа которого входил радист Александр Марченко. До войны Марченко работал инженером-изыскателем на Львовском железнодорожном узле в одной из искательских партий Киевского государственного проектно-изыскательского института Министерства транспортного строительства. Он хорошо знал город. В 1943 году институт находился в эвакуации в Магнитогорске, а Марченко с экспедицией был в командировке в Челябинске. Здесь он добровольцем вступил в Уральский танковый корпус и летом 1944 года участво-

вал в освобождении Львова. Когда танк «Гвардия» прорвался в центр Львова, на площадь Рынок, по распоряжению командира машины лейтенанта Александра Додонова, Марченко выскочил из танка и под прикрытием автоматчиков Рождественского, Левитова и Епифанова (уральского рабочего) со знаменем в руках бросился к ратуше. Преодолев простреливаемую зону, гвардейцы стали подниматься по лестнице. Во время схватки с гитлеровцами, на лестничном перекрытии, Марченко был смертельно ранен. Знамя подхватили товарищи и через несколько минут оно реяло над городом. А танк «Гвардия», ведомый Федором Сурковым, Героем Советского Союза, бился с фашистами, мстя за погибшего товарища. Был убит командир танка гвардии -лейтенант Додонов, тяжело ранен заряжающий Николай Мельниченко. И вот танк подбит вражеским снарядом. Подоспевшие товарищи подобрали раненого Федора Суркова.

Красное знамя, водруженное на башне, звало воинов на штурм города.

Именем Александра Марченко названа одна из улиц Львова, а на стене здания горсовета висит мемориальная доска, на которой написано: «На башне этого дома 23 июля 1944 года танкист гвардии старшина Александр Марченко водрузил красное знамя, ознаменовав этим освобождение города Львова от немецко-фашистских захватчиков».

Львовяне бережно хранят память об Александре Марченко. Пионерские отряды 17-й, 21-й, 35-й и других средних школ Львова носят имя А. Марченко. Во Львовском государственном историческом музее, который посещают люди разных профессий и возрастов, бережно хранятся реликвии, свидетельствующие о ратных подвигах советских воинов, среди них — и танкистов-уральцев. В музее хранятся личные вещи, оружие, документы, ордена и медали, фотографии воинов-героев. Здесь же находится знамя, которое Марченко водрузил над городом Львовом.

Школьники проводят в музее торжественные линейки и слеты пионерских дружин Львовской области и города, на которые приглашают участников Великой Отечественной войны. Недавно на слет в гости к пионерам приходил водитель танка «Гвардия» Герой Советского Союза Федор Павлович Сурков, заместитель командующего армии генерал-майор в отставке Петр Максимович Зыков. Пионеры заявили:

«Поклянемся своей отличной учебой и упорным трудом быть верными ленинским заветам и свято беречь славу Красного знамени».

Пионерка Оксана Фуртак прочитала свое стихотворение «О Красном знамени»:

Красное знамя, твой пламень лучистый
Не гаснет во мгле.
Тебя коммунисты
Несут по земле.
Решительно, упорно, неуклонно,
Шагая по отцовскому пути,
Клянемся эти красные знамена
К высотам коммунизма донести!

Стройной колонной прошли пионеры мимо знамени, отдав ему салют. Они хорошо знают, что знамя это символизирует победу советских людей над черными силами фашизма.

Героическому примеру воинов Советской Армии, которые погибли в боях с фашистскими захватчиками во имя спасения человечества от фашистского порабощения, готово следовать наше молодое поколение. Пройдут годы, но никогда не умрет память о славных героях. Она будет жить в веках.

ПЕРМСКИЕ МИНОМЕТЧИКИ

Пермское книжное издательство
1964

В этой книге бывшие воины 299-го гвардейского Тернопольского орденов Суворова, Кутузова, Александра Невского, Богдана Хмельницкого и Красной Звезды минометного полка рассказывают о боевых делах в годы Великой Отечественной войны. Минометный полк был сформирован в Пермской области и входил в состав Уральского добровольческого танкового корпуса.

Книжку «Пермские минометчики» авторы и издательство вносят в качестве своего вклада в эстафету боевой славы, которая идет в Вооруженных Силах в честь исполняющегося 9 мая 1965 года двадцатилетия великой победы советского народа над гитлеровской Германией.

В создании книги «Пермские минометчики» активное участие принимали совет ветеранов Великой Отечественной войны при областном краеведческом музее, штаб боевой летописи Урала, пермский гарнизонный Дом офицеров и военно-шефская комиссия Пермского областного отделения Союза журналистов СССР.

БОЕВОЙ ПУТЬ ЧАСТЕЙ 10-го ГВАРДЕЙСКОГО УРАЛЬСКОГО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ТАНКОВОГО КОРПУСА

МОСКВА
12.6-16.7.43
НАРО-ФУМИНСК
КАЛУГА
ТУЛА
КОЗЕЛЬСК
БОЛОГОВО
ЖИЗДРА
СУДЖИМ
12-18.9.43
БРЯНСК
ОСНОВАР
ГОРКА
КАРАЧЕВ
8-11.9.43
АРТУХИ
12-15.8.43
ШАХОВО
9.8.43
ОРЕЛ
1-3.8.43
ЗУЛЬМ
29-31.7.43
КЛИНЦЫ
ИЧЕА
23.9.43
НОВОЗЫСЛОВ
25.9.43
БЕЛТА
29-30.9.43
МОЗЫРЬ
ГОМЕЛЬ
БОБРУЙСК
ЖЛОБИН
ЧЕРНИГОВ
КНЕВ
ГЛЕВАХА
ЯНКОВИЧ
26.1-23.2.44
ЛЕНИНГРАД
24.4-25.6.43
ЛУКЕНВАЛЬД
22.4.45
КАЛАУ
19.4.45
КОТБУС
14-22.4.45
ТЕЙПЛИТ
14-22.4.45
БЕРНИ
6.5.45
АРЕЗДЕМ
МУСКАУ
8.5.45
18.4.45
ЛИГНИЦ
12.2.45
ШПРОТТАУ
12.2.45
ШПРОТХЕМ
12.2.45
ТРАЛЕНБЕРГ
24.1.45
МИДЛН
23.1.45
БРЕСЛАУ
8-13.3.45
БОНГ
22.1.45
ОПЕЛЬ
24.3.45
ПРАГА
19.5.45
ЛАНЦ
БНО
РАТНОР
31.3.45
БРАТИСЛАВА
МУКАЧЕВ
ТУРА
КОЛОМЯ
ЧЕРНОВИЦЫ
ДЕБРЕЦЕН
СТАНИСЛАВ
НОВОТАНЕ
9.11.8.44
САНДОР
8.8.44
ФЕЛЬШТЫ
8.8.44
САМБОР
30-31.7.44
ОЛЬШАНИЦА
18-20.7.44
БОЖИЦА
14-15.7.44
ЛЮБОВ
22-27.7.44
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
ПЕТРУХОВ
18.1.45
КЕЛЬЦЕ
20.1.45
БЮРЗЕМН
6.1.45
ЧЕНСТОХОВ
22.1.45
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
ЖЕШУЭ
7.6.45
ПЕРЕМЫШЛЬ
12.1.45
КРАКОВ
12.1.45
ПРОВАН ОБОРОНЫ
12.1.45
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
САНДОР
8.8.44
ФЕЛЬШТЫ
8.8.44
САМБОР
30-31.7.44
ОЛЬШАНИЦА
18-20.7.44
БОЖИЦА
14-15.7.44
ЛЮБОВ
22-27.7.44
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
ПЕТРУХОВ
18.1.45
КЕЛЬЦЕ
20.1.45
БЮРЗЕМН
6.1.45
ЧЕНСТОХОВ
22.1.45
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
ЖЕШУЭ
7.6.45
ПЕРЕМЫШЛЬ
12.1.45
КРАКОВ
12.1.45
ПРОВАН ОБОРОНЫ
12.1.45
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
САНДОР
8.8.44
ФЕЛЬШТЫ
8.8.44
САМБОР
30-31.7.44
ОЛЬШАНИЦА
18-20.7.44
БОЖИЦА
14-15.7.44
ЛЮБОВ
22-27.7.44
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
ПЕТРУХОВ
18.1.45
КЕЛЬЦЕ
20.1.45
БЮРЗЕМН
6.1.45
ЧЕНСТОХОВ
22.1.45
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
ЖЕШУЭ
7.6.45
ПЕРЕМЫШЛЬ
12.1.45
КРАКОВ
12.1.45
ПРОВАН ОБОРОНЫ
12.1.45
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
САНДОР
8.8.44
ФЕЛЬШТЫ
8.8.44
САМБОР
30-31.7.44
ОЛЬШАНИЦА
18-20.7.44
БОЖИЦА
14-15.7.44
ЛЮБОВ
22-27.7.44
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
ПЕТРУХОВ
18.1.45
КЕЛЬЦЕ
20.1.45
БЮРЗЕМН
6.1.45
ЧЕНСТОХОВ
22.1.45
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
ЖЕШУЭ
7.6.45
ПЕРЕМЫШЛЬ
12.1.45
КРАКОВ
12.1.45
ПРОВАН ОБОРОНЫ
12.1.45
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
САНДОР
8.8.44
ФЕЛЬШТЫ
8.8.44
САМБОР
30-31.7.44
ОЛЬШАНИЦА
18-20.7.44
БОЖИЦА
14-15.7.44
ЛЮБОВ
22-27.7.44
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
ПЕТРУХОВ
18.1.45
КЕЛЬЦЕ
20.1.45
БЮРЗЕМН
6.1.45
ЧЕНСТОХОВ
22.1.45
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
ЖЕШУЭ
7.6.45
ПЕРЕМЫШЛЬ
12.1.45
КРАКОВ
12.1.45
ПРОВАН ОБОРОНЫ
12.1.45
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
САНДОР
8.8.44
ФЕЛЬШТЫ
8.8.44
САМБОР
30-31.7.44
ОЛЬШАНИЦА
18-20.7.44
БОЖИЦА
14-15.7.44
ЛЮБОВ
22-27.7.44
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
ПЕТРУХОВ
18.1.45
КЕЛЬЦЕ
20.1.45
БЮРЗЕМН
6.1.45
ЧЕНСТОХОВ
22.1.45
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
ЖЕШУЭ
7.6.45
ПЕРЕМЫШЛЬ
12.1.45
КРАКОВ
12.1.45
ПРОВАН ОБОРОНЫ
12.1.45
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
САНДОР
8.8.44
ФЕЛЬШТЫ
8.8.44
САМБОР
30-31.7.44
ОЛЬШАНИЦА
18-20.7.44
БОЖИЦА
14-15.7.44
ЛЮБОВ
22-27.7.44
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
ПЕТРУХОВ
18.1.45
КЕЛЬЦЕ
20.1.45
БЮРЗЕМН
6.1.45
ЧЕНСТОХОВ
22.1.45
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
ЖЕШУЭ
7.6.45
ПЕРЕМЫШЛЬ
12.1.45
КРАКОВ
12.1.45
ПРОВАН ОБОРОНЫ
12.1.45
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
САНДОР
8.8.44
ФЕЛЬШТЫ
8.8.44
САМБОР
30-31.7.44
ОЛЬШАНИЦА
18-20.7.44
БОЖИЦА
14-15.7.44
ЛЮБОВ
22-27.7.44
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
ПЕТРУХОВ
18.1.45
КЕЛЬЦЕ
20.1.45
БЮРЗЕМН
6.1.45
ЧЕНСТОХОВ
22.1.45
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
ЖЕШУЭ
7.6.45
ПЕРЕМЫШЛЬ
12.1.45
КРАКОВ
12.1.45
ПРОВАН ОБОРОНЫ
12.1.45
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
САНДОР
8.8.44
ФЕЛЬШТЫ
8.8.44
САМБОР
30-31.7.44
ОЛЬШАНИЦА
18-20.7.44
БОЖИЦА
14-15.7.44
ЛЮБОВ
22-27.7.44
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
ПЕТРУХОВ
18.1.45
КЕЛЬЦЕ
20.1.45
БЮРЗЕМН
6.1.45
ЧЕНСТОХОВ
22.1.45
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
ЖЕШУЭ
7.6.45
ПЕРЕМЫШЛЬ
12.1.45
КРАКОВ
12.1.45
ПРОВАН ОБОРОНЫ
12.1.45
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
САНДОР
8.8.44
ФЕЛЬШТЫ
8.8.44
САМБОР
30-31.7.44
ОЛЬШАНИЦА
18-20.7.44
БОЖИЦА
14-15.7.44
ЛЮБОВ
22-27.7.44
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
ПЕТРУХОВ
18.1.45
КЕЛЬЦЕ
20.1.45
БЮРЗЕМН
6.1.45
ЧЕНСТОХОВ
22.1.45
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
ЖЕШУЭ
7.6.45
ПЕРЕМЫШЛЬ
12.1.45
КРАКОВ
12.1.45
ПРОВАН ОБОРОНЫ
12.1.45
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
САНДОР
8.8.44
ФЕЛЬШТЫ
8.8.44
САМБОР
30-31.7.44
ОЛЬШАНИЦА
18-20.7.44
БОЖИЦА
14-15.7.44
ЛЮБОВ
22-27.7.44
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
ПЕТРУХОВ
18.1.45
КЕЛЬЦЕ
20.1.45
БЮРЗЕМН
6.1.45
ЧЕНСТОХОВ
22.1.45
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
ЖЕШУЭ
7.6.45
ПЕРЕМЫШЛЬ
12.1.45
КРАКОВ
12.1.45
ПРОВАН ОБОРОНЫ
12.1.45
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
САНДОР
8.8.44
ФЕЛЬШТЫ
8.8.44
САМБОР
30-31.7.44
ОЛЬШАНИЦА
18-20.7.44
БОЖИЦА
14-15.7.44
ЛЮБОВ
22-27.7.44
С-ШЕШЕЦЕ
12.1.45
ПЕТРУХОВ
18.1.45
КЕЛЬЦЕ
20.1.45
БЮРЗЕМН
6

Двадцатилетию великой победы
советского народа
над гитлеровской Германией
посвящается

Герой Советского Союза *И. А. Кондауров* - СЛАВА ГВАРДЕЙСКАЯ

В яркий морозный день 11 марта 1963 года на бульваре Советской Армии в городе Перми представители трудящихся областного центра собрались на митинг, чтобы торжественно отметить двадцатую годовщину со дня создания Уральского добровольческого танкового корпуса. Под звуки Государственного Гимна перерезается красная лента, спадает чехол и перед взором присутствующих предстал установленный на пьедестале танк Т-34. Этот памятник установлен в знак благодарности народа за ратные подвиги, совершенные в минувшей войне с фашизмом добровольцами-танкистами.

Но боевая слава Уральского добровольческого танкового корпуса добывалась не только усилиями одних танкистов. Немало ярких страниц в боевую летопись вписали воины всех частей, входивших в корпус. На митинге пермяки с гордостью называли имена и тех своих земляков, которые мужественно сражались в составе минометного полка.

299-й минометный полк, вооруженный тяжелыми минометами, являлся мощной огневой силой и, как правило, использовался в бою для поддержания огнем танковых и мотострелковой бригад корпуса. Как известно, преимущество минометов по сравнению с другими видами артиллерийского вооружения в том, что они отличаются простотой устройства и обслуживания, сравнительно меньшим весом и высокой маневренностью, большей глубиной поражения при стрельбе осколочными минами. Навесная траектория полета мины позволяет поражать противника в различного рода укрытиях. В большинстве случаев минометный полк действовал централизованно, на направлении главного удара корпуса. В зависимости от обстановки, он нередко расчленялся подивизионно и даже побатарейно. На войне было немало и таких случаев, когда минометчики действовали самостоятельно и даже вступали в бой как пехотинцы.

Лучших сынов послал трудовой Урал в свой добровольческий корпус. Среди личного состава, направленного в минометный полк, коммунисты и комсомольцы составляли 60 процентов. Коммунисты и комсомольцы явились тем авангардом, который помог командованию за короткий срок сплотить добровольцев в слаженный боевой коллектив, готовый к преодолению любых трудностей.

Формирование полка, как и других частей корпуса, началось весной 1943 года. А уже через месяц минометчикам было вручено вооружение и боеприпасы, изготовленные сверх планового задания на личные средства и сбережения трудящихся Пермской области. Получая боевую технику, рядовой Веселов от имени личного состава заявил: «Настал тот час, когда нам вручено грозное боевое оружие... Враг испытает на своей собственной шкуре шквал огня добровольческих батарей. В боях за социалистическую Родину минометчики покроют себя неувядаемой славой и героизмом».

Воины полка не имели боевого опыта. Поэтому с первого дня, как сформировалась часть, и до выезда на фронт они настойчиво, по 12 часов в сутки, занимались боевой и политической подготовкой, учились всему тому, что необходимо знать и уметь солдату на войне.

1 мая добровольцы всего корпуса приняли воинскую присягу. В связи с этим у минометчиков состоялся митинг, на котором присутствовали представители трудящихся области. Будущие фронтовики заверили своих земляков, что они в совершенстве подготовятся к грядущим испытаниям и будут бить фашистов без промаха. Их слова не расходились с делом. 15 мая на итоговых стрельбах полк показал хорошие результаты. Расчеты сержантов Тихонова, Стариченко, Мурзохметова и других поражали мишени с первых выстрелов. За отличную боевую и политическую подготовку минометчикам батареи лейтенанта Можарова командующий артиллерией корпуса объявил благодарность.

Через несколько месяцев полк был уже полностью сформирован и подготовлен к предстоящим боям. Этот день считается днем рождения полка. Важную роль в успешном его формировании сыграли командир полка майор Астахов, его заместитель по политчасти майор Н. В. Николаев, парторг капитан Г. В. Тарасов и комсорг рядовой Г. Я. Сотников.

Перед выездом на фронт состоялось общеполковое построение, на котором пермяки вручили своим посланцам специально написанный для них наказ. В нем, в частности, говорилось: «Трудящиеся области твердо верят, что вы, сыны Урала, оправдаете наши надежды и на полях решающих сражений еще раз увенчаете бессмертной славой могучий и героический Урал, нашу любимую Родину-мать».

— В будущих схватках будем беспощадно уничтожать немецко-фашистских оккупантов и высоко держать честь Уральского добровольческого танкового корпуса, — таковы были слова ответной клятвы воинов полка.

Летом 1943 года под звуки марша, специально написанного в честь добровольцев, эшелон с минометчиками взял курс на запад, навстречу предстоящим боям. Под Москвой была проведена окончательная подготовка к боям. В смотре готовности корпуса к предстоящим сражениям минометчики получили отличную оценку. А вскоре воины-уральцы — свердловчане, пермяки, челябинцы — сосредоточились северо-западнее Орла и получили первую боевую задачу. Добровольческому танковому корпусу предстояло ударом через населенные пункты Сурьянино, Однощекино, Злынь

выйти в район Нарышкино и перерезать железную и шоссейную дороги Орел — Брянск, являющиеся главными питательными артериями фашистских войск на Орловском плацдарме. Опасаясь «котла», противник противопоставил советским войскам свои отборные силы, имевшие немалый боевой опыт. Казалось, что и природа была на его стороне: прошедшие накануне сильные дожди сделали дороги непроходимыми.

Но ничто не могло уstrasшить уральцев. 27 июля 1943 года добровольцы-танкисты приняли первое боевое крещение. В 18 часов того же дня, возле деревни Лучки расчет сержанта Гобша сделал первый выстрел из миномета по фашистским захватчикам.

Так началась боевая история пермских минометчиков. В первом же бою они уничтожили наблюдательный пункт врага, батарею противотанковых орудий, самоходную пушку и до роты автоматчиков. Не зная страха, до последнего дыхания бились с фашистами многие воины полка — майор коммунист Н. А. Дмитриев, капитан А. Г. Бахчев, посланцы Соликамска сержанты коммунист Г. П. Черепанов, комсомолец А. А. Горбунов, солдаты-пермяки коммунист И. П. Власов, комсомолец П. Н. Мамычин и другие.

Благодаря отваге, воинской находчивости всего личного состава яростное сопротивление врага было сломлено. К утру 9 августа приказ командования был выполнен. В дальнейшем корпус вел бои на Брянском направлении и этим содействовал освобождению города Карачева. В это время минометным полком командовал подполковник С. П. Николук.

За массовый героизм, проявленный воинами на первом этапе боевых действий, корпус и все части, входившие в его состав, были удостоены звания гвардейских. Уже через месяц боев с врагом командир корпуса генерал Г. С. Родин вручил 21 лучшему воину минометного полка правительственные награды.

Вскоре корпус передислоцировался в Брянские леса. Здесь в его части поступило пополнение. Личный состав занимался подготовкой к новым боям.

Второй этап боевых действий уральских добровольцев ознаменовался их участием в Проскуровско-Черновицкой операции. И на этот раз им пришлось преодолеть яростное сопротивление врага. Только на участке между Проскуровым и Тернополем было сосредоточено девять танковых и шесть пехотных дивизий противника. К тому же наступление велось в весеннюю распутицу. Из-за этого минометчикам пришлось даже прибегнуть к помощи конной тяги.

Начав 4 марта 1944 года наступление с рубежа Вязовец — Москалевка, уральцы овладевают населенными пунктами Фредриховка, Волочиск, Гусятин и другими, перерезают железную и шоссейную дороги, соединяющие Проскуров с Тернополем и стремительным броском выходят к Каменец-Подольску. Город казался неприступной крепостью. Серьезной преградой явилась река Смотрич, имеющая высокие, обрывистые берега. Турецкий мост через нее и рядом переправа, открывавшие путь в город, были заминированы. За кирпичными зданиями и массивными каменными заборами надежно укрылся хорошо оснащенный артиллерией и танками гитлеровский гарнизон в пять тысяч штыков.

В упорном сражении добывалась победа. Воины-минометчики, возглавляемые заместителем командира полка по политчасти майором Н. В. Николаевым, в момент штурма Каменец-Подольска оказались лицом к лицу с превосходящими силами фашистов. Завязалась жаркая схватка. Шесть раз бросались минометчики в яростные атаки. В самый критический момент боя добровольцы оставили у минометов по 1—2 человека прислуги и с криком «За Родину!» бросились на врага, увлекая за собой действовавших рядом пехотинцев. Победа была на стороне храбрецов. Особенно отличилась в этом бою группа под командой младшего лейтенанта Д. И. Калашникова, которая уничтожила до полусотни гитлеровцев. Командир этой группы лично истребил 12 фашистов и даже будучи ранен в ногу и руку не покинул поля боя. Другая группа из девяти человек под командой сержантов Н. А. Шалагинова и Аксакова обратила в бегство почти роту фашистов и метким огнем уничтожила более взвода гитлеровцев.

К утру 26 марта воины-уральцы танкового корпуса выбили врага из Каменец-Подольска. С потерей города противник лишился не только важнейшего стратегического рубежа на подступах к реке Днестр, но и путей отхода на юго-запад для частей проскуровской группировки. Поэтому вплоть до 3 апреля он предпринимал многочисленные яростные контратаки, чтобы вернуть утраченный рубеж. В этой сложнейшей обстановке командир корпуса генерал Е. Е. Белов направил в Центральный Комитет Коммунистической партии телеграмму. В ней говорилось: «Хозяйство города Каменец-Подольска восстанавливаю... В то же время четвертый день отражаем атаки противника, осаждающего нас со всех сторон. От армии и фронта отрезаны. Крайне нуждаемся в боеприпасах. Налаживаю производство гранат».

Но с какой бы яростью гитлеровцы ни рвались в город, добровольцы выстояли. За храбрость и отвагу, проявленные в этом сражении, уральцам-добровольцам была объявлена благодарность Верховным Главным командованием.

С 5 апреля корпус вновь перешел в наступление в западном направлении. Минометный полк был передан в оперативное подчинение 147-й стрелковой дивизии и в ее составе вел бои за освобождение города Тернополя. В эти дни в командование полком вступает подполковник В. К. Зыль и возглавляет полк до конца войны. Коммунист В. К. Зыль, имевший к этому времени уже основательный опыт войны, отличался знанием своего дела, умением найти подход к людям. Бывшие воины полка и теперь отзываются о нем, как о человеке исключительного внимания, теплоты и непосредственности. Таких командиров на войне обычно называли душевным словом «батя».

И в последующих боях минометчики действовали храбро и умело. Вот пример. У деревни Зельони противник бросил в контратаку на позиции одного из батальонов стрелковой дивизии девять танков и большие силы автоматчиков. Под натиском гитлеровцев наша пехота стала отходить. Тогда в сражение вступили пермяки-минометчики. Своим

шквальным огнем они косили вражеских автоматчиков, а их танки заставили повернуть назад. «Таких отчаянных минометчиков я вижу впервые!» — откровенно заявил командующий артиллерией 147-й стрелковой дивизии майор Романов.

За мужество и отвагу, проявленные в этом бою, минометный полк вторым в корпусе был удостоен почетного наименования и стал называться Тернопольский.

Овеянные славой побед уральские добровольцы вскоре выходят на непродолжительный отдых. В эти дни командование, партийно-политические органы позаботились о том, чтобы личный состав, и особенно прибывшее с Урала пополнение, как можно лучше подготовились к новым схваткам с врагом.

Во всех дивизионах и батареях полка проводилась техническая учеба, состоялись политические беседы, собрания, митинги. На одном из таких собраний, выражая мысли своих боевых друзей-минометчиков, младший сержант Шапошников заявил:

— Ждем только сигнала. В прошедших боях наш расчет отличился и трое из нас отмечены наградами. Теперь еще больше отшлифовали свое мастерство и добились полной взаимозаменяемости номеров расчета. В предстоящих боях мы еще крепче будем бить фашистов.

И воины доказали это практическими делами на третьем этапе боевых действий, во время Львовской операции. В новое сражение корпус вступил в 14 часов 16 июля 1944 года. Войдя в узкую горловину, образовавшуюся под ударами наших войск в обороне врага в районе Колтув, танкисты решительно устремились вперед. За ними, несмотря на непролазную грязь (опять результат прошедших дождей), неотступно следовали минометчики и мотострелки. Гитлеровцы не раз пытались перерезать коммуникации корпуса, с тем чтобы расчленить его силы и открыть этим себе дорогу для отступления к Львову, но повсеместно их встречал шквальный огонь минометов полка. Отчаянное сопротивление врага, наблюдавшееся на этом участке, — явление не случайное. В захваченном в городе Золочеве приказе войскам группы «Северная Украина» Гитлер в категорической форме требовал от своих солдат: отстаивать каждый метр захваченной земли и любой ценой ликвидировать прорыв, осуществленный советскими частями.

Но, несмотря на этот грозный приказ, фашисты все же не могли противостоять ударам советских воинов. К 22 июля танкисты пробились к Львову и завязали на его окраинах бои. Вскоре им на помощь пришли мотострелки и минометчики. Много, очень много создавалось критических моментов. На позиции 2-го дивизиона минометного полка неожиданно с фланга в психическую атаку двинулись два батальона пехоты фашистов 229-го егерского полка. Завязалась рукопашная схватка, в ходе которой только коммунисты майор В. А. Крючков, сержант Е. А. Попов и ефрейтор М. Г. Реутов уничтожили около 50 гитлеровцев.

Враг был разбит. Всего за время Львовской операции пермские минометчики уничтожили около четырех тысяч гитлеровцев. В ходе боев отличились многие воины полка. Особенно храбро сражались офицеры С. И. Бутырин, Н. В. Николаев, Я. К. Притуленко, Н. И. Белоус, сержанты А. Д. Дюженков, В. А. Леденцов, А. Д. Лёвкин, М. М. Мацута, И. К. Шубин, рядовые А. Мелентьев, В. Усталов и другие. За эти бои минометный полк был удостоен высокой награды — ордена Богдана Хмельницкого.

После освобождения Львова минометчики в составе своего корпуса сражались в Прикарпатье, а потом на Зависленском плацдарме. Враг еще был силен и оказывал упорное сопротивление. Так, только за рекой Вислой в районе деревни Печеноги за одни сутки минометчики отразили 14 контратак противника, уничтожив и рассеяв при этом до трех батальонов его пехоты.

В сентябре 1944 года добровольцы-уральцы выходят из боев и вплоть до января 1945 года находятся на перестройке, получают пополнение и готовятся к завершающим боям.

12 января 1945 года началась Висло-Одерская операция. Для добровольцев-уральцев это был четвертый этап боевых действий. Им предстояло прорвать насыщенные до предела живой силой и техникой мощные оборонительные рубежи противника, уходящие на сотни километров в глубь занятой врагом территории. Немало трудностей создавала и непривычная для них западноевропейская зима с ее оттепелью, мокрыми снежными буранами и гололедицей.

13 января, войдя в состав артиллерийской группы корпуса, пермские минометчики во взаимодействии с Пермской танковой бригадой начали наступление на местечко Воля Моравица, затем форсируют реку Чарна Нида и к 17 января освобождают город Коньске. В дальнейшем, преследуя отступающего противника, они выбивают его из городов Петров (Пётркув), Белхатув, Винциг и к 25 января выходят к реке Одер в районе города Штейнау.

Гитлеровцы предприняли все меры, чтобы остановить наступление советских войск у водного рубежа. Но их усилия оказались тщетными. Вначале танкисты, а потом мотострелки и минометчики прорвались на западный берег реки и развернули решительные действия по расширению завоеванного плацдарма. В феврале 1945 года минометный полк участвует в наступлении на город Любен, затем вместе с воинами-мотострелками форсирует реку Бобер у города Заган. Вслед за этим они поддерживают танкистов в боях за город Зарау, а после этого переходят к обороне. 23 февраля минометчики выходят в резерв.

И в дни Висло-Одерской операции воины полка бились с врагом, не зная страха и усталости. В районе города Белхатув они неожиданно встретились с превосходящими силами гитлеровцев. Стойко и мужественно дрались минометчики, пускали в дело автоматы, пулеметы.

Начальник штаба полка майор В. А. Крючков с возгласом «Вперед!» повел ударную группу в рукопашную. Разбитые фашисты в панике бежали. В жаркой схватке смертью героев пали коммунист майор В. А. Крючков, пермяки старшина

Командир полка подполковник В. К. Зыль вручает правительственные награды отличившимся в боях воинам.

М. И. Стрекалов, сержант С. И. Кручинин, солдаты соликамец Ф. К. Каримов, губахинец С. М. Устижанинов и другие. Отважные сыны Урала вечным сном спят в братской могиле, расположенной в центре города Белхатув.

Массовый героизм минометчики продемонстрировали и при форсировании реки Одер. Особенно отличились здесь майоры С. И. Бутырин, Н. В. Николаев, сержанты Е. Попов, В. Поносов, М. Иванов, рядовой Н. Белоусов и другие.

За образцовое выполнение заданий командования в проведенных боях минометный полк был удостоен ордена Кутузова, а его командир гвардии подполковник В. К. Зыль стал кавалером Золотой Звезды Героя Советского

Союза.

В марте 1945 года минометчики в составе корпуса приняли участие в частной Нейсенской операции и своими активными действиями способствовали уничтожению фашистских гарнизонов в городах Оппельн, Ратибор, Нейсе и других. В ходе этого сражения воины полка показали высокое мастерство в отражении многочисленных вражеских контратак. Только в районе города Нейсе они успешно отбили четыре яростные контратаки пехотных подразделений дивизии СС «Герман Геринг», пытавшейся вырваться из окружения. Бесстрашно сражались с гитлеровцами коммунисты офицеры Н. В. Николаев, Е. Н. Низамов, А. С. Абаев, сержанты А. Д. Лёвкин, Е. А. Сицилицин, В. И. Халтурин и многие другие. «В проведенной операции весь личный состав полка показал высокие боевые качества, организованность и сплоченность», — такой вывод сделало командование. Подвиг пермских минометчиков, проявленный в этой операции, был отмечен орденом Александра Невского.

16 апреля 1945 года началась Берлинская — самая крупная операция, проведенная Советскими Вооруженными Силами в минувшей войне. Для уральских добровольцев это был пятый этап боевых действий. К 18 апреля минометный полк форсировал реку Шпрее и вместе с Челябинской танковой и Унечской мотострелковой бригадами завязал бои за Луккенвальде. К утру 22 апреля фашисты были выбиты из города. С 23 по 24 апреля добровольцы-уральцы вели бои за Тельтов-канал. Враг сопротивлялся с фанатическим ожесточением. Гвардейцам-минометчикам пришлось основательно потрудиться, чтобы расчистить основным силам корпуса путь к победе. Только за один день они выпустили по врагу более тысячи мин. Их огонь был предельно точным, ведь корректировщики полка находились в первых рядах наступающих. И вот результат — в едином порыве воины корпуса форсировали канал, потом выбили фашистов с острова Ванзее и начали бои за предместья

Берлина. И на этот раз минометчики продемонстрировали высокое воинское мастерство, своим метким огнем они поразили немало огневых точек и много живой силы гитлеровцев.

Вскоре полк был выведен из боя и переброшен в район Беетлиц — на наиболее ответственный участок — с целью уничтожения пытавшейся выйти из окружения большой группировки противника. За сутки с 1 по 2 мая ими было уничтожено 600, пленено 1000 солдат и рассеяно до трех батальонов пехоты противника. Отвага и мужество, проявленные минометчиками в боях за Берлин, были отмечены орденом Красной Звезды.

Шестой и последний этап боевых действий для всех воинов добровольческого танкового корпуса был связан с участием в освобождении братской Чехословакии. В стремительном марше через Карпатские горы они к утру 9 мая вышли на окраины Праги и в течение дня вели бои по очищению города от фашистских захватчиков. Из числа минометчиков в последних боях высокий героизм и отвагу продемонстрировали коммунисты командиры батарей старшие лейтенанты Д. И. Калашников, В. С. Чугурин, командир отделения сержант П. Н. Дубровин, телефонист полка рядовой А. М. Волков. Подвиги их были отмечены орденами Красного Знамени. На знамени гвардейцев-минометчиков засиял еще один — пятый орден Суворова, награда за последние бои.

В этот же день, 9 мая столица нашей Родины Москва салютом из двухсот двадцати орудий возвестила всему миру о долгожданной победе над фашистской Германией. Этот день золотыми буквами вписан в историю человечества, как день торжества сил мира, разума и прогресса над черными силами империализма — гитлеровскими захватчиками.

«Таким образом, в связи с окончанием Великой Отечественной войны, — говорится в журнале боевых действий

минометчиков, — полк закончил свои боевые действия. Личный состав, уральцы-добровольцы с честью выполнили клятву, данную трудящимся Урала в мае 1943 года».

Большой и славный боевой путь прошли минометчики. И во всех боях в авангарде неизменно были коммунисты и комсомольцы. Личным примером они показывали, как следует выполнять воинский долг, быть верным военной присяге, защищать Советскую Родину мужественно и умело, с честью и достоинством, не щадя своей крови и самой жизни. Такими их воспитала партия. По ним равнялись все воины.

За время войны добровольцы Уральского танкового корпуса уничтожили около 95 тысяч гитлеровцев, более 900 танков, самоходных орудий и много другой вражеской техники. В этом — немалая заслуга пермских минометчиков. И Родина-мать по достоинству оценила ратный труд минометчиков: к концу боевых действий их часть стала именоваться 299-м гвардейским Тернопольским орденом Суворова, Кутузова, Александра Невского, Богдана Хмельницкого и Красной Звезды минометным полком. Полку девятнадцать раз объявлялась благодарность от Верховного Главного командования. За отличные боевые действия минометчикам было вручено более 1700 орденов и медалей.

Подвиг уральских добровольцев, в том числе и пермских минометчиков, высоко оценил народ. Благодарные люди Орловщины, Каменец-Подольска, Львова, Штейнау (Польша), Берлина, Праги, Свердловска и Перми в честь боевых заслуг сынов Урала воздвигнули памятники. А сколько благодарственных телеграмм, писем адресовали и адресуют им освобожденные братские народы — их трудно перечислить. В связи с 19-й годовщиной разгрома гитлеровской Германии пресс-атташе посольства ЧССР в СССР Морислав Мотл, обращаясь к уральцам, писал: «Чехословацкий народ сейчас, когда вы, дорогие друзья, читаете эти строки, с благодарностью вспоминает вас, ваших отцов и старших братьев... Он вспоминает тех, кто не вернулся и кто заплатил своей кровью за мир, свободу и счастье своих чехословацких братьев. На вечную память об этих днях стоит в Праге танк, на броне которого номер 23... Вам благодарность и любовь вам...».

Высокую оценку своих подвигов добровольцы-уральцы справедливо разделяли с земляками, ковавшими победу в тылу. В письмах на родину они не раз подчеркивали, что это «...в равной степени относится и к вам, дорогие земляки-уральцы. Добровольческий танковый корпус вы создали ради освобождения земли, ради освобождения от немецкого рабства всех угнетенных».

Единство тыла и фронта — неиссякаемый источник сил и могущества Советской Армии. Урал постоянно не только давал своим посланцам оружие, боевую технику и резервы, но и питал их патриотическими настроениями. Чем как ни усилением ударов по врагу могли ответить воины минометного полка, когда к ним с призывом обратилась пермячка Зоя Ломаева:

За страну Советскую
Бей зверье немецкое.
Бей штыком, гранатой бей,
Бей чем можешь, но убей.

Подобные письма на фронт шли нескончаемым потоком.

Воины и труженики тыла регулярно обменивались делегациями. В тыл в составе одной из корпусных делегаций приезжал парторг полка капитан Г. В. Тарасов. В гостях у минометчиков побывала пермская делегация. В нее входили А. В. Новоселов, А. К. Обыденнов, З. П. Леденцова и другие. Словом, Урал-батюшка был и остается арсеналом и опорным краем нашей державы.

Когда отгремела война, трудящиеся Урала своим победителям устроили подобающую встречу. Гвардейцы-минометчики, окрыленные заботой и вниманием народа, быстро включились в мирный труд. И теперь, в трудовых буднях они, как подобает гвардейцам, идут в первых рядах строителей коммунизма.

Своими героическими подвигами в минувшей войне пермские минометчики, как и все воины добровольческого танкового корпуса, вписали поистине яркие страницы в боевую летопись Родины, нашего могучего края. Как эстафету ветераны войны передают своим детям и внукам замечательные боевые традиции. Их пример учит нашу молодежь, как следует выполнять самую почетную обязанность гражданина СССР — защищать социалистическое Отечество от посягательств врага, стоять на страже мирного труда народа, создающего счастье на своей земле.

Герой Советского Союза *В. К. Зыль* - ДНИ БОЕВЫЕ

Василий Константинович Зыль родился в 1902 году в Минской области. Член КПСС с 1927 года. В 1923 году добровольно ушел в ряды Красной Армии и после окончания в 1929 году артиллерийской школы служил на разных командных должностях. Участник Великой Отечественной войны с первых ее дней. В командование 299-м гвардейским минометным полком вступил в мае 1944 года и находился на этой должности до конца войны. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1945 года он был удостоен звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда. Награжден вторым орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны I и II степеней и семью медалями. После войны окончил Высшую артиллерийскую

школу. В 1955 году по болезни уволился в отставку. В настоящее время В. К. Зыль — полковник в отставке, проживает в Москве.

В июне 1944 года, после жестоких сражений за освобождение Тернопольской области, 299-й минометный полк (как и все части Уральского добровольческого танкового корпуса) был выведен из боя, чтобы привести в порядок материальную часть, пополниться боеприпасами, продовольствием и другим воинским имуществом. Офицерскому составу предстояло принять прибывших призывников и правильно их расставить в расчетах, обучить тактике, всем правилам применения в бою оружия и т. д. Расположился полк в районе населенного пункта Гвоздиц, где получил еще одну задачу — нести охрану и оборону штаба корпуса. Для личного состава начались дни заслуженного отдыха после боев и походов.

Здесь, в Гвоздице командующий артиллерией корпуса полковник Воинов перед строем зачитал приказ о присвоении нашему гвардейскому полку наименования Тернопольский.

Это сообщение минометчики-пермяки встретили громогласным «ура». На митинге они дали клятву множить силу ударов по фашистам и гнать их с советской земли. Готовясь к предстоящим боям, личный состав полка изучал опыт боевых действий отличившихся подразделений. Широко был орга-

низован обмен боевым опытом в расчетах.

Непродолжительным был наш отдых. Уже в июле полк в составе корпуса участвует в Львовской операции. Взаимодействуя с 29-й Унечской мотострелковой бригадой, полк получил задачу наступать в составе главных сил Уральского танкового корпуса в направлении Золочев — Ольшаница — Зацемене и далее на Львов. Одновременно мы должны были быть готовыми поддержать действовавшую в передовом отряде 62-ю Пермскую танковую бригаду.

В первые же часы боя в районе населенного пункта Нища 62-я бригада встретила сильное сопротивление противника. Разгорелся бой наших танков с танками и артиллерией врага. Бригада несла потери, продвижение ее замедлилось. На помощь танкистам командир корпуса бросил наш минометный полк. Поддержанные мощным огнем, танки 62-й бригады броней и огнем пробili дорогу и ушли вперед на Золочев.

Повести минометный полк вслед за танками, под фланговым огнем артиллерии и танков противника, на колесных не прикрытых броней машинах, с минометами на прицепе, — значило понести большие потери в людях и материальной части. Нужно было найти другое решение. Начальник штаба полка майор Крючков предложил пойти в обход простреливаемого участка, используя расположенный справа лес. Получив мое одобрение, майор Крючков организовал разведку и лично возглавил ее действия. Уничтожив незначительный заслон пехоты противника на опушке леса, полк вышел во фланг артдивизиона и группы танков неприятеля. Внезапным огнем 2-го дивизиона капитана Коробова, а затем всего полка был подавлен артогонь врага, мешавший продвижению главных сил корпуса. Подъехавший к месту боя командир корпуса генерал Белов справился о потерях полка, расходе боеприпасов. Обращаясь к окружающим, он сказал:

— Молодцы, гвардейцы-минометчики, хорошо воюете! Теперь минометы на прицеп — и, не мешкая, вперед, за 29-й Унечской.

Майор Крючков за проявленную инициативу и умелые действия был первым в нашем полку награжден офицерским орденом Александра Невского.

Утром 18 июля мотострелковый батальон капитана Дозорцева 29-й Унечской бригады, поддерживаемый огнем минометного дивизиона майора Притуленко, вел бой за опорный пункт обороны противника в районе Ольшаница — Славита. Это был крепкий орешек, расположенный на командных высотах. Огневые точки здесь были зарыты и хорошо замаскированы. Поэтому минометчикам пришлось немало потрудиться, чтобы добиться эффективности своего огня. Припоминаю, как командир первой батареи капитан Лапчук (впоследствии он стал командиром дивизиона), разведчик сержант В. Иванов и еще один солдат-радиот, нарядившись в трофейные маскхалаты, отправились на разведку целей. Благополучно пройдя по открытому ржаному полю, они вышли на одну из высот и разместили наблюдательный пункт на чердаке дома, стоявшего на окраине занятого фашистами села.

Лучшего обзора расположения неприятельских позиций не сыщешь! Лапчук видел все как на ладони и передавал данные о целях, корректировал огонь не только своей батарее, но и управлял огнем всего первого дивизиона. В результате был подавлен огонь четырех батарей противника, уничтожены два наблюдательных пункта и три пулемета. Роты батальона Дозорцева под прикрытием огня минометчиков атаковали группу высот западнее Ольшаницы и с ходу ворвались в Славиту.

Когда кончился бой, спрашиваю у Лапчука:

— Как ты, дорогой мой, смог так втереться в расположение противника и остаться живым?

Капитан Лапчук скромно ответил:

— Это меня провел Валя, сержант Иванов, командир отделения разведки первой батареи.

— А где же Валя? — спрашиваю.

А сержант Иванов тем временем производил сортировку захваченных в плен фашистов.

К этому времени танки Свердловской бригады полковника Жукова, обойдя опорный пункт Ольшаница — Славита, перерезали шоссе Красне — Перемышляны и завязался бой за населенный пункт Зацемне — важный узел шоссейных дорог, сильно укрепленный и упорно обороняемый гитлеровцами. Захват Зацемне открыл нашим частям выход на шоссе, ведущее на Львов, и железнодорожный узел Перемышляны.

62-я Пермская бригада уже вела бой за овладение городом Перемышляны. Подразделения 29-й Унечской бригады ушли на Львов. Нашему полку была поставлена задача оборонять узел шоссейных дорог и шоссе на Перемышляны до подхода передовых пехотных частей. На нашей совести была дорога, обеспечивающая подвоз боеприпасов и эвакуацию раненых корпуса, ведущего бои за Львов.

Обстановка складывалась так, что нам предстояла встреча с частями отступающей Бродской группировки противника. Не теряя времени, мы приступили к организации разведки и обороны только что освобожденного Зацемне. Особое внимание было обращено на оборудование пулеметных гнезд и организацию пулеметного огня. Пулеметов в полку было много, особенно трофейных. Запас патронов к ним был весьма солидным.

В подразделениях состоялись летучие партийные и комсомольские собрания. Вопрос обсуждался один: о выполнении боевой задачи в обороне. Коммунисты и комсомольцы сразу же после собрания довели задачу до каждого солдата. Закипела работа. Все зарывалось в землю.

Полку нужно было пополнить запас мин. Отделение боепитания во главе с начальником артснабжения старшим лейтенантом Филипповым было направлено на армейский склад за боеприпасами. Судьба этой группы меня беспокоила особо, так как было известно, что город Золочев, находившийся на пути следования группы, неоднократно подвергался нападению отступающего противника. Зная Филиппова, его командирскую грамотность, умение быстро ориентироваться в трудной обстановке и принимать разумные решения, я надеялся, что колонна с боеприпасами прибудет целой и вовремя. И не ошибся. Филиппов доставил в полк так необходимые батареям боеприпасы.

Много похвал получили водители автомашин и сам Филиппов от солдат и офицеров. Лейтенант Калашников, старший офицер на одной из батарей, на радостях так обнял Филиппова, что у того кости затрещали. Такое горячее проявление благодарности было понятно: исполнение боеприпасов в подразделениях обеспечивало успех в бою, удваивало силы.

Баянист Терентьев, любимец всего полка, сыграл встречный марш в честь прибытия колонны. Кто-то из водителей машин в шутку заметил:

— Баян — хорошо! Но было еще лучше, если бы чего-нибудь горяченького. Скажем, щец с баранинкой или бульончика с курочкой, к примеру..

А вездесущий Гофман, заводила самодеятельности и немалый сочинитель солдатских шуток, на это отвечает:

— Братцы-батарейцы! Поглядите-ка на этого уральца. Он забыл пельмени наши! Цыпленка захотел. Куда мы катимся? С такими вкусами нас дома и не узнают...

Шутки, прибаутки, смех, бодрое, приподнятое настроение — все это было оттого, что в душу солдат вселилась уверенность: оборона создана прочной, боеприпасы к минометам доставлены, враг будет встречен подобающим образом.

А противник действительно не заставил долго себя ждать. В ночь на 21 июля очереди автоматного, а затем и пулеметного огня были первым сигналом того, что группа разведчиков нашего полка вступила в бой. Хорошо встретили противника разведчики лейтенанта Белоусова и сержанта Леденцова: в течение получаса отбивали его яростную атаку. В этой схватке были ранены старший разведчик сержант Леденцов и еще два солдата из разведки. Противник потерял только убитыми 37 солдат.

Утром колонна транспортных машин бригад корпуса, направлявшихся в армейские тылы за боеприпасами, вернулась. Один из офицеров сообщил мне, что пройти на Золочев им не удалось, три машины из бригады Жукова подбиты и сожжены. Противник под натиском наших общевойсковых частей отходит к Зацемне.

Обстановка ясна. Бой будет жаркий, от него не уклониться. Нам нужно продержаться до момента подхода главных сил, а затем сдать занимаемый полком участок нашим наступающим частям. Таков приказ генерала Лелюшенко.

— Окончилось терпеливое ожидание, предстоит жаркая «встреча», — говорит мой заместитель Бутырин. — Разрешите мне идти в дивизион Коробова.

— Идите, — говорю я ему и добавляю в шутку: — Ни пуха... — Затем наказываю: — Огонь вести только прицельный. Правильно используйте подготовленный неподвижный и подвижный огни батарей. Держите связь, докладывайте обстановку. Берегите людей.

Все приведено в боеготовность. Вскоре 1-й дивизион открыл огонь. Фашисты предпринимая атаку за атакой. Притуленко отбивает их огнем дивизиона. Со своего наблюдательного пункта вижу, как хорошо ложатся мины, накрывают цели. Дружно работают пулеметы. Противник мечется и в панике бросает технику, бежит к лесу, чтобы укрыться в нем.

Мы предполагали, что фашисты могут броситься к спасительному для них лесу. На этот случай мы подготовили огонь

батарей по выходам из леса, установили пулеметы.

Наблюдавший вместе со мной картину боя начальник штаба полка майор Крючков, улыбаясь, сказал:

— Битте, фрицы, битте к лесу. Там для вас приготовлена хорошая парикмахерская. Пожалуйста бриться!..

Там Лапчук со своей гвардией, наша гордость — 1-я батарея. Вызываю Лапчука, спрашиваю:

— Как дела у тебя, бреешь?

— Бреем, батя, бреем, — отвечает Лапчук. — Стараемся так, что «самоварам» жарко (так мы кодировали при разговоре минометы), а немцы жмут. Их много, очень много. Обстреливают из автоматов, ранен парторг батареи Поляков, но остался пока в строю. Много фашистов уничтожено. Мы их не пропустим.

Гитлеровцы шли перекатами. Им нужно вырваться из-под огня, где-нибудь проскочить, и они ищут брешь, но ее нет. На всем своем участке стойко обороняются уральцы-минометчики. Они уничтожают сопротивляющихся, а тех, кто бросает оружие и сдается в плен, — направляют в Зацемне.

Тут же недалеко, в боевом порядке батарей 1-го дивизиона работает наш маленький медпункт. Врач полка капитан медслужбы Городецкий со своим персоналом с присущей ему смелостью, под огнем оказывает первую помощь раненым бойцам.

Дивизион Коробова, расположившийся справа, также ведет бой. Бутырин там. Он, как всегда, впереди. Докладывает мне, что противник яростно атакует левый фланг дивизиона, не считаясь с нашим плотным минометным и пулеметным огнем.

Тяжело ранен и направлен на медпункт командир б-й батареи старший лейтенант Колесников. Батареей командует лейтенант Калашников. Бутырин у него на наблюдательном пункте. Тяжелая обстановка сложилась на участке этой батареи. Туда подошли два вражеских танка. Один из них подбит минометным огнем, другой — разведчиком Логиновым, бросившим под гусеницы противотанковую гранату. Экипажи танков бросили машины и сдались в плен. Подбиты два бронетранспортера. На огневых позициях б-й батареи, куда прорвались гитлеровцы, много убитых солдат противника.

Атаки немцев следуют одна за другой на различных участках обороны нашего полка, но все они были отбиты. До нас доносятся звуки боя впереди обороны полка, а также справа в районе Перемышлян. Это ведут наступление стрелковые части нашего фронта.

Хорошо управляют огнем командиры дивизионов Притуленко и Коробов, командиры батарей Лапчук, Калашников, Розенблюм и другие. Особенно смелы действия лейтенанта Калашникова. Прекрасно, слаженно работают расчеты, трудно уловить, кто из них действует лучше. Чувствуется, что и малообстрелянные молодые бойцы стараются подражать в смелости уральцам-добровольцам, на их примере учатся воевать.

22 июля на участок обороны минометного полка, на плечах отступающих фашистов, вышли подразделения стрелковой дивизии наших войск. Командир стрелкового полка, принимая пленных, трофеи и участок, заметил: — Много вы наколотили фашистов. Я видел: полоса километра два в глубину обильно усеяна трупами немцев и их побитой техникой.

На это майор Крючков заметил:

— Мы ведь уральцы-добровольцы, к тому же еще и гвардия.

— Вижу, вижу, что гвардия. По следам вашей работы вижу, — сказал полковник, с удовольствием подписывая акт о приемке от нас участка обороны.

Докладываю по радио обстановку в штаб корпуса. Получаю приказ: немедленно вести полк на Львов, захватив с собой колонну тыловых машин корпуса, застрявших в районе Зацемне.

Предстоял нелегкий марш ко Львову. Встречи и схватки с противником неизбежны. Так и случилось. В селе Давыдово нашему полку преградили путь два батальона 229-го егерского полка противника.

Разведка нашего полка завязала перестрелку. Я решил развернуть батареи Розенблюма и Калашникова. После нескольких минометных очередей автоматчики, руководимые Бутыриным и Лапчуком, ворвались в село. В это время майор Крючков подал мне радиogramму командира корпуса. В ней говорилось, чтобы мы ускорили движение. Значит там, во Львове, нужен полк. От Давыдова до Львова 22 километра. Кажется, рукой подать. Но нам то и дело встречается противник и приходится тратить дорогое время, чтобы огнем проложить себе дорогу. Этим делом были заняты наши разведчики и батарея Лапчука. Двигаясь впереди полковой колонны, они очищали от групп противника путь.

В селе Романув небольшая остановка. К колонне подошел старик-украинец и со слезами на глазах сообщил, что на восточной окраине села, метрах в двухстах от нашей магистрали, около тридцати фашистов пьянствуют и бесчинствуют целый день, грабят. Пойманных людей заперли в сарай, угрожают сжечь.

Старший лейтенант Чалый и с ним солдаты Цыба, Логинов, Литвин и другие в короткой схватке покончили с гитлеровцами, большую часть их уничтожив. Было спасено 28 стариков, женщин и детей.

...Вот мы и во Львове. Красив этот древний город, раскинувшийся на холмах. Нашему взору он предстал: в дыму пожарищ. В городе шел бой за каждую улицу, за каждый дом. В небе то и дело вспыхивают воздушные бои. Это советские истребители прикрывают действия своих наземных войск.

Минометный полк получил задачу поддержать огнем 29-ю мотострелковую бригаду. Дивизионы нашего полка приданы батальонам бригады. Минометчики ведут огонь по требованию командиров рот. Мотострелковый батальон До-

зорцева ведет бой за вокзал, превращенный противником в неприступную крепость. После артиллерийской и минометной обработки позиций немцев одна из рот автоматчиков Дозорцева, поддержанная самоходками, штурмом овладела вокзалом.

Выбыл из строя командир 1-го дивизиона майор Притуленко. Он ранен, и ранен тяжело. Пришлось эвакуировать его в госпиталь. Очень жаль майора, боевой он командир, хороший товарищ. Командование дивизионом поручаю Лапчуку. Он тоже ранен. Повязка на шее и левой руке. Упросил врача Городецкого, перевязывавшего ему раны, разрешить остаться в строю.

Минометный полк, поддерживая действия автоматчиков и танков, ведет бой на привокзальных улицах. Мой наблюдательный пункт расположен на чердаке одного из домов. Обзор хороший. Здесь командир бригады полковник Ефимов и командующий артиллерией корпуса полковник Воинов.

Наш НП, должно быть, засек противник и начал обстрел дома. Один за другим снаряды рвутся где-то в первом этаже. Прошу полковника Воинова уйти. Но он и слышать не хочет, его увлекает бой. Наблюдая за стрельбой минометчиков, он радуется их умелой работе. Это ж человек, прослуживший в советской артиллерии более двадцати пяти лет, он любит и хорошо знает артиллерийское дело, требует, чтобы каждая мина, каждый выпущенный снаряд рвались там, куда направляется усилие пехоты и танков. Пробыл он в полку до вечера. Уезжая на командный пункт командира корпуса, полковник Воинов предупредил меня, что полк утром получит приказ о наступлении на Дрогобыч в составе передового отряда корпуса. Приказал за ночь пополнить боевой запас.

* * *

Еще не утих бой во Львове, а 62-я Пермская танковая бригада устремилась на юго-запад, к Карпатам. С бригадой в составе передового отряда корпуса действуют дивизионы нашего полка и дивизион катюш. Опять мы в рейде.

Преодолевая незначительное сопротивление противника и овладев рядом населенных пунктов, отряд подошел к городу Самбору. Головная походная застава завязала бой. Один танк Т-34 из батальона Елкина подбит. Дивизион Лапчука развернулся в боевой порядок и открыл огонь. Началась разведка боем с целью найти слабое место в обороне противника. Потратили немало времени, но безуспешно: крепка оборона.

— Придется прорывать вот здесь, — решает комбриг полковник Денисов и указывает на местности участок.

Пятиминутный огневой налет минометного полка, залп дивизиона катюш по выявленной группе целей, и батальон автоматчиков бросился в атаку. Общими усилиями сбили первую линию противотанковой обороны противника. Рота танков, рота автоматчиков при поддержке минометных батарей ворвались и овладели северо-восточной окраиной города Самбора. Расширяя проделанную брешь, вся бригада и приданные ей части втянулись в город и ведут жестокий бой. Лапчук и командиры батарей его дивизиона продвигаются вместе с ротами автоматчиков. Они так лучше видят всю картину боя, а это в свою очередь позволяет точнее, быстро подавлять огневые точки, уничтожать живую силу врага и прокладывать путь нашей пехоте и танкам.

— Молодец, Лапчук! — восхищается Денисов, подошедший к моему наблюдательному пункту. Вместе с ним восхищаюсь и я действиями батарей первого дивизиона.

У минометов траектория полета мин навесная. Можно «достать» противника и в траншее, и в щели, и за домом, и за каменной стеной. А в уличном бою миномет просто незаменим. Его огнем можно накрыть почти любую Цель, в том числе и фаустников, притаившихся в различных укрытиях.

Огневая позиция первой батареи расположена рядом с нашим НП. Мы видим работу расчетов. Слышим команды командира огневого взвода:

— Правее 0-02! Первому миномету три мины! Точнее наводить! Беглый огонь!

Мины надолго уходят в небо. Наблюдаем. Вот появились разрывы. Они легли хорошо. И сразу же на огневой Раздается поощрительное: «Верно! Цель накрыта!» Это стреляет расчет сержанта Полякова. Люди работают быстро, четко и точно. Наводчик хорошо натренирован. Не отстают и другие расчеты этой батареи.

Захвачены пленные. Установлено, что Самбор обороняют части 17-й пехотной дивизии противника. У них есть шестиствольные минометы, противотанковая артиллерия, подразделения фаустников, самоходные орудия. По всему видно, что противник намерен упорно оборонять Самбор.

На наш командный пункт прибыл командир корпуса генерал Белов. Он сообщил, что главные силы корпуса, обойдя Самбор слева, идут на Дрогобыч. Он приказывает выделить один дивизион полка в помощь 29-й мотострелковой бригаде. Выделяю второй дивизион Коробова. С ним идет Сергей Иванович Бутырин. Коробов смел, грамотен, но по молодости горяч. Его горячность меня волнует иногда. Это знает Сергей Иванович, поэтому частенько бывает во втором дивизионе. Генерал отмечает на карте Бутырина пункт, где дивизион должен влиться в колонну бригады. Затем, пожелав нам успеха и посоветовав поскорее «развязать узелок» в Самборе и догнать корпус, генерал уехал, а с ним и второй дивизион Коробова.

Легко сказать «развязать узелок». Нужно знать точно, каковы наши возможности. Подсчитываем, чем мы располагаем. Артиллерии у нас много: танковые пушки, противотанковая батарея, два дивизиона минометного полка, дивизион катюш. Мин в полку много, да и подвоз их хороший. Недостатка в артиллерийском огне не будет.

Командир батареи Розенблюм докладывает, что танки батальона майора Нифонтова, действующие справа, пре-

одолевая сопротивление противника, медленно продвигаются к центру города. Его батарея меняет огневую позицию. Просит прислать мин. Приказываю немедленно доставить их на батарею.

День на исходе. Солнце на фоне огромной дымовой тучи как будто увеличилось в несколько крат и повисло низко над землей. Уставшие за день бойцы ждут не дождутся темноты: это сулит им кратковременный отдых. И действительно, ночью, когда видимость уменьшилась, перестрелка немного стихла. Но бой не прекратился и ночью. Противник продолжал сопротивление. Особенно активизировали свои действия фаустники, наносявшие ущерб нашим танкам. Поэтому на долю минометчиков выпала задача огнем минометов прокладывать путь автоматчикам и танкам. За эту ночь центр города был очищен от противника, а к исходу следующего дня Самбор был полностью освобожден, о чем полковник Денисов и доложил командиру корпуса. Таким образом, «узелок» общими усилиями нам удалось развязать.

В боях за освобождение Самбора многие солдаты, сержанты и офицеры минометного полка проявили мужество и храбрость, за что позднее были удостоены правительственных наград. Здесь, в Самборе, стало известно, что наш 10-й гвардейский Уральский добровольческий танковый корпус за Львовскую операцию и освобождение города Львова получил почетное наименование Львовского. Состоялось построение полка и митинг. Выступили Николаев, Крючков, Дюженков, Лапчук, сержанты и солдаты полка. Все они говорили о чести служить под знаменем добровольческого корпуса, о готовности множить боевую славу уральцев.

И слово свое минометчики держали. В последние дни июля и первую половину августа минометный полк участвует в боях, поддерживая действия 29-й бригады по овладению промышленным центром прикарпатской Украины — городом Дрогобычем. Освобождению этого города предшествует взятие более сотни населенных пунктов Дрогобычской области, в том числе города Бориславля, а также форсирование реки Стрый. В этих боях особо отличился дивизион капитана Коробова, умелыми действиями всех трех батарей поддерживавший роты автоматчиков батальона Дозорцева. Надо сказать, что находившийся во втором дивизионе С. И. Бутырин одновременно выполнял обязанности старшего на передовом наблюдательном пункте полка и командующего артиллерией корпуса. Часто Сергею Ивановичу передавалось управление огнем минометного полка, а иногда и всей артиллерией корпуса.

* * *

В конце августа 1944 года наш минометный полк, переправившись через реку Сан, вел бой в районе города Санок. Еще не все части корпуса форсировали эту реку, а 4-я танковая армия получила приказ командующего 1-м Украинским фронтом вывести части из боя, совершить почти двухсоткилометровый марш на своем ходу, переправиться через реку Вислу в районе Баранув и выйти на Сандомирский плацдарм.

На коротком совещании в корпусе, проведенном командармом генералом Лелюшенко, мы узнали, что времени на выход из боя, передачу боевых участков и марш отведено всего двое суток. Пополнение боеприпасами, горючим и продовольствием придется делать на ходу. Марш проводится скрытно, несколькими маршрутами с тщательным соблюдением противозвушной маскировки и других мер предосторожности. Задача минометного полка — идти за Челябинской бригадой в составе передового отряда корпуса.

Нелегкая выпала задача. Для подготовки, организации и проведения такого серьезного марша требовались время и усилия всего личного состава. Много мин и других боеприпасов завезено в полк. Образован склад боеприпасов на грунте, заполнены ими и машины дивизионов. Все заработало: в штабе полка произведены расчеты, какому подразделению и что поднять, от чего второстепенного можно освободиться, как в тылах полка, так и в батареях. Разрабатывался порядок движения и маскировки, изучался маршрут.

На майора Чернова и автотехников дивизионов возложены организация осмотра всех автомашин и производство их мелкого ремонта. Майор Крючков предложил часть минометов спарить на прицепе. Филиппов и артмастера в течение трех часов изготовили подходящее приспособление для жесткого крепления минометов. Получилась своеобразная «упряжка цугом». Контролировавший подготовку полка к маршу командующий артиллерией корпуса полковник Воинов одобрил это устройство. Провели пробную тренировку расчетов по приведению минометов к бою из этого положения, чтобы солдаты в случае чего сумели быстро изготовиться к стрельбе.

Политработники под руководством майора Николаева многое сделали по политическому обеспечению марша. В беседах с солдатами и сержантами они рассказали о цели марша, а также призвали воинов совершить этот трудный поход организованно и соблюдать высокую дисциплину.

И вот полк на марше. Он был нелегок. Прошли ливневые дожди, и дорога раскисла. К тому же шедшие впереди танки Челябинской бригады основательно разворотили ее. Водителям наших колесных машин пришлось здорово потрудиться, чтобы держаться в строю колонны. Форсировав несколько притоков реки Сан, мы наконец-то достигли реки Вислы, перешли Баранувскую переправу и сосредоточились в небольшом лесу в километре западнее города Сташув.

4-я танковая армия прибыла на Сандомирский плацдарм с задачей сменить находившиеся здесь в обороне части, которые по приказу командующего 1-м Украинским фронтом отводились с плацдарма в тыл на отдых и переформирование после тяжелых боев. Сменив части 3-й танковой армии, Уральский добровольческий танковый корпус получил участок в системе обороны 13-й общевойсковой армии генерала Пухова.

Противник все время подводил свежие дивизии, снимая их с Западного фронта. Он немедленно бросал в бой эти дивизии против советских войск с целью ликвидации плацдарма. И, может быть, поэтому бои корпуса носили маневренный характер. Части корпуса бросались именно на тот участок, где противник намечал прорыв или подчас вклинивался в нашу оборону. Наша задача состояла в том, чтобы уничтожить живую силу и технику врага, переходить в контратаки и таким образом расширять территорию плацдарма. Минометный полк своим огнем помогал выполнению этой боевой задачи. Люди полка были в постоянной готовности к неожиданной смене огневых позиций.

Однажды перед вечером, в первых числах сентября, командующий артиллерией корпуса полковник Воинов приехал на мой командный пункт и отдал приказ: с наступлением ночи поднять полк и под прикрытием темноты передислоцировать в новый район. К 18 часам прибыть на рекогносцировку в район высот в двух километрах восточнее Багории.

На рекогносцировке командир корпуса сообщил, что по данным разведки противник подтянул в район Багории свежие части пехоты, танки и артиллерию. Видимо, на этом участке гитлеровцы попытаются перейти в наступление. Генерал поставил задачу: 61-й Свердловской бригаде полковника Жукова с противотанковым артиллерийским полком полковника Шульженко и 299-м минометным полком быть готовыми к отражению атаки противника, а затем, перейдя в наступление, овладеть населенным пунктом Багорией.

За ночь было все подготовлено. Батареи заняли огневые позиции и развернули наблюдательные пункты, наскоро окопались и замаскировались. На стороне противника полнейшая тишина. Только кое-где подсвечивают ракеты-«парашютики», как их называют наши бойцы, да изредка в сторону наших траншей звездное небо прочерчивают короткие очереди трассирующих пуль. Как никогда в эту ночь тихо и в эфире, нет присущего передовой радиогалдежа. Эта тишина — один из признаков предстоящей бури.

Перед рассветом, примерно за полчаса, заговорила артиллерия противника километрах в трех-четыре правее нашего участка. Там же отвечают и наши артиллеристы. У нас тихо.

— Неужели разведчики нас подвели и неправильно определены намерения противника? Что ж, видно будет, — говорит Лапчук, на наблюдательном пункте которого в это время я находился.

Молчат батарейные разведчики, связисты. Идут минуты. Справа стрельба начала постепенно затихать. На востоке заметно светлеет. Близок рассвет.

Осмотр готовности полка проведен. Иду на свой наблюдательный пункт. Впечатление хорошее, но не совсем четкое. Вся работа сделана ночью, как она будет выглядеть днем? Успокаивает то, что некоторые недоделки в оборудовании огневых позиций бойцы подправят на рассвете.

Но вот до нас доносится шум моторов. С каждой минутой он нарастает. Нам всем становится ясно, что справа была инсценировка, отвлекающая наше внимание, а главные действия разыграются здесь, на нашем участке. К шуму моторов наземных машин подсоединяется гул в воздухе. Затем следуют взрывы. Это группа бомбардировщиков противника сбросила свой смертоносный груз на передний край нашего участка обороны. Разрывы бомб явились сигналом для начала артиллерийского огня. Заговорили сразу несколько батарей противника. Артналет длился недолго, не более пяти минут. Наша артиллерия не отвечала. Сопреженным наблюдением артиллерийские разведчики засекали места расположения огневых позиций стреляющих батарей противника.

Появились танки. Среди них есть «тигры», выползшие из-за бугра. Много бронетранспортеров. Они на ходу, беспорядочно ведут огонь. Разведчик Иванов, наблюдая в стереотрубу, докладывает:

— Всего вижу пятнадцать танков, из них «тигров» пять. На танках десант.

За первым эшелоном танков следует второй, не меньший по количеству. Много пехоты. Вся эта масса стремительно движется на нашем участке, ширина по фронту которого около километра. Вся местность в этой километровой полосе, словно дождем, поливается огнем из танковых и малокалиберных автоматических пушек, пулеметов и автоматов пехоты, находящейся десантом на танках и бронетранспортерах.

Подпустив противника поближе к первой траншее, заговорила наша противотанковая артиллерия прямой наводки.

По моей команде открыл огонь весь наш минометный полк. Из траншей на головы противника обрушен шквал пулеметного и автоматного огня. Это заработали автоматчики и пулеметчики стрелкового батальона.

Пехоту противника как ветром сдуло с танков и бронемашин. Некоторые танки подбиты и остановились. Четыре из них загорелись. Пылают также несколько бронемашин. Часть танков и бронемашин из второго эшелона сворачивает влево. Они идут в обход, чтобы ударить по нашему правому флангу. А это как раз на руку нашим артиллеристам — истребителям танков. Стрелять по борту вражеского танка — наилучший момент для поражения.

Минометные батареи полка ведут огонь дружно, уверенно, расстреливая пехоту противника и поражая его технику. Особенно метко ведут огонь батареи Чалого и Калашникова. Дивизион Лапчука справа. У него обстановка несколько иная, чем у Коробова: лучше укрыты огневые позиции и наблюдательные пункты батарей, хорошие обзор и наблюдение.

На мой вопрос: «Как ведет себя противник на вашем Участке?» Лапчук ответил кратко:

— Идет к нам умирать! Причем делает это нахально, прет по открытой местности.

Из штаба артиллерии корпуса требуют доложить об обстановке, что безукоризненно исполняет майор Крючков.

Двум тяжелым немецким танкам и небольшой группе автоматчиков удалось перевалить через первую траншею и

дойти до огневой позиции батареи Чалого, расположенной в 300 метрах от траншеи. Расчеты батареи встретили их огнем пулеметов. Часть автоматчиков уничтожена, девять человек пленено. Это оказались автоматчики 20-й немецкой мотострелковой дивизии, прибывшей в Багорию после отдыха и переформирования. Танки были подбиты артиллеристами подполковника Шульженко.

Не знаю, чья умелая рука в это утро направляла огонь нашей артиллерии из глубины плацдарма, обрабатывая опорный пункт Багорию и его ближайшие окрестности. Свою лепту в это дело внес и наш полк. И вот когда огнем артиллерии и минометов наступающему противнику был нанесен мощный удар, танки Свердловской бригады пошли в контратаку и окончательно разгромили 20-ю дивизию противника, с ходу овладели опорным пунктом Багорией.

В один из дней середины сентября 2-й минометный дивизион полка оборонял подступы к населенному пункту Девятин. Пехоты, прикрывающей этот участок обороны, было мало, а батальон танков из Челябинской бригады Фомичева находился в двух-трех километрах слева и сзади, в расположении 1-го дивизиона. Наблюдательный пункт батареи Калашникова занимал одну из командных высот восточнее Девятина. К вечеру противник, решив овладеть этой высотой, произвел огневой налет, а затем силами до батальона пехоты атаковал ее.

Калашников принял бой. Искусно управляя огнем своей батареи, он расстреливал атакующие группы гитлеровцев. А когда одна из рот противника вышла на высоту, угрожая занять ее, этот решительный офицер-артиллерист скорректировал и открыл огонь всего дивизиона по занимаемой им высоте, рискуя при этом собственной жизнью. Атака захлебнулась, противник откатился на свои исходные позиции, оставив на поле боя около двухсот убитых. За эти и другие решительные действия в бою лейтенант Калашников был награжден орденом Красного Знамени.

Казалось, что боям на плацдарме не будет конца. Но вот в последних числах сентября ежедневные атаки противника постепенно ослабевают и к началу октября прекращаются. Не ставилась задача наступления и нашим частям. Линия обороны фронта приняла стабильный характер. Противник был измотан, силы его иссякли настолько, что ему пришлось отказаться от затеи ликвидации нашего плацдарма.

Части корпуса были выведены из боя во второй эшелон и заняли в нем участки обороны. Минометный полк получил участок в лесу в семи километрах северо-западнее Багории.

Среди солдат и офицеров появились разговоры, что, возможно, полк будет отведен за Вислу. Но поступивший приказ штаба 4-й танковой армии быстро рассеял эти домыслы. В приказе говорилось об укреплении участков обороны, занимаемых частями, об организации боевой подготовки, приведении в порядок боевой техники, транспорта и вооружения, о подготовке к зиме, заготовке картофеля и овощей с расчетом запаса на три месяца. Все это окончательно убедило всех людей полка, что мы остаемся на плацдарме.

Закипела учеба и работа во всех подразделениях. Особенно много пришлось потрудиться подразделениям тыла и технической части. Заготовки, ремонт боевых и транспортных машин шли полным ходом. Хорошо была организована работа водителей и механиков, а их в полку было, как говорят, в обрез.

Старший врач полка капитан медицинской службы Городецкий, кроме организации хорошего медпункта, получил задачу лично побывать в армейских и фронтовых госпиталях, установить связь с людьми полка, находившимися там на лечении в связи с ранением, узнать о возможности их возвращения в полк. Доктору также, поручили вручить раненым маленькие подарки от полка и товарищей. Со своей миссией капитан Городецкий справился хорошо: после лечения большинство добровольцев-пермяков вернулись в свой, как бойцы называли, родной гвардейский минометный полк. Вернулись Калашников, Коновалов, Поздняк и многие другие офицеры, сержанты, солдаты.

Местное польское население близлежащих деревень к нам относилось очень хорошо. Пользуясь затишьем на фронте, крестьяне, хотя и с некоторым запозданием, приступили к озимому севу. Некоторые солдаты и сержанты, знающие толк в труде хлебороба, в свободное от занятий время помогали обрабатывать землю, сеять озимую пшеницу и рожь, собирать картофель. К таким энтузиастам относились пятидесятилетний солдат, разведчик полка, уроженец деревни Малы Сорочинцы Михаил Иванович Литвин, шофер, бывший тракторист из колхоза Чемировцы Каменец-Подольской области Василий Коновалов и многие другие.

Минометчики готовились к новым боям.

Огромную роль сыграли коммунисты и комсомольцы. Они личным примером, как и в бою, обеспечивали успех в боевой подготовке и выполнении всевозможных работ. За такими коммунистами, как Бутырин, Николаев, Гаврилов, Дюженков, Стрекалов, Поляков, Чугурин, тянулись другие. Партийные и комсомольские организации активизировали массово-политическую работу в подразделениях, помогали во всем командирам. На контрольно-поверочных стрельбах батарей и стрельбах из ручного оружия, проведенных в присутствии командующего артиллерией корпуса полковника Воинова, полк получил только отличные и хорошие оценки.

Отдых между боями, длившийся три месяца с небольшим, закончился. К 8 января 1945 года полк снова вышел на передний край с задачей участвовать в артиллерийской подготовке прорыва обороны противника на участке 6-й гвардейской дивизии в районе Курзовенко. Ночами, соблюдая большую осторожность при движении и производстве работ, батареи заняли огневые позиции и подготовились открыть огонь. Были тщательно составлены таблицы огня, выписки из них доведены до каждой батареи. Произведена пристрелка реперов дивизионов. Предусмотрены все вопросы взаимодействия со стрелковыми подразделениями, участвовавшими в прорыве.

Все солдаты и офицеры — в томительном напряжении. Все ждут команду об открытии огня. Когда долетит до

расчетов это долгожданное слово «огонь!» — никто не знает. Это — секрет.

С каждым днем на плацдарме становится все больше войск. На переднем крае с каждой ночью появляются все новые огневые позиции, новые наблюдательные пункты, а днем все замирает, все спрятано от взора противника. Только командиры да разведчики-наблюдатели, не отрываясь от стереотруб, ведут непрерывное наблюдение за противником на участках, предназначенных им для артиллерийской обработки.

Перед боем солдаты пишут домой в родные места заветные письма-треугольники. Коротко сообщают о себе, мельком намекают о предстоящем деле. Разведчик Литвин, например, так писал своей жене: «Моя дорогая старушка! Крепко, крепко целую вас всех. Пишите, как вы там живете. Мы отдых закончили, все получаем задачу и скоро начнем. Обо мне не беспокойтесь. Я чувствую себя хорошо. Здоров. Скоро окончательно раздавим гадов и с победой вернемся домой. Еще сообщаю, что я получил правительственную награду ордена Красной Звезды». Солдатские треугонички летят к родным, как голуби, несут весточки о том, что живы их желанные и будут жить. Хотя на фронте бой и смерть — очень близкие соседи.

Настало утро 12 января. Перед рассветом залпы катюш. Это сигнал, это то самое, что томительно ждал каждый солдат полка. Все заговорило, задрожала земля. На километр фронта 400 орудий! В стан врага полетело огненное море. Эфир как будто взволновался. Минометные батареи ведут огонь, меняя установки по графику режима огня. Артподготовка рассчитана на два часа. Расход мин — три боекомплекта. Это очень много!

Через два часа второй залп катюш, который, как палочка дирижера хорошо сыгравшегося огромного оркестра, дал сигнал: артиллерии огонь перенести на первый рубеж огневого вала, а пехоте вслед за огневым валом подняться и атаковать противника.

Минометный полк в огневом вале участвовал только на первом рубеже. Затем ему предстояло свернуться и быть готовым влиться в состав передового отряда Уральского танкового корпуса, который вводился в прорыв для развития успеха войск армии и фронта.

Обогнав пехотные подразделения, танки корпуса устремились к городу Кельце. Они сметали все на своем пути и, ломая сопротивление гитлеровцев, овладевали один за другим населенными пунктами.

Вместе с 62-й Пермской танковой бригадой, составлявшей главные силы передового отряда корпуса, действовал и наш минометный полк. Уничтожая огневые точки в опорных пунктах обороны противника и этим способствуя продвижению танков, дивизионы подошли к городу Кельце уже в первый день наступления. Завязался бой за город. Гитлеровцы оказывали упорное сопротивление.

Поддержанные огнем минометного полка и самоходного артиллерийского полка, танки полковника Денисова ворвались в город, овладели железнодорожным узлом. Батареи дивизионов Лапчука и Розенблюма, взаимодействуя с ротами автоматчиков, очистили от гитлеровцев Кельце и, повернув на северо-запад, устремились вслед за танками к городу Коньске. Наступление было настолько стремительным и сопровождалось таким интенсивным огнем танковых пушек и пулеметов, а также автоматчиков бригады, стрелявших с танков, что отходивший противник не имел возможности остановиться и оказать организованное сопротивление нашему продвижению.

Правда, гарнизон противника, оборонявший Коньске, встретил нас огнем пулеметов и противотанковой артиллерии. Но наше появление для немцев, засевших в городе, было полной неожиданностью. И в самом деле, для противника было невероятным, что наш корпус так быстро преодолел сильно укрепленную оборону и продвинулся на сотню километров вглубь.

Начался бой за город Коньске. Вижу, как рота танков развернулась и повела наступление. Приказываю Лапчуку подавить огневые точки, мешающие продвижению танков. Дивизиону Розенблюма — внезапным огнем обстрелять центр города и станцию и этим навести панику. Не прошло и двадцати минут, как танки и автоматчики Пермской бригады ворвались в город, вышли на железнодорожную станцию и овладели ею. Противник обратился в бегство, оставив целыми склады с большими запасами продовольствия, около двух десятков неразгруженных эшелонов с продовольствием, оружием и другим имуществом. Часть гитлеровцев и их прислужников, не успевшая бежать, попряталась в домах, сараях, на чердаках. Это главным образом тыловики: станция Коньске оказалась распределительной станцией снабжения гитлеровских войск фронтового значения.

Для обороны Коньске оставлены Пермская бригада с приданным ей нашим минометным полком. Главные силы танкового корпуса, обойдя Коньске, устремились к реке Пилице и далее по маршруту на Петкув, Солеюв, Равич.

Заняв круговую оборону на окраинах Коньске, минометчики организовали небольшие отряды по очистке города от спрятавшихся гитлеровцев. К ночи эта операция была закончена. Очистить город от оставшихся гитлеровцев помогали местные жители. Особенную активность проявили рабочие и служащие железнодорожной станции и депо. Они отыскивали убежища спрятавшихся, а затем сообщали об этом нашим солдатам.

Помню, трое поляков сообщили мне, что в двух километрах в лесу севернее Коньске есть склад горюче-смазочных материалов. Я, Денисов, Лапчук с группой автоматчиков на бронетранспортере выехали в указанное место и обнаружили там большой запас: несколько сот тонн горючего в цистернах, зарытых в землю, много металлических бочек, заполненных бензином и маслами. Эта находка была как раз кстати. Нам позарез нужно было горючее! Немедленно выставили у склада надежную охрану в составе роты автоматчиков.

Оправившись после разгрома в Коньске, гитлеровцы ночью дважды предприняли атаки. Удар они наносили на

участке батареи старшего лейтенанта Чугурина. В обоих случаях минометчики и танкисты заставили гитлеровцев откатиться от своей затеи. Уцелевшие откатились на исходные позиции, скрылись в лесу.

На следующий день утром большой конный отряд из так называемого калмыцкого корпуса, входившего в армию предателя Власова, предпринял попытку атаковать Коньске и поживиться запасами на станции. Мощным минометным огнем встретили гвардейцы дивизиона Лапчука предателей, и только немногие из них уцелели и успели ускакать в лес. Полк наш крепко дрался, отстаивая Коньске.

К вечеру второго дня в Коньске вступили стрелковые части нашей армии, с ними прибыл представитель службы тыла, который принял склады на станции и в лесу.

Минометный полк следом за танками Пермской бригады форсировал реку Пилицу, прошел Петркув, а в районе Солеюва, где вела бой 29-я Унечская бригада, соединился с корпусом. Здесь, в боях под Белхатовом, погиб майор Крючков — начальник штаба 299-го гвардейского минометного полка. Тяжелая утрата. Майор Крючков прибыл в полк в дни его формирования, прошел с ним большой боевой путь.

Совсем немного не дошел он до конечной цели — фашистского логова Берлина. Рука проклятого врага оборвала жизнь коммуниста, храброго бойца, мечтавшего о победе, о том, как после войны придется много потрудиться во имя коммунизма.

Склонилось овеянное славой боев гвардейское знамя полка. Склонили головы солдаты и офицеры над свежей могилой боевого товарища. Произнесены слова клятвы — отомстить врагу за смерть майора. Прозвучал залп траурного салюта. Но еще не раз в предстоящих боях прозвучат залпы всего полка по врагу в память о тебе, наш незабвенный боевой товарищ...

* * *

Десять дней идут жесточайшие бои. Действуя в составе корпуса, минометный полк участвует в овладении городами Острув, Равич, Винциг и другими не менее важными пунктами. И наконец-то мы достигли реки Одера у города Штейнау. Перед нами была немецкая земля...

Несколько танков Пермской бригады и группа автоматчиков с ходу проскочили по мосту через Одер. В следующий момент мост взлетел на воздух. Смелчаки, проникшие на правый берег, оказались отрезанными от своих. Но важно то, что гвардейцы зацепились за пяточок суши на вражеском берегу. Нужно лишь, чтобы они продержались до прихода подмоги.

Подступы к реке хорошо просматриваются противником и держатся им под огнем. Но немного в стороне, в двух-трех километрах вверх по течению, местность лесистая и подступы к реке удобные. Туда и устремились. 29-я мотострелковая бригада и первый дивизион минометного полка. Второй дивизион Розенблюма тем временем открыл огонь по выходу к реке с окраины Штейнау. Надо было оградить огнем тот малый плацдарм, что заняли взвод танков и группа автоматчиков, переправившиеся через реку до взрыва моста. Артиллерия и авиация противника все свое внимание приковали к Штейнау и подступам к нему.

С наступлением темноты роты батальона Дозорцева, а вместе с ними батареи дивизиона Лапчука приступили к форсированию реки по льду. Выручила солдатская смекалка: в ход пошли доски и другой подручный материал. Лед был очень тонок, он трещал, местами ломался. И все же наши бойцы добрались до западного берега Одера. Против-

ник открыл бешеный огонь по наметившейся переправе, но было поздно: гвардейцы штурмом овладели несколькими дотами и завоевали плацдарм, на котором обосновались батальон автоматчиков; 29-й бригады и управление дивизиона Лапчука. Минометным огнем Лапчук обрабатывает очередную дот, заставляет его замолчать, автоматчики Дозорцева штурмуют и овладевают дотом. Так к рассвету один за другим в наших руках оказалось семь дотов.

Вместе с дивизионом Лапчука переправился и Сергей Иванович Бутырин. Некоторое время спустя по льду, проваливаясь иногда по пояс в воду, перешли через Одер полковник Ефимов и я. Первый захваченный дот за Одером

Боевое Красное знамя 299-го гвардейского Тернопольского минометного полка.

стал командным пунктом командиров 29-й бригады и 299-го минометного полка. Полковники Ефимов и Воинов восхищались действиями связистов минометного полка. Они обеспечили бесперебойную связь правого берега с левым в течение всего первого дня боя на плацдарме. Это была героическая работа под непрерывным огнем артиллерии и авиации противника. Особенно часто повреждалась связь у берега реки. Здесь больше всего выбывало из строя связистов. Дважды в течение дня выходил на линию, лично исправлял порывы начальник связи полка старший лейтенант Дайнего. В один из этих выходов он был ранен, но продолжал искать повреждение, а когда нашел его — восстановил связь. Только после этого Дайнего явился на медпункт и обратился за медицинской помощью. Ему перевязали рану, и он продолжал боевую работу.

К исходу второго дня боев инженерные войска навели переправу через Одер. Тут же по ней пошли танки Свердловской и Челябинской бригад. Были переправлены на западный берег все минометы нашего полка, противотанковые пушки 29-й бригады. Наш 2-й дивизион, не медля ни минуты, развернулся в боевом порядке батальона Дозорцева, и новая порция мин обрушилась на гитлеровцев.

В воздухе появилась наша авиация, и продвижение вперед автоматчиков несколько облегчилось. Танки вошли в город Штейнау с запада и с ходу овладели им. Плацдарм с каждым часом расширялся. Меняются наблюдательные пункты батарей и дивизионов. Минометчики неотступно двигаются вперед вместе с автоматчиками.

Есть потери в людях. На одном из наблюдательных пунктов попал под разрыв и я. Основательно контужен. Полковник Воинов приказал эвакуировать меня в медсанбат, находившийся на восточном берегу Одера. Полком командует Бутырин. Пробыв двое суток в тылу, отдышавшись после встряски, я вернулся в полк. Догнал его уже в двадцати километрах от переправы. Шел бой за овладение городом Литинь.

После форсирования Одера минометный полк участвует в боях за ряд городов, выходит к реке Бобер, переходит ее по плотине электростанции восточнее города Мосдорф. Минувя этот город, мы вместе со Свердловской танковой бригадой устремились к крупному городу Зарау. Врываемся в город, захватываем его центр и открываем огонь двух дивизионов по аэродрому. Попад под внезапный огонь минометов и танков, гитлеровские летчики и прислуга аэродрома бежали, сбросив заправленные и готовые к вылету самолеты. Взвод танков ворвался на аэродром и захватил его. Утром мы с полковником Жуковым, придя на аэродром, насчитали 33 «юнкера», из них 12 были повреждены огнем минометов и танков, а остальные — в полной исправности. В городе и на аэродроме мы не обнаружили ни одного человека, ни военного, ни штатского, кроме нескольких семей — женщин и детей, укрывшихся в подвалах.

Но к середине дня противник, опомнясь, бросил на Зарау несколько батальонов пехоты и батальон танков с целью вернуть город и аэродром. Бригада и полк, заняв круговую оборону, встретили врага метким огнем. Аэродром обороняли дивизион Розенблюма и рота автоматчиков. Батареи вели огонь по противнику из минометов и пулеметов, а когда гитлеровцы подходили на такое близкое расстояние, что вести огонь из минометов было нельзя, минометчики встречали фашистов автоматным огнем и гранатами. Особенно тяжело пришлось батарее Чалого. Силы были неравными, но все контратаки гитлеровцев разбивались о мужество и стойкость уральцев-добровольцев. Батарея отбила шесть яростных контратак и не пропустила на аэродром ни одного гитлеровца. Нелегко было и другим батареям, танковым подразделениям и автоматчикам.

К исходу дня в город Зарау подоспели танки одной из бригад 6-го мехкорпуса. На аэродром приземлилась группа наших самолетов. Противник был настолько измотан и обескровлен, что дальнейших попыток ворваться в Зарау не предпринимал.

По радио из Москвы передана благодарность за взятие города Зарау. Названы фамилии командиров 299-го минометного полка и Свердловской бригады.

В боях под Зарау погибли начальник штаба полка майор Павлов, командир взвода управления полка старший лейтенант Зыль (мой младший брат), водитель машины сержант Коновалов и другие. В этом бою подверглось опасности и гвардейское знамя полка. Оно не попало в руки врага благодаря мужеству и отваге разведчика взвода управления полка сержанта Цыбы, награжденного за этот подвиг орденом Красного Знамени. Многие бойцы-уральцы, храбро сражавшиеся в Зарау, за эти незабываемые тяжелые бои удостоены правительственных наград.

...Свердловская бригада и наш минометный полк догнали корпус на подступах к реке Нейсе.

Под мощными ударами частей Уральского добровольческого танкового корпуса рушатся гитлеровские опорные пункты. Несмотря на бешеное сопротивление хваленых фашистских частей и соединений, с боями мы берем города Бенау, Тейплитц, Герлиц, Прокендоф, Оппельн, Ратибор, Пархау и ряд других населенных пунктов. После стремительных атак танков, артиллерийских и минометных налетов рассыпаются группировки отборных дивизий. Они бегут. Напуганное геббельсовской пропагандой, бежит вместе с разбитыми частями местное население. Куда бегут эти люди? На этот вопрос никто не может ответить толково. От немцев слышим один ответ: «Гитлер капут!» Это правда: приходит конец гитлеровскому рейху.

— Капут! Капут! — смеются наши солдаты и тут же советуют: — Поворачивайте оглобли и шагайте назад, к себе домой. Не запруживайте дороги, а то можете и под гусеницы танка угодить.

Люди слушают эти слова с недоумением. Не верят. Не верят, что есть возможность остаться в живых, но поворачивают и идут назад. Ум их начинает прозревать: «Значит, русские не звери, как утверждает пропаганда Геббельса и ему подобных».

Неистовствуют фашистские стервятники — «мессеры» и «фоки». Они обстреливают наши колонны, не считаясь с тем, что на дорогах много немцев. Обстреляют колонну, сбросят бомбы — и наутек. Так на подступах к Пархау была обстреляна колонна полка. Ранен любимец полка Сергей Иванович Бутырин — мой заместитель. До войны он был горным инженером на угольной шахте. На фронт ушел в первые дни войны, командовал взводом. В минометном полку с весны 1943 года. В боях вырос до командира артполка. С ним вместе ранен доброволец-уралец прекрасный разведчик Миша Москалев.

* * *

В один из дней, середины апреля, после форсирования реки Шпрее, корпусу была поставлена новая задача: изменить направление удара на северо-запад, в сто-ону Берлина. Минометный полк, поддерживая 29-ю Унечскую бригаду, наступает с батальоном Дозорцева. Наша задача—овладеть городом Луккенвальде. Как всегда, заместитель командира 29-й бригады подполковник Сердюк вместе с Дозорцевым. Здесь же, с ним рядом, командиры дивизионов Лапчук и Розенблум. Наступаем ночью. На шоссе начали попадаться завалы с противотанковыми и противопехотными минами. Много работы для саперного взвода бригады. Сердюк торопит. Горячая натура у этого боевого командира. К двум часам ночи прошли всего примерно восемнадцать километров. Головная рота встречена огнем автоматов и пулеметов. До окраины Луккенвальде не более одного километра. Приказываю капитану Розенблуму развернуть дивизион, командиров батарей послать в головную роту. Одна из рот Дозорцева пошла в обход по лесу и вскоре открыла огонь по флангу обороняющих шоссе.

Но вот является разведчик батареи Калашников. С ним человек из концентрационного лагеря, назвавший себя генералом не то бельгийской, не то голландской армии. Говорит, что пробирался к нам навстречу по поучению русских плененных офицеров с просьбой ускорить их освобождение. Им стало известно, что гитлеровцы решили: если русские войска придут раньше американских, то все заключенные будут расстреляны, а лагерь — сожжен. В лагере томится более 18 000 русских, поляков, французов, есть также бельгийцы и голландцы. На вопрос о составе гарнизона узник сообщил, что в лагере есть несколько танков и бронетранспортеров и до тысячи стрелков. Но с часу на час ожидается прибытие значительного подкрепления. Он указал также на карте место казарм и другие пункты, в которых располагаются войска. Сердюк на карте четко очертил место расположения лагеря.

Можно ли верить всему, что рассказал этот человек? Как бы там ни было, а медлить нельзя. Принимаем решение: дать пятиминутный налет всем минометным полком по городу, не зацепив лагерь, и тут же, ведя огонь из всех видов ручного оружия, на машинах с зажженными фарами ворваться в Луккенвальде.

Боевая задача была быстро доведена до офицеров, а они рассказали о ней бойцам. Я решил израсходовать по 15 мин на каждый миномет. Хватит.

Стремительная атака на рассвете, и город Луккенвальде был взят. Узники лагеря освобождены. Захвачены пленные и трофеи. В окнах домов вывешены куски белого материала — знак того, что население города не желает разделять участи гитлеровского гарнизона.

Сделав свое дело, минометчики устремились за танковыми бригадами корпуса, которые, минуя Луккенвальде, шли на Берлин. По пути они овладели рядом населенных пунктов, в том числе городом Келау.

На ближних подступах к Берлину полк вел бой, поддерживая батальон автоматчиков. Вот-вот Берлин! Еще одно усилие — и мы у долгожданной цели. У личного состава полка настроение боевое, приподнятое. Враг в агонии и яростно сопротивляется. Гитлеровское командование, заскребая под метлу последние людские резервы, бросает в бой все, вплоть до частей, составленных из курсантов училищ, академий, полиций и так называемого «фольксштурма». Но напрасны все эти потуги. Песенка Гитлера и его разбойничьей военной машины спета. Под ударами советских войск рушится фашистское государство.

Вместе со всеми другими наступающими на Берлин частями и соединениями танкисты, минометчики, артиллеристы нашего гвардейского корпуса громят врага, разрушают его укрепления, преодолевают каналы. А их много и они укреплены. В успешных действиях корпуса — в этой дружной боевой семье — немалую роль сыграл Пермский минометный полк.

В разгар боев под Берлином майор Николаев говорит мне:

— Посмотри-ка, кто пришел!

Оборачиваюсь... Батюшки! Бутырин! Какими судьбами? Здоров ли?

— Если здесь, значит, здоров!

— Сбежал из госпиталя?

— Признаюсь: сбежал! Не хотели добровольно отпускать.

Возвращение Сергея Ивановича было радостью для всех.

— А раны, если они не смертельны, заживают в бою быстрее, — заметил наш доктор капитан Кох.

— Хочу быть с полком. Примете? — спрашивает смеющийся майор Бутырин.

— Не ждали, что придешь сегодня. Но считай себя зачисленным на все виды довольствия, — говорю я майору.

Я думал, что так и случится: Сергей Иванович найдет свой полк. А как же могло быть иначе?

— Разрешите в дивизион? — тут же с ходу, не успев еще и прийти в себя от дружеских объятий, высказал свою

просьбу Сергей Иванович.

— Иди, иди к Розенблюму. Воюй на доброе здоровье, — отвечаю я на эту просьбу.

Для меня Сергей Иванович — больше чем боевой заместитель. Я счастлив, что судьба свела нас. Он — прекрасной души человек, товарищ в лучшем понимании этого слова. Трезвый ум, храбрость, знание своего дела, чуткость к окружающим людям — за все это уважали, любили в полку Сергея Ивановича. Он кавалер четырех орденов Красного Знамени, двух орденов Александра Невского и других правительственных наград. Я безгранично счастлив, что Сергей Иванович жив и здоров, снова в родной для него полковой семье.

...Конец апреля. Минометчики-пермяки ведут бои в Берлине, на его юго-западной окраине и вместе с 29-й бригадой овладевают Потсдамом.

В ночь с 30 апреля на 1 мая полк получил задачу: выйти из боя в Берлине, совершить марш в юго-западном направлении от Берлина для артиллерийской поддержки Челябинской танковой бригады полковника Фомичева, ведущей бой с прорывающейся на запад многочисленной оппельнско-ратиборской группировкой. К пяти часам утра полк, не дойдя до бригады Фомичева двух с половиной километров, встретил противника. Мы развернулись и вступили в бой. Обстановка была такова: встреченный огнем танков, противник обходил бригаду. Образовалась узкая горловина между бригадой и полком, куда и устремились спасавшиеся бегством части немцев. Но здесь они попадали под губительный минометный огонь.

О сложившейся обстановке доложили командиру корпуса, а тот в свою очередь — в штаб армии. К 8 часам утра на мой командный пункт прибыл сам командующий 4-й танковой армией генерал Лелюшенко. Он привел с собой самоходный артполк полковника Мусатова. С генералом прибыл полковник авиации. Ознакомившись на месте с обстановкой, командующий приказал мне по-морскому кратко:

— Так держать!

Генерал оставил на моем командном пункте группу наведения авиации, а самоходный артполк направил в обход с задачей выйти в голову прорывающейся группировки.

Не прошло и двадцати минут как над колонной отходящего противника появилась группа наших самолетов-штурмовиков Ил-2. Во взаимодействии с нашими наземными частями они начали свою работу.

Наблюдая картину боя, я думал в эти минуты: «Это вам, гады, отместка за лето 1941 года, за погибших добровольцев-уральцев, за майоров Холода и Крючкова, за брата Тиму и многих, многих других».

Бой длился весь день. Много было перебито гитлеровцев, около 70 тысяч захвачено в плен. Много взято различных трофеев, боевой техники и вооружения. Так минометчики-пермяки и все другие товарищи по оружию праздновали 1 Мая 1945 года. Хороший боевой подарок преподнесли мы Первомаю...

А дальше — был марш через перевалы Карпатских гор. С развернутыми знаменами корпус, а в его составе и наш полк, незабываемо тепло встречаемый населением Чехословакии, освобождает города и села братского народа. Как гимн победы звучит «Наздар!». На рассвете 9 мая корпус, сбив фашистскую оборону, ведет бой в Праге. Здесь и заканчивает он свой славный боевой путь.

...Конец войне! Трудно описать, какое это было торжество. Митинг... Цветы... Празднуют бойцы победу. На их лицах радость и гордость. Вместе с нами торжествует победу и население Праги. Гремит громовое русское «ура!». Оно сливается с чешским «Наздар!» и раскатистым эхом плывет над городом...

* * *

В конце мая полк вместе с частями корпуса покидает братскую Чехословакию, проходит восточную часть Австрии и останавливается в Венгрии, вблизи города Шопрон. Здесь надлежит уволить в запас солдат и сержантов старших возрастов.

Трогательна сцена прощания. Ветераны полка торжественно передают остающимся еще пока служить боевое оружие, машины. Вынесено знамя 299-го гвардейского Тернопольского минометного полка. Оно установлено перед строем полка. Его украшают боевые ордена: Суворова, Кутузова, Александра Невского, Богдана Хмельницкого и Красной Звезды. Это — награды за боевые заслуги всего дружного коллектива минометчиков-уральцев.

По очереди подходят к знамени уезжающие добровольцы. Опускаясь на колено, каждый целует полковую святыню. Я вижу коленопреклоненных Дюженкова, Гаврилова, Гофмана, Полякова, Терентьева и многих, многих других. Последние напутственные речи провожающих и отъезжающих. Грудь каждого украшена боевыми орденами и медалями.

— Счастливого пути, дорогие товарищи! — звучат со всех сторон голоса вслед уходящему поезду.

К мирному труду возвращались гвардейцы...

С. И. Бутырин - ПАМЯТНЫЙ СОРОК ПЯТЫЙ...

Сергей Иванович Бутырин родился в 1912 году в Ульяновской области. Член КПСС с 1942 года. В 1940 году окончил Свердловский горный институт и работал начальником участка на строительстве Батуринского разреза Челябинской области. В июне 1941 года был призван в действующую армию. В связи с ранением находился на лечении в Перми.

После выздоровления направлен в 299-й минометный полк и назначен командиром дивизиона, а с мая 1944 года и до конца войны — заместитель командира полка по строевой части. За подвиги в боях награжден четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Александра Невского, орденом Отечественной войны II степени и четырьмя медалями, одна из которых польская «За Одру и Нейсе».

До 1946 года служил в рядах Советской Армии, был командиром минометного полка. Затем уволился в запас и до 1949 года работал в ГДР в системе Советского акционерного общества, был главным инженером, генеральным директором угольного комбината Пфеннерхале. Возвратившись на Родину, окончил Академию угольной промышленности. Ныне он управляющий трестом Кумертаустрой в Башкирии. Недавно о» награжден орденом «Знак почета».

Через Одер

Начинался 1945 год — год завершающих побед наших доблестных Вооруженных Сил в справедливой освободительной войне советского народа против фашистской Германии. В кампанию 1944 года было осуществлено несколько известных всему миру сокрушающих ударов Советской Армии по гитлеровской военной машине, завершено окружение группировки противника в районе Будапешта. Войска 1 и 2-го Белорусских фронтов уже подошли к Варшаве, преодолены долговременные укрепления противника в Восточной Пруссии.

Войска 1-го Украинского фронта прочно укрепились на узкой полосе земли на левом берегу реки Вислы у древнего польского города Сандомира — на знаменитом Сандомирском плацдарме. Заканчивалась подготовка к новому крупному наступлению наших войск.

У Сандомира стоял и 299-й гвардейский минометный полк, входивший в состав Уральского добровольческого танкового корпуса 4-й гвардейской танковой армии, которой командовал прославленный Герой Советского Союза генерал-полковник Лелюшенко. Наш полк, прекрасно оснащенный новой боевой техникой, также готовился к большому наступлению. Как всегда перед боем, стояла какая-то необычная тишина, настороженность. Солдаты то и дело курили самокрутки, рассказывали друг другу веселые истории, вспоминали длинные фронтовые дороги. Все старались быть непринужденными. Но все ждали...

И вот — началось... Ранним утром 12 января 1945 гора войска 1-го Украинского фронта перешли в новое наступление. Здрожала земля от залпов тысяч орудий, предутреннее небо озарили стремительные огненные линии — заговорили катюши, ни на миг не умолкали минометы. В воздухе стоял такой гул, что нельзя было услышать даже слова стоявшего рядом с тобой человека. Горы земли вздымались вверх на позициях противника. Казалось, там не осталось ни одного живого клочка земли.

Так продолжалось сто двадцать минут. Вслед за артиллерийской обработкой позиций противника бросилась вперед мощная лавина танков и пехоты.

Противник сопротивлялся яростно. Но ничто уже не могло остановить наши войска. Оборона противника была прорвана. Советская Армия быстро двигалась на запад. В первые же дни было пройдено более 250 километров. Позади осталась Польша, русские солдаты пересекли границу Германии и вступили на территорию врага. Наш гвардейский полк также быстро продвигался вперед и вступил в пределы Германии.

Особенно запомнился нам торжественный момент перехода немецкой границы. Разведчики, всегда идущие впереди, по обочинам дорог ставили указатели. Однажды они увидели надпись: «До Берлина—320 км». И кто-то из наших храбрых разведчиков на этой табличке уже успел озорно написать: «Ничего... Дойдем!» Близилась победа. Это вдохновляло каждого солдата, каждого офицера. Ведь было время, когда враг стоял на берегу великой русской реки Волги. А теперь мы продвигаемся по территории Германии. В ходе наступления, почти без боев, было взято много немецких населенных пунктов, в том числе и город Трахтенберг. Впереди укрепленный оборонительный рубеж противника — река Одер.

24 января мы подошли к Одере в районе города Штейнау. Противник взорвал единственный мост через реку. Положение осложнялось. Мы напряженно искали способ форсирования этой широкой реки. В это время к нам, группе командного состава минометного полка, подъезжает командир 29-й гвардейской мотострелковой бригады гвардии полковник Ефимов. Он попросил придать ему минометный дивизион, чтобы огнем обеспечить поиск переправы в другом месте. Его цель совпадала с нашей, и мы решили обследовать берег Одера вместе.

Зима в Германии сравнительно теплая, и, несмотря на то что события происходили в конце января, река была покрыта совсем тонким льдом. О переправе техники по льду нечего было и думать.

Вечером 24 января с группой разведчиков мы проехали вдоль берега километров двадцать на юг. Никакого движе-

ния войск противника не замечалось. Стояла необычная тишина. Казалось, что на противоположном берегу все замерло. Но мы чувствовали, что эта тишина обманчива. Враг, зная, что форсировать Одер не так просто, сосредоточивал свои разбитые в предыдущих боях силы, лихорадочно готовил оборонительный рубеж.

Мы приняли решение послать на противоположный берег наших разведчиков. Смелые и решительные, как говорят, «видавшие виды», — они осторожно ступили на тонкий лед и вскоре скрылись на той стороне в темноте. Начались томительные часы ожидания. И вот разведчики вернулись, причем не одни, а «прихватили» с собой 60 человек фолькштурмовцев. Действуя дерзко и стремительно, разведчики блокировали их в мощных железобетонных дотах, построенных еще в 1937 году. В панике фолькштурмовцы не успели сделать ни одного выстрела.

Что представляли собой эти «доблестные воины» немецкого рейха? Это были престарелые инвалиды и безусые юнцы. Они стояли перед нами с потупленными глазами, ссутулившиеся, жалкие. Первыми их словами были: «Гитлер капут». Они считали, что до линии фронта по крайней мере километров двести и совсем не ожидали внезапного появления советских солдат в этот день. Тем не менее, сказали они, немецкие войска напряженно готовятся к обороне Одера.

Сведения, полученные от пленных, а также разведка левого берега помогли в уяснении обстановки, в принятии решения. Нельзя было медлить. Нужно было быстрее форсировать Одер, занять на западном берегу плацдарм, сосредоточить на плацдарме живую силу и технику и начать новое наступление.

Выполняя поставленную задачу, первый минометный дивизион под командованием гвардии майора Лапчука вместе с мотострелковым батальоном ночью 24 января начал переправу прямо по льду. Однако тонкий лед не выдерживал тяжести минометов. И тут помогла солдатская смекалка.

Недалеко от выбранного для переправы места стояло несколько деревянных строений. Солдаты быстро их разобрали, уложили разобранные доски на лед и по этому настилу начали переправлять минометы. Переправа была очень рискованной, опасной. Однако ничто не могло остановить наших воинов. Отвага и смекалка взяли верх.

При появлении наших солдат на западном берегу Одера у немцев началась паника. Они ожесточенно оборонялись. Но солдаты минометного дивизиона успели захватить несколько дотов, организовали круговую оборону и прочно удерживали занятый плацдарм. На следующую ночь успешными действиями саперов была сооружена переправа. Правда, днем немецкая авиация разбомбила переправу. Наши подразделения на западном берегу Одера оказались отрезанными от своих главных сил и тылов. А немцы подтягивали все новые и новые подкрепления. Началась неравная напряженная борьба, борьба не на жизнь, а на смерть. Наших войск на захваченном плацдарме первоначально было не более 600 человек. Силы противника значительно превосходили наши. И все же мы победили!

О боях на этом плацдарме вспоминается такой случай. Группа наших солдат захватила двухэтажный дом, Немцы окружили смельчаков. Гитлеровцам удалось занять первый этаж здания. Положение было критическим. Мы знали, что наши воины ведут неравную борьбу. Однако ничем помочь им не могли, так как сами вели ожесточенный бой. Борьба между первым и вторым этажами была длительной и тяжелой. Но все же победили советские воины.

Зная, что переправы через Одер нет и поэтому подразделения советских частей на левом берегу не могут пока что получить помощь, немцы вводили в действие все новые и новые силы. Вражеские атаки следовали одна за другой. В течение двух дней не расставались с автоматами ни офицеры, ни бойцы, ни штабные работники. Все силы были брошены на отражение атак противника.

На второй день, 26 января, немцы еще более усилили атаки. Они предприняли отчаянную попытку, чтобы сбросить нас с левого берега. Наведенная ночью легкая переправа была разбита. Фашистские самолеты шли волна за волной и продолжали бомбить. Взрывы сливались в сплошной рев. Накануне захваченный нами плацдарм весь был перепаван воронками, падали обугленные деревья, снег перемешался с землей.

В полдень 26 января гитлеровцы, подтянув резервы, возобновили атаку. Но ничто не смогло сломить упорства уральских гвардейцев. Наши бойцы выдержали. Смелость и отвагу советские воины сочетали с большой сноровкой, находчивостью, изобретательностью. Все — от рядового до старшего офицера — стремились найти наиболее эффективные способы применения оружия. Наблюдательные пункты минометчиков находились в непосредственной близости с огневыми позициями. Командир минометного расчета первой батареи гвардии сержант Пьянков вел непрерывный огонь. Ствол его миномета нагревался докрасна. Санинструктор первого дивизиона гвардии старшина Сенин и гвардии лейтенант медслужбы Левин под непрерывной бомбежкой эвакуировали на правый берег раненых, а на левый доставляли мины прямо на огневую позицию.

Особенно нам мешал один бронетранспортер противника, укрывшийся за каменной стеной разрушенного здания. Этот бронетранспортер, заняв выгодную позицию, с самого утра вел по нам непрерывный огонь из спаренного крупнокалиберного пулемета. Попытка уничтожить его минометным огнем не удалась. Тогда два лучших разведчика нашего полка гвардии старшина Чирков и гвардии ефрейтор Москалев вызвались уничтожить бронетранспортер. В масках, умело используя складки местности, они подползли к бронетранспортеру и уничтожили его фаустпатронами, которых было более чем достаточно в захваченных нами дотах.

Этот геройский подвиг отважных разведчиков сам собой послужил сигналом к контратаке. С возгласом «За Родину!» в едином порыве поднялись наши минометчики и бойцы мотострелкового батальона. Разнеслось окрест грозное русское «ура». Противник не ожидал такого ошеломляющего натиска и в панике начал отступать. Эта контратака

перешла в наступление, в результате чего много гитлеровцев было взято в плен, в том числе рота «гитлерюгенд», которая прибыла на фронт только накануне из города Штейнау, не успев завершить курсов кратковременной военной подготовки. Вид их был жалок. Юнцы дрожали от страха.

Отдельно от «гитлерюгенда» держались офицеры из разрозненных и разбитых ранее частей «СС». На заданный вопрос — почему они, имея численное превосходство, сдались в плен, — один из немецких офицеров ответил: на второй день боев на плацдарме они установили, что имеют дело с дивизией «Шварцмессер» («Черный нож»), поэтому и решили сдаться при удобном случае в плен. Он охотно рассказал, что многие немецкие офицеры хорошо знают советскую танковую дивизию «Шварцмессер» по боям на Орловско-Курской дуге и за город Львов, где он лично со своей частью еле успел избежать окружения.

Здесь необходимо вспомнить одну деталь из истории нашего Уральского добровольческого танкового корпуса. После окончания формирования корпуса, перед отправкой на фронт, трудящиеся города Златоуста специально изготовили и подарили всему личному составу небольшие кинжалы в черных ножнах. Эти финки стали как бы эмблемой уральских добровольцев. Пристегнутые к ремню с левой стороны, они придавали нашим гвардейцам особую молодцеватость. Но эти ножи являлись не только украшением, а в одном из боев были пущены в дело. Было это в июле 1943 года. Уральский добровольческий корпус вел ожесточенные бои с танками Гудериана на Орловско-Курской дуге.

В одном из боев небольшое подразделение уральских добровольцев оказалось полностью отрезанным от своих частей. Заняв круговую оборону, уральцы, имея при себе только ручное оружие, почти сутки вели тяжелый и непрерывный бой. Но вот кончились боеприпасы. Оценив обстановку, немцы решили взять наших бойцов живыми. И в тот момент, когда гитлеровцы подошли вплотную, из траншей внезапно выскочили русские солдаты с поднятыми вверх руками. Ошеломленные гитлеровцы не успели заметить, как у каждого русского солдата в руке блеснул нож, и в одно мгновение с фашистами было покончено. Так, после этого случая немцы прозвали уральских добровольцев дивизией «Шварцмессер».

Во всех последующих боях гвардейский Уральский добровольческий танковый корпус в составе 4-й гвардейской танковой армии всегда был на самых ответственных направлениях и превратился в грозную силу для немцев. В боях и походах росли и крепили мужество и стойкость добровольцев. Каждый солдат проявлял высокое сознание долга перед Родиной, величайшее самопожертвование, отличное воинское мастерство.

Большую роль в воспитании высокого боевого духа сыграли партийные и комсомольские организации, коммунисты и комсомольцы. Они вдохновляли воинов на подвиги, разжигали ненависть к врагу. Коммунисты и комсомольцы всегда были на самых трудных участках. В боях за форсирование Одера и захват плацдарма особенно отличились командиры первого дивизиона гвардии майор Лапчук, командир первой батареи гвардии старший лейтенант Чугурин, командир взвода управления полка гвардии старший лейтенант Калашников, командир второго дивизиона гвардии старший лейтенант Розенблюм, парторг полка гвардии лейтенант Гаврилов, заместитель командира полка по политчасти гвардии майор Николаев, командир минометного расчета гвардии сержант Пьянков, отважные разведчики полка гвардии старшина Чирков, гвардии ефрейтор Москалев, гвардии лейтенант медицинской службы Левин, санинструктор гвардии старшина Сенин и многие, многие другие. Все они были за эту операцию отмечены высокими правительственными наградами.

На Прагу!

Никто не забыт и
ничто не забыто.

Почти 20 лет прошло, как завершилась величайшая из всех войн, какие когда-либо знала история человечества. Мир никогда не знал таких тяжелых испытаний, какие выпали на долю советского народа.

Все это осталось позади — и пронизывающий мозг и сердце вой самолета, скользнувшего в пике, и нестерпимый стон земли под ударами авиабомб, и яростный огонь зенитных установок, и вздыбленная земля, и кровь, и смерть.

Годы текут... Зарубцевались солдатские раны, ушли в прошлое страдания. Но никогда не сотрутся в памяти людской мужество и воинская отвага, терпение и мудрость советских солдат — являющих собой честь нашей армии и волю нашего народа.

* * *

Шел конец апреля 1945 года. 10-й Уральский добровольческий танковый корпус в составе 1-го Украинского фронта с юга штурмовал Берлин.

Уже взят был Потсдам, форсирован важный водный рубеж — Тельтов-канал. У каждого участника этих завершающих боев в мыслях и на устах было одно: горячее стремление быстрее водрузить знамя победы над рейхстагом. Воодушевленные этой исторической миссией, советские воины, презирая опасность и не щадя своей жизни, неудержимо двигались к логову фашистского-зверя — центру Берлина.

Неожиданно для нас был получен приказ: корпусу выйти из боя и совершить форсированный марш в Чехословакию с задачей освободить от фашистов столицу братской страны — Прагу.

Дело в том, что в Чехословакии оставалась крупная группировка фашистских войск, которая уклонялась от капитуляции. Нужно было быстрее разгромить последнюю группировку войск врага. Учитывая сложившуюся военно-полити-

ческую обстановку, Советское Главнокомандование и предприняло наступательную операцию нескольких фронтов. Главный удар по врагу наносили войска 1-го Украинского фронта, в частности его 4-я танковая армия, в состав которой и входил наш танковый корпус.

Войска двигались без отдыха. Солдаты и офицеры были на пределе человеческих сил, страшно устали, осунулись, побледили.

Гитлеровские войска, разрезанные на части, все еще сопротивлялись, судорожно цепляясь за каждую складку местности, оказывали яростное сопротивление. Но уже заметно было, что они подавлены и деморализованы. Целыми батальонами сдавались в плен. Так, например, в районе города Питтенберг трое наших разведчиков во главе с сержантом Москалевым, проявив дерзкую смелость, пленили целый батальон немцев.

Корпус форсировал Эльбу у города Торгау, с боями перерезал автостраду Дрезден — Лейпциг. Обстановка накалялась. Все труднее становилось идущим впереди танкистам-разведчикам. За городом Фрейберг началась резко пересеченная местность. На узких лесных дорогах встретились завалы, засады немцев. Где было возможно, разведчики обходили противника, а часто вступали в бои, пробивая путь главным силам. В результате коротких, жестоких и быстрых боев в районе городов Циньвальдс и Альтенберг наши части вышли к границе Чехословакии.

Велик был порыв. На коротких остановках наши офицеры, неимоверно уставшие, с воспаленными от бессонницы глазами, собирались группами у карт: уже рядом населенные пункты со славянскими названиями — Дуби, Бьеганки, Бистрице. На лицах каждого из нас чувство радости, нетерпения. Но... разведка доносит: впереди все мосты взорваны, дальше двигаться нельзя. И как раз в этот момент мы услышали по радио голос Праги:

— Внимание! Внимание! Говорит Прага! Говорит

Прага! Слушай, слушай, Красная Армия! В Праге — восстание, в городе на баррикадах идут бои. У нас мало оружия, нет боеприпасов. Немцы разрушают город, убивают чехов. Спешите, братья! Мы ждем вашей помощи, ваших танков и самолетов!

— Русские братья, помогите Праге!

...Давно это было. Но до сих пор невозможно без глубокого волнения вспомнить этот призыв о помощи, о спасении, обращенный к советским воинам!

Сразу же посуровевшие лица, стиснутые зубы и загоревшиеся злобой к врагу глаза наших воинов красноречивее всяких слов выражали готовность выполнить любой приказ, преодолеть любые трудности, лишь бы быстрее оказать помощь братьям-чехословакам.

Выход был только один: на танках двигаться через Судетские горы. Что это значит — оценить может только тот, кто был участником этого беспримерного по трудности похода. Многие из нас вспомнили непревзойденный по своему мужеству суворовский переход через Альпы. И вот теперь наследники суворовских чудо-богатырей штурмуют горные выси Судет. Нашим танкистам предстояло, двигаясь через горный хребет, 9 мая выйти к Праге и овладеть ею.

Сейчас трудно представить себе те неимоверные трудности и опасности, с какими встретились и которые блестяще преодолели наши гвардейцы-танкисты. Ценою гибели одиночных танков, срывавшихся в пропасти, танковая колонна пробивала путь через горы и спешила вперед, на помощь Праге.

8 мая наши части вступили на чехословацкую землю. На большой скорости, без отдыха наши машины шли вперед. В населенных пунктах, вдоль дорог, тысячами встречали нас чехословаки. Женщины с детьми на руках. Люди, не скрывая слез радости, бросали на танки и автомашины цветы, сердечными возгласами встречали своих освободителей — советских воинов.

А в самой Праге восставшие чехословацкие патриоты истекали кровью в последней смертной схватке с озверевшими фашистскими войсками.

На марше рано утром 9 мая мы услышали по радио долгожданную, радостную для всех нас весть из Москвы: накануне, 8 мая, представителями немецкого главнокомандования в Берлине подписан акт о безоговорочной капитуляции гитлеровской армии.

Войне конец! Настал великий День Победы! Невозможно передать словами охватившее нас чувство восторга, гордости, радости! Все солдаты и офицеры были необыкновенно взволнованы и возбуждены известием о победе нашей славной армии, нашего народа.

Но перед нами стояла еще задача — освободить Прагу, где озверевшие эсэсовцы уничтожали людей, разрушали город, где еще продолжалась неравная борьба чешских патриотов с эсэсовскими частями гитлеровской армии. До Праги — 60 километров. Впереди для нас бой. Наш головной отряд в составе танкового батальона с приданными ему подразделениями минометчиков и истребительной противотанковой артиллерии двинулся к Праге.

Танковый батальон 62-й гвардейской танковой бригады и 1-й минометный дивизион нашего 299-го гвардейского минометного полка под командованием гвардии майора Лапчука вырвались далеко вперед от головного отряда. Будучи в разведке на машине с несколькими разведчиками минометного полка, мы неожиданно обнаружили немцев. Как позже установили, это были батальон с бронетранспортерами и колонна автомашин. Немцы открыли огонь. У нас была возможность оторваться от противника, но мысль эта никому и в голову не пришла. Быстро спешившись и заняв оборону, мы завязали бой. Поняв в ходе перестрелки, что перед нашей горсткой не менее батальона и, конечно, ни на что хорошее нам рассчитывать не приходится, решили пойти на дерзость: воспользовавшись неожиданностью для

немцев, которые еще, как видно, не разобрались, с какими силами они имеют дело, мы вызвали немецкое командование... на переговоры.

От немцев прибыл сам командир батальона. С помощью переводчика лучшего нашего разведчика кавалера трех орденов Славы гвардии сержанта Москалева я предложил немецкому майору сложить оружие и сдаться батальону нам в плен. От удивления у немца округлились глаза и брови полезли на лоб: он увидел нашу единственную машину, стоявшую в кустарнике, и невольно, как бы не веря своим глазам, обернулся и глянул на свою огромную колонну. О капитуляции немецких войск, о конце войны он не желал ничего слышать.

Неожиданно над нами вдоль шоссе пронесся наш самолет связи. Видимо, с целью уточнения обстановки, он пошел на второй заход и настолько снизился, что было отчетливо видно лицо летчика. Сделав несколько жестов пилоткой нашему летчику, я через переводчика сказал немецкому майору, что условным сигналом вызвал бомбардировщиков, затем подчеркнул еще раз, что сегодня ночью немецкая армия капитулировала. Немец задумался, потом снял с ремня пистолет, протянул его мне и через связных передал батальону приказ о сдаче в плен.

Небольшая хитрость и случайное появление нашего самолета привели к курьезу: горстка разведчиков взяла в плен батальон немцев, численностью более 500 человек.

На рассвете 9 мая к Праге подошли наши главные силы. С ходу ворвавшись в город, наши танкисты, минометчики и противотанковая артиллерия вступили в бой. Наступление было настолько стремительным, что к исходу дня город полностью был очищен от гитлеровцев.

Освобожденные от шестилетнего фашистского ига жители Праги восторженно и тепло встречали своих освободителей. На улицах и площадях не умолкал тысячеустый клич: «Наздар!», «Ать жие руда армаде!»

В день штурма Праги, в боях за свободу и независимость чехословацкого народа гвардейцы потеряли многих своих товарищей. Так, героически погиб механик-водитель танка гвардии сержант Черников. На последнем рубеже сопротивления, в одном из домов засели эсэсовцы с фаустпатронами и поджигали наши танки. В танк Черникова ударил фаустпатрон, танк загорелся. На глазах других танкистов пылающий танк Черникова рванулся на тротуар и десятками тонн своей тяжести ударил в стену дома, в котором засели последние смертники немецкой дивизии «Мертвая голова». Раздался взрыв. В воздух полетели клочья гитлеровцев, остатки взорванного дома. Так погиб русский воин Иван Черников, уничтоживший последний очаг сопротивления фашистов. Этот взрыв и послужил сигналом к решающему яростному штурму города.

В тот же день, 9 мая, вечером состоялся митинг солдат и офицеров нашего 299-го гвардейского минометного полка. Митинг был посвящен Дню Победы.

Теплый весенний ветер тихо колыхал полковое знамя, во многих местах пробитое осколками снарядов. К нему были прикреплены все боевые ордена, которыми награжден полк: Суворова, Кутузова, Александра Невского, Богдана Хмельницкого и Красной Звезды.

Каждый из нас был взволнован, мы искренне, по-солдатски радовались добытой в боях и походах нелегкой победе. Грудь многих и многих гвардейцев украшена боевыми орденами и медалями. Глядя на мужественные лица гвардейцев, невольно хотелось каждого из них обнять и сказать большое спасибо за их тяжкий солдатский труд, за их великую доблесть, благодаря которой разгромлена фашистская армия и установлен мир на земле.

Вот они, заслуженные участники боев за освобождение Праги: командир полка Герой Советского Союза гвардии подполковник В. К. Зыль, заместитель командира полка по политчасти гвардии майор Н. В. Николаев, командир 1-го дивизиона гвардии майор В. К. Лапчук, командир 2-й батареи гвардии старший лейтенант Чугу-рин, командир 2-го дивизиона гвардии старший лейтенант Розенблюм, командир взвода разведки гвардии старший лейтенант Калашников, прославленные разведчики: гвардии старший сержант Канашин, гвардии сержант Пьянков, гвардии старшина Чирков, гвардии ефрейтор Москалев и многие другие.

Среди присутствовавших на митинге не доставало многих наших солдат и офицеров, павших смертью храбрых. Таких, как гвардии капитан Холод, гвардии старший лейтенант Яхнес, гвардии лейтенант медицинской службы Левин. Среди нас не оказалось и начальника штаба полка гвардии майора Крючкова, имя которого, наряду с другими героями, занесено на памятник вечной славы на площади у рейхстага. Многих и многих других не было среди нас.

На митинге с горячими, взволнованными речами выступили командир полка Герой Советского Союза гвардии подполковник Зыль, его заместитель по политчасти гвардии майор Николаев, парторг полка гвардии старший лейтенант Гаврилов и другие. Они говорили о мужестве и отваге советских воинов, о их беспредельной любви и преданности родной партии, о вечной и светлой памяти героев, сражавшихся и павших за счастье и свободу Советской Родины, за счастье всех людей.

По окончании митинга было приказано занять оборону на южной окраине Праги, так как большая группа фашистов отказалась сложить оружие и продолжала оказывать сопротивление. В течение двух суток эта группа была уничтожена нашей бомбардировочной авиацией и дальнобойной артиллерией.

29 июня 1945 года со всех сторон Праги горожане устремились к центру города, на площадь Ростислава Штефаника. Сотни красно-сине-белых стягов раскинулись по плацу, реяли на крышах домов, спускались с подоконников. Рядом с национальными стягами чехи высоко подняли красные флаги Советского Союза. В центре площади возвышается огромных размеров монумент, закрытый пока красным шелком.

Перед трибуной выстраиваются шеренги почетных караулов. Слева — офицерский караул Советской Армии, справа — воины чехословацкой армии. Площадь затихла, слушает. Выступает командующий 4-й гвардейской танковой армией дважды Герой Советского Союза генерал Лелюшенко.

— Сегодня мы открываем памятник героям-танкистам, павшим в боях за освобождение Праги, за свободу и независимость нашей Родины, — говорит генерал.

С волнением слушает народ проникновенные слова: «Спите спокойно, герои! Мы клянемся твердо стоять на страже завоеванного мира!»

Танкисты, стоящие по углам пьедестала, медленно стягивают с монумента красный шелк. Восторженный гул пронесся по площади: взорам людей открылся мощный советский танк. На высоком пьедестале высечена надпись на чешском и русском языках:

«Вечная слава героям,
павшим в боях
за свободу и независимость
нашей Великой Советской Родины.
9 мая 1945 года»

Закончилось торжественное открытие памятника. Но жители Праги все подносят и кладут цветы. И вскоре у подножия памятника вырастает гора живых цветов...

А. Д. Дюженков - РЕЙД В ТЫЛ ВРАГА

Анатолий Дмитриевич Дюженков родился в 1910 году в Чите. Член КПСС с 1930 года. До войны жил в Подмоскowie. В связи с эвакуацией прибыл в Пермь и работал на заводе имени В. И. Ленина начальником отделения цеха. В марте 1943 года ушел добровольно в ряды Советской Армии и служил в 299-м минометном полку до конца войны. Командовал расчетом и одновременно был парторгом батареи. С апреля 1945 года — парторгом дивизиона. Сержант А. Д. Дюженков награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени и четырьмя медалями. В настоящее время он — директор одного из машиностроительных заводов Московского областного совнархоза.

(Из фронтовых записок)

Задача излагалась просто: перейти линию фронта и в тылу противника взять крупный коммуникационный узел и базу снабжения фашистских армий — старинный русский город Каменец-Подольск.

Выполняя этот приказ, в узкую полосу прорыва двинулись части Уральского добровольческого танкового корпуса. С боями, в стремительном марше мы уходили все дальше и дальше. Длинная вереница огней плывет в темной ночи. Шуршат по снегу колеса машин, а впереди, слева и справа

— противник. По только что пройденным нами дорогам сзади двигаются немецкие части. 1-й Украинский фронт где-то далеко на востоке.

В прозрачном, чистом воздухе открылся широкий горизонт. В лучах солнца веет теплом. Тает снег. Буйными, взмыленными пеной ручьями, потоками мутной воды идет весна.

В населенных пунктах встречают ласковой улыбкой девушки. На душе радостно. Осталась позади станция Гусятин, забитая воинскими эшелонами. На платформах танки, автомашины, продовольствие — все бросил противник, не выдержав натиска.

Впереди 63-я Челябинская танковая бригада.

Ветер бьет в лицо. В руках бойцов винтовки. На кабинах машин пулеметы. Пулеметчики готовы в любую минуту открыть огонь. Близится вечер. Легли длинные тени. Стемнело. Командир дивизиона капитан Бутырин, мигая карманым фонариком, сверяет маршрут.

— От Гусятина далеко ушли, — говорит парторг Быховец. — Пожалуй, скоро Каменец-Подольск.

Нет немцев, как в воду канули. Потеряли нас в оперативной глубине за линией фронта. Мелкие гарнизоны бегут при встрече, а крупные силы скованы у Проскурова, Винницы, Умани. Докатилась война до исходных рубежей сорок первого года.

Долго нас ждали здесь в оккупации советские люди. Тайно среди населения передавались слухи, что далеко-далеко на востоке идут сильные бои. Натерпелись, настрадались, познали гитлеровский «новый порядок». Фашистские солдаты чувствовали себя хозяевами: заходили в любой дом, били кур, гусей, резали свиней, коров. Жадно, как саранча, все пожирали и уходили дальше. На смену появлялись новые, требовали «курку», «яйку». Оставляли висели-

цы, жгли дома, убивали мирных жителей. Люди спрашивали: «Но где же Красная Армия?»

И вот сегодня 25 марта 1944 года они, наконец, увидели нас.

Колонна спешит. Лязгают гусеницы, гудят моторы. Промелькнул поселок Казаки. Из кабины голос: «Предместье Каменец-Подольска». Наводчик миномета сержант Колчаков отвечает:

— Без салюта встречают, не ждут, сукины дети.

А в это время, как стало известно позднее, в доме бухгалтера спиртоводочного завода немецкий капитан праздновал свои именины. Между офицерами шел разговор о том, что в районе Проскурова, Умани и Шепетовки русские прорвали линию обороны. Но по грязи и бездорожью здесь им скоро не быть. Сегодня закончены укрепления северовосточной стороны города. За именинника и неприступные рубежи гарнизона офицеры подняли бокалы. Изрядное количество выпитого вина развязало язык.

— Нас пять тысяч, — говорил именинник, — ждем подкрепления. Посмотрим еще, кто пожнет плоды русского наступления. С нами великая Германия Гитлера.

В комнату вошел запоздалый гость и сообщил: по шоссе от Гусятина к городу движется большая колонна танков и автомашин. Раздались возгласы: «Идет помощь!» Бокалы наполнились вином. Хозяин торжества предложил тост за фюрера, за подкрепление.

Спустя часа полтора в комнату не вошел, а влетел офицер связи. Лицо его выражало растерянность и страх. Он, запинаясь, доложил: «Танки, идущие от Гусятина, развернулись в боевой порядок. С западной стороны города подошли русские».

Он не закончил еще доклад, как за окном вспыхнуло зарево. Гул разрывов покатился над городом.

Колчанов ошибся, когда сказал, что «не ждут, сукины дети». Минутой позже раздался оглушительный взрыв. Колонна остановилась. Машины подались назад. В местечке Земковцы загрели выстрелы. В четыре часа ночи, ошеломленный неожиданным появлением корпуса, враг отходил к реке Смотрич. С противоположных сторон в город вошли танки. Десант автоматчиков рассеялся в улицах. Огненные столбы поднялись высоко вверх. Яркие белые вспышки пронизывают темноту. Огромным костром бушует пламя. Далекий горизонт всплыл рощами лесов. Красное зарево гаснет. Ему на смену в другой части города вспыхивает яркий огонь. От домов идут длинные тени. Они, как живые, бегут в разные стороны.

По улицам движутся немецкие колонны автомашин. Кольцо сжимается. Встречные колонны останавливаются. На них, как град, падают мины. Бутырин каждые два часа меняет наблюдательный пункт. Когда не работает связь, он сердится. Связист Евстафьев ищет порыв. На него со стены сыплется штукатурка, осколки кирпича падают на голову. Вдоль мостовой с чердака бьет пулемет. Но Евстафьев идет, находит в глубокой воронке конец провода, восстанавливает связь.

Противник часто переходит в контратаки, но каждый раз откатывается с потерями. К трем часам дня он отошел к реке. На левом фланге удерживает Турецкую крепость и каменный мост.

Здесь, на дороге в город, сосредоточился центр боя. Бойницы крепости сверкают непрерывными огнями пулеметных очередей. Пехота залегла и не может двинуться. От наблюдательного пункта до города за рекой четыреста метров. В узкий проход на берегу, минуя стену отвесной скалы, падают мины. Под откос в реку летит разбитая техника. Задние машины теснят передние. Выход из города немцам закрыт.

За рекой к набережной в три ряда двигается неприятельская колонна. «Идут на прорыв через мост», — говорит Бутырин и дает команду перенести огонь. Рвутся мины. Колонна машин остановилась. Пелена дыма затянула улицу, ползет по стенам домов. Колонна горит.

В семнадцать часов командующий артиллерией корпуса передал по телефону капитану Сергею Ивановичу Бутырину:

— Выбей немцев из Турецкой крепости. Открой дорогу в город. Справишься — будешь Каменец-Подольским дивизионом.

На огневых вспыхнули частые винтовочные выстрелы, трассируют снаряды зенитчиков. Вражеский самолет круто развернулся на окопы, но не дотянул: летят обломки, оторвалось хвостовое оперение. Самолет упал. Черный столб дыма поднялся высоко вверх.

Капитан передал приказание: «Собрать штурмовую группу прорыва из желающих».

— Переправа необходима танкам, пехоте, — разъясняют солдатам парторги батарей. — Топтаться на месте — опаснее штурма. Идти в обход — открыть дорогу. Городом должны владеть мы.

Бужин слушает, а сам думает: «Как пройти?» Но решается и говорит: «Я желаю». «Я тоже», — заявляет Гораев. Охотников набралось много. Младший лейтенант Калашников отобрал десять человек, среди них: разведчики Беляев, Шалагинов, комсорг Усвятцев, связист Корж, радист Качайкин, солдаты Удовихин, Пьянков.

Группа скрытно подошла к мосту. По-пластунски преодолела открытое место. Немцы заметили. Открыли ураганный огонь. Калашников дал команду: «Разделиться на две группы. Одной подходить справа, другой — слева». Прикрываясь камнями, бойцы вышли на исходный рубеж. Немцы разгадали замысел и перенесли огонь на мост. Тогда Калашников приказал не трогаться с места, а сам уполз обратно. На наблюдательном пункте он договорился с Бутыриным о помощи. Они сверили часы. Возвращаясь, Калашников подвел к переправе танк. «Вот там пулеметные гнезда, а левее

пушка», — показал он танкисту.

Танкист вернулся к машине, а Калашников пробрался к мосту. По цепи передали: «Идем с первым разрывом вперед». Стрелки часов показали 19.00. На набережную упали мины. Огонь танка выбил пулеметные гнезда. Умолкла за переправой пушка.

Под свистом осколков своих мин Бузин разминировал узкий проход. Следом за ним Калашников провел группу. Из окна дома застрочил пулемет. Бузин бросил гранату. Пулемет умолк. Немцы торопливо отстреливались и уходили. Штурмовиков обогнали первые танки. Пехота с набережной ринулась в улицу. Бой приблизился к железнодорожной станции. У спирто-водочного завода, недалеко от брошенных немцами орудий, саперы наводили переправу. В крепости шел рукопашный бой.

С колокольни Калашников передал на батарею: — От церкви третий квартал — «тигр». Справа церкви, пятьдесят метров вперед, пулемет. Проходы к нам пристреляны.

Из груды балок мелькнула вспышка, угасла и вспыхнула вновь, часто замигала и погасла. «Жаль, нет снайперской винтовки», — подумал Калашников, но в это время раздался взрыв гранаты. Балки развалились. Около «тигра» упала мина. Он развернулся, и в сторону купола стал медленно подниматься ствол его орудия. Выстрел. Снаряд пробил стену. Осколки ударили в колокол. Белая пыль штукатурки закрыла проемы.

Калашников передает:

— Нас обстреливает «тигр», наблюдение продолжаем.

В районе двух церквей немцы цепляются за каждый метр земли, оставляя на мостовых убитых. К утру были подавлены последние очаги сопротивления у водонапорной башни.

Сквозь узкие проходы улиц, забитых брошенными машинами, продвигаются части корпуса. Полк остановился на отдых. В квартире железнодорожника разместились батарея.

Спят крепким сном утомленные боем солдаты. Те, что пришли позднее, втиснулись в груды тел и тоже храпят. И еще подошли бойцы, их встречает хозяйка. Принесла большую чашу капусты. «Кушайте, — угощает она, — тяжело вам без сна, без отдыха».

— Сегодня выспимся, мать, — отвечает ей солдат и наливает в стакан кем-то поставленное трофейное вино. Пьет и тут же за столом засыпает.

Тускло освещает стены керосиновая лампа. Серая масса шинелей на полу дышит...

Исполняющий обязанности командира полка майор Николаев и капитан Бутырин подвели итоги боевого дня: уничтожено более роты пехоты, 16 пулеметных точек, две противотанковые пушки, одна минометная батарея и до ста автомашин противника.

...Командир взвода управления старший сержант Стрекалов проснулся от протяжного дребезжания зуммера телефона. Дежурный телефонист сообщил: «Вас вызывают на батарею».

Стрекалов встал. С высокой церковной колокольни как на ладони был виден весь город: вдоль улиц замерли колонны. В одном месте они остановились навстречу друг другу, в другом пересеклись крестом, у церкви машины развернулись к обратному движению. Далеко на окраине брошены тяжелые орудия, штабеля боеприпасов. На станции — продовольственные склады, груженные эшелоны. От города во все стороны тянутся шоссе с влипшими в них зеленой плесенью защитной окраски немецкими машинами.

«Хорошо поработали, а вчера нельзя было увидеть этого разгрома», — подумал Стрекалов и спустился по ступенькам вниз.

Мимо прошел танк. Водитель часто разворачивает его. Это, как видно, ему надоело и он повел машину прямо. Гусеницами он разворотил четырехместный немецкий «оппель». В стороны из кузова выпали банки консервов, лужей разлилось повидло, куски сала, примятые железом, вспучились пузырем. У легковой машины Стрекалов остановился. На руле, опустив голову на руки, лежал шофер, сзади на сиденье свалился на бок офицер. Рядом в канаве, уткнувшись лицом в землю, лежал солдат. Кругом все было опалено огнем, разбито снарядами, изуродовано минами.

Так, читая на каждом шагу напряженные часы вчерашнего боя, он вышел к батарее. Там шло партийное собрание.

— Разведка доносит, — говорил парторг, — что противник держится на подступах к городу. Он обязательно попытается вернуться. Здесь гитлеровцы оставили много танков, артиллерии, до пяти тысяч автомашин, триста мотоциклов, двенадцать крупных фронтовых складов с продовольствием и снаряжением и много другого, еще не учтенного воинского имущества. Нужно закрепить победу. До подхода войск фронта будет нам тяжело, но стоять надо насмерть. Мы не одни. Уже работает городской Совет. Несется по городу клич: «Все на защиту города!» Рабочие, интеллигенция, крестьяне, живущие в предместьях, организуют отряды самообороны. Смотрите, — и парторг показал в сторону. По улице шла большая группа пленных под охраной жителей города.

— Сегодня, — продолжал парторг, — Верховное Главное командование отметило приказом доблесть и мужество добровольческого корпуса. Ответим на благодарность по-гвардейски: «Битым немцам дорога на Каменец — дорога смерти».

Слово попросил сержант Мацута.

— Для обороны северо-восточной окраины города, района лесопильного завода, — сказал он, — мы используем немецкие окопы. Пулеметы смотрят на дороги, приготовлены противотанковые мины, стоят наготове бутылки с горю-

чей смесью. Бойцы изучают фаустпатрон. У минометов оставлено по два-три человека. Впереди цепи залегли снайперы. На танкоопасных местах — истребители танков. Настроение бодрое. Бойцы в любую минуту готовы встретить врага.

Собрание закончилось кратким решением: оборону держать прочно, сделать ее неприступной.

Утро прошло спокойно. Далеко от траншей останавливаются мелкие подразделения противника. Солдаты долго смотрят на город, поворачиваются и уходят. По дорогам движутся колонны. Вьющаяся лента машин огибает окраину и скрывается из виду.

День тянется медленно и кажется нестерпимо долгим. Из склада принесли сыр, консервы, колбасу.

— Приступай к обеду, — объявляет Бормотов. — Кто желает масла — распаковывай тюк. Вино из корзины по норме. Тоже на выбор, ассортимент всех погребов мира. Старшина просил передать, что если не будем брать обед, кухню закроет, как бездействующее предприятие.

— Передай старшине, — шутят бойцы, — что сыты по горло. Едим не хлеб с маслом, а масло с хлебом. К чаю — повидло, вместо сухарей кушаем.

Дежурный ушел на огневые. Встретил старшину и сообщил: «Ужин не нужен».

Подошла машина. Кукшев из открытого окна кабины крикнул: «Привет от трудящихся Урала», — и помахал конвертом.

— Передай парторгу, — обратился он к Бормотову, — на немецкой технике доставил. Чемоданы с бельем и платьями ребятишкам отдал, а машина еще нам послужит.

Бормотов взял письмо и обратился к Раплеву:

— Эта пища, товарищ старшина, безусловно, всем приятна будет.

Кукшев рассказывал: в городе наладили радио, у репродукторов — толпы народа. Слушают сводку информбюро. Впервые слушают.

Наступил вечер. Темная ночь спрятала окопы. Как вора, не смыкая глаз, добровольцы караулят врага. Только на рассвете командир разрешил поочередный отдых.

Бутырин с командирами батарей Чугуриным, Можаровым и Моцным вышел на рекогносцировку местности в районе птицеводческого совхоза и деревни Раивки. Остановились они на пересечении шоссе с железной дорогой у поселка Гумелецкий.

Вскоре вдаль послышался гул танков, на дороге показались мотоциклисты. «Идем назад, — сказал Бутырин, — нужно ожидать скоро гостей».

Ждать пришлось долго. Наступление противник начал в два часа дня. Солдаты развернутой цепью медленно приближались. Попали в разрывы мин, залегли. Отошли назад. «Не получилось наступление», — заметил Бутырин. Прошло еще два часа. До батальона пехоты, не обращая внимания на взрывы мин, шло к линии нашей обороны.

— Психическая атака. Хорошо. Подпустим поближе, — предупредил капитан.

— Товарищ гвардии капитан, — обратился к Бутырину Стрекалов, — немцы на рубеже НЗО-Б.

Я вижу: цепь взошла на высоту. В окопах бойцы выбирают цели, ловят на мушку, нетерпеливо ждут команду.

Телефонист передал:

— Дивизионом, внимание. НЗО-Б. Огонь!

Черной полосой вскрылась заснеженная земля на высоте. Цепь дрогнула. Упали убитые. «Не получилась психическая», — сказал Бутырин и еще раз накрыл немцев. В этом бою особо отличилась, приняв основной удар на себя, батарея лейтенанта Можарова.

До конца дня еще дважды минометчики ввязывались в бой. Ночь прошла без сна. Утром на правом фланге крупные силы оттеснили соседа на южной окраине деревни Мукша-Баринсковецкая.

Противник вплотную подошел к станции. В десять часов с бокового наблюдательного пункта у железнодорожной насыпи старший сержант Канадшн сообщил: «Ждем подкрепление».

Бутырин задумался. Там в обороне девять человек: разведчики Дулов, Ивашов, Шульгин, Пепеляев, Сердюков и три автоматчика 29-й Унечской бригады. Удержат ли? «Пошлю охотников», — решил он.

В разгар ожесточенной перестрелки подошла группа добровольцев, которую возглавил химинструктор дивизиона старший сержант Аксаков. С ним вместе были командир отделения связи Шалагинов, связист Иванов, радисты Петров, Винаров, разведчик Болотов, огневики Полющук, Давыдов, Куц, Устижанинов. Немцы, наткнувшись на усилившийся огонь, остановились буквально в двадцати метрах от траншеи.

На станции загорелись вагоны с боеприпасами. Раздался взрыв. Куски железа, доски поднялись в воздух. Молчат уральцы. Притаились в траншеях и немцы. К огневым из второго дивизиона подошла, встреченная громким «ура», машина с минами.

Взрывы стихли. Два бойца, скрывавшиеся в «тигре» на платформе, вернулись с тремя пулеметами. С насыпи потянулись нити трассирующих пуль. Упали мины. Противник, усеяв поле трупами, не выдержал и отошел под прикрытием артиллерийского налета. Деревню Мукша-Баринсковецкую заняли добровольцы полка, поддержанные танковым десантом.

Каждый новый час становился напряженнее предыдущего. Противник охватывал город. 29 марта кольцо замкнулось в южном секторе обороны. В тяжелом бою оставлен птицеводческий совхоз. Отошли части из поселка Домбиц-

кий. Кольцо сжалось. Окраина города окаймилась вспышками огня. Бутырин перенес наблюдательный пункт, и теперь его голос был слышен на огневых позициях. Яростная атака немцев утром повторилась еще три раза.

До позднего вечера на западной стороне города шел бой. Младший лейтенант Калашников, как всегда, был в боевых порядках пехоты, корректируя огонь дивизиона. К вечеру 2-й батальон Унечской бригады при поддержке минометного огня перешел в контратаку. Калашников, увлекая бойцов за собой, шел впереди, дважды был ранен, но не оставил поля боя и в упор расстрелял восемь гитлеровцев. Третья батарея лейтенанта Мощного, отбивая атаки, уничтожила до роты солдат, три огневые точки. Две батареи противника, вступив в бой, были подавлены нашим точным огнем.

На следующий день гитлеровцы снова пытались атаковать, но успеха не имели. И вновь длинные колонны потрепанных на линии фронта войск обтекают город, уходят на запад.

За толщей облаков гудят транспортные самолеты. Расстояние между нашей обороной и немцами иногда так мало, что парашюты опускаются в расположении полка. Зенитчики молчат — нет снарядов. Мины кончились.

Капитан Холод получил приказание майора Николаева: пробиться из окружения и любой ценой доставить боеприпасы.

Машина скрылась в тумане. Деревня Казаки занята немцами. «Целы ли тылы и найдут ли их у деревни Оринен?» — думает майор. Он смотрит в туманную даль. Окопы занесло снегом. Расчеты хлопочут у минометов. Из тумана лезут автоматчики. Их манит город.

В траншею притаились уральцы. Сержант Конев, приплясывая, отогревает ноги. Тесная щель окопа надоела ему. Знаком каждый выступ. Со стенки, как луна, смотрит лезвие лопаты. Слышится голос: «В головную мишень. Упражнение номер два». Ему отвечает другой: «Я в грудную». Два выстрела слились вместе. Впереди фигура немца опустилась в снег, другая — остановилась, откинула голову назад, взмахнула руками и тоже упала. Траншея ожила. Немцы поспешно ушли в молочную пелену, и опять стало тихо.

— Я же говорил, что не к своим идете.

— С кем это ты, Конев, разговариваешь?

— С немчурой проклятой.

— Стоит ли говорить с ними. Я обед принес. Принимай котелок.

Вкусный запах мясных консервов привлек внимание сержанта.

— Давай сюда.

Они сели на край окопа. Доброхотов спросил:

— Замерз, Леня? Может, разогреться хочешь?

— Не возражаю. Только сегодня первый апрель, говорят, никому не верь. Тебе можно верить?

— Это твое дело, — ответил Доброхотов, сам же не торопясь вынул из-под шинели бутылку румынского вина.

— Если веришь — бери, а не веришь — обратно старшине отнесу.

— Теперь верю.

Он выпил стакан и аппетитно уничтожил содержимое котелка. Кажется, теплей стало.

— Давай закурим.— Доброхотов развернул толстую пачку трофейного табака.

— Трава. Слабенький. Оба свернули козьи ножки.

— Вот «котелочный», — заметил Конев, — куда крепче был. Земляки думали: до конца войны нам хватит. Котелками в батареях старшина делил. Нет больше махорочки, питайся дрянью.

— Сутки на исходе, а все в засаде, — переменял он тему разговора. — Немцы тревожат редко. Проходят мимо. Обидно смотреть. Были бы мины — проводили бы их в дальнюю дорогу.

Стало темно. На дороге немецкие машины мигают фарами, прокалывая тьму. В оборванных проводах свистит ветер. Сзади окопа гудит брошенная бутылка. Ноги коченеют. Снежная пыль бьет в лицо. Хочется спать, но спать нельзя. Смены нет. Все в обороне.

Из предместья пришли жители. Рассказывают, что в Мукша-Китайгородской появились немцы. Командир батареи Коробов решил выбить их. Он взял с собой бойцов Суханова, Лазарчука, Реутова, Рубана, Цибу, Страхова, Парель, Бетнева и сказал им: «Нас мало, действовать будем внезапно».

Под покровом ночи они подошли к окраине селения. Раздались частые выстрелы, потом дружное «ура» и взрывы гранат, а в глубине улицы взревели моторы, и шум машин поспешно удалился. Позднее разведка сообщила: «Два взвода немецких солдат покинули селение». Коробов весело рассмеялся: «На «ура» взяли».

Противник отходил на запад и юго-запад. 3 апреля между колонн появились большие разрывы. Разрозненные группы шли далеко от города.

С востока донесся пока еще далекий, но явный гул артиллерийских залпов. Приподнятое настроение наших солдат росло с каждым новым признаком приближающейся линии фронта.

Скоро в город вошли новые части войск 1-го Украинского фронта. На дороге исчезли немецкие обозы. Теплыми лучами смеется солнце. Снег оседает. Бурные потоки воды моют мостовую. Улицы ожили толпами жителей, встречающими вновь советскую весну.

Полк выстроился к маршу. Из репродуктора голос диктора передал: «Сегодня, 5 апреля 1944 года...»

Рев моторов глушит слова. Колонна тронулась. Всю ночь полк проходит мимо немецких колонн, брошенных в грязи с непотушенными фарами. На крутом обрыве берега машины стоят рядами. В реке, как островки, торчат кузова.

Слышится гул. Настороженно смотрят солдаты и, когда видят, что самолеты пикируют, бросаются с машин врассыпную. Кто-то разостлал красное полотнище. «Илы» низко прошли над колонной и легли на свой курс.

— Разукрасились немецкими машинами, теперь и за своих не признают, — ругается Митюгин.

Кукшев отвечает ему:

— Не сердись, старший сержант. А может, впереди немцы за своих примут, тогда одной бомбежкой меньше будет. Каменец-Подольск остался далеко позади...

С. И. Зайцев - ПО ДОРОГАМ ВОЕННЫМ

Серафим Ильич Зайцев родился в 1922 году в Костромской области. До войны и в первые ее годы работал бригадиром наладчиков на пермском заводе имени Дзержинского. В марте 1943 года добровольно ушел в ряды Советской Армии и служил до конца войны шофером в 299-м гвардейском минометном полку. Здесь он в 1944 году был принят в члены КПСС. Рядовой С. И. Зайцев награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды и четырьмя медалями. В настоящее время он — шофер на Пермском телефонном заводе.

Четверо моих старших братьев ушли на войну. Начал и я писать заявления, чтобы отпустили с завода на фронт. Помню, я подавал заявления, а начальник цеха складывал их вчетверо, прятал в нагрудный карман спецовки и говорил ворчливо, но незлобиво: «Вот вам бы, героям, только на фронт. Пороху еще не нюхали!» Но карман спецовки в конце разговора начальник цеха бережно приглаживал — по всему видно было, что наше молодежное рвение на фронт он уважал.

Оставшись наедине со мной, начальник цеха примирительно говорил:

— Ты же бригадир наладчиков, Серафимушка. Помогал бы мне, что ли. Ребята настроились на фронт, ты тоже собрался, а кто норму давать будет?

Жаль было старика. Приходилось с ним соглашаться, но насчет фронта

отвечал, что на сердце броню не наложишь.

— Эх, Серафимушка, а кого туда не тянет? Я б и сам, да знаю, что здесь по-стариковски больше подмогну, — отвечал обычно начальник цеха. — Сейчас фронт везде. И у нас в цехе тоже передовая линия фронта. За так, что ли, броня на вас? — старался он до отказа затянуть гайку.

Подумать, так был он по-своему прав. Я с головой уходил в работу, а мысли были в военкомате, где занимался на курсах шоферов.

Зарядки от беседы с начальником цеха хватало самое большее на неделю. Так уж сильно тянуло на фронт помочь братьям. А тут еще раненого бойца на костылях повстречаешь на улице или доведется услышать невеселую сводку Совинформбюро... Ранней весной сорок третьего распрощался я с броней.

Мысли в дороге, как колеса паровоза, крутились — и все вокруг родного завода имени Дзержинского. На ум шли слова начальника цеха:

— Не подведите, сынки!

И чем дальше на запад, тем теплее было на душе от воспоминаний о городе, о Каме. А когда миновали Волгу и на остановках увидели следы фашистских налетов, стало нам невтерпёж. На одной станции старушка долгим взглядом посмотрела на нас, необстрелянных парней, и строго, с укоризной, спросила:

— Это когда ж уймете фашиста?

Ее глаза в лучах морщинок запомнились мне до боли в сердце.

Стояло весной сорок третьего затишье. Обстрелянных бойцов оно настораживало, а нам, молодым, казалось даже чуток оскорбительным — собрались воевать, а попали в какой-то карантин и, как поговаривали ветераны, надолго, пока полностью не пройдем курс молодого бойца.

Начали постигать солдатскую службу. Уж какой привычный, скажу без хвастовства, был я к труду, а к ночи руки и ноги были не своими. Лягу после отбоя, а на плечах еще чувствуется двунога тяжелого миномета. И мысли всегда обрывались перед сном на одной и той же фразе сержанта:

— Жидковаты, ребята, вы для боя.

Время от подъема до отбоя было занято учебой и учебой. Учили нас тому, что понадобится в боях. А фронтовики — лихие ребята — держались перед нами браво и на чем свет стоит кляли фашистов.

— Дали ему зимой, суке, под хвост, так он что-то новое затевает.

От первых месяцев службы, однако, я окреп. Сержант стал меня называть «проворным минометчиком». В рост пошел, как словно кто за уши вытянул. Даже воротник гимнастерки вроде бы шире стал и шее свободнее от этого.

Вскоре вызывают меня в штаб полка. Оказывается, потребовался я, как и некоторые другие, чтобы отправиться в командировку за машинами для полка. Так началась моя шоферская жизнь.

Добираясь своим ходом в полк, старался гнать вволю. Но лето в Подмоскovie стояло с ливневыми дождями, так что не разгонишься. А когда вдруг проглядывало солнце, то ярко зеленела умытая трава, мелькали по травостой полевые цветы. На коротких передышках я даже любовался ими, чем-то вся эта картина напоминала уральский край.

Сердце мое билось тревожно. И было от чего. Рядом, с дорогой — свежие следы от танковых колонн. Непроста, рассуждал я, шла вся эта техника на запад. «Скорей, скорей домой в полк. Не опоздать бы», — думал я об одном. И не обманулся. Полк был уже в полной боевой готовности выйти из Подмоскovie на юг.

В кузове сидел расчет миномета, за машиной, на ходке катился миномет. Командир расчета вслух рассуждал, кто как из молодых бойцов поведет себя в первом бою.

— Кое-кто вспомнит маму родную (последнее слова сержант произнес с ударением на первой гласной). А кто ее не звал в первый раз? — монотонно, как гудение мотора, рассуждал командир расчета. — Вот за тебя я уверен намертво, — вдруг строго, по-командирски, добавил он. И, проведя по лбу устало ладонями, он приблизился глазами к моему лицу и так же строго спросил:

— Скажи по-честному, Зайцев, в вашу Пермь тебя не потянуло? Ты понимаешь, куда мы идем?

— Я добровольно, товарищ сержант, пришел, — не отрываясь взглядом от петляющей колеи, помню, тогда ответил я.

— Ну-ну. Ты не сердись. Только, если что-нибудь — ты за меня, Зайцев, — и, как бы извиняясь за начатый разговор, сержант Ермаков дотронулся до моей заскорузлой руки.

Не одну сотню километров форсированным маршем прошел наш Уральский танковый корпус. Мы выходили на исходные рубежи. И хотя последние километры проходили ночью, на ощупь, по притаившимся на поворотах указательным знакам угадывалось, что в балках и оврагах, да в небольших колках леса стоят наши орудия и танки, готовые к наступлению.

Попервоначалу случилось так, что мне пришлось почти неделю провести в оборонительном бою. Как фашисты ни рвались вперед, но их атаки захлебнулись. И даже гитлеровские новинки — «тигры» и «фердинанды» — не помогли.

Однажды гитлеровцы подползли к миномету так близко, что вести огонь было уже опасно для своих. На какое-то мгновение весь наш расчет растерялся: был миномет с раскаленным от огня стволом, были мины, а стрелять нельзя. У меня мгновенно пронеслось в голове: вскочить в машину и подавить оккупантов. А получилось так, что выхватил из-за спинки сиденья винтовку, махнул рукой в сторону гитлеровцев и побежал вперед, даже не пригибаясь. Штык на ходу примыкал. Расчет словно ждал первого, кто побежит в контратаку. Завязалась рукопашная. Пришлось и стрелять, и колоть, и прикладом поработать. Вот так и открыл нежданно-негаданно свой боевой счет. И как-то на душе вроде полегчало и не такими уж осуждающими вспомнились глаза той старушки, что повстречалась по пути на фронт.

Завершали нашу контратаку танки. Огнем, а где и гусеницами они уничтожали гитлеровцев, расплзшихся в панике по балкам. На выручку фашистам на передний край прилетела эскадрилья бомбардировщиков. В то лето они летали еще большими стаями. Но спасти «юнкерсам» своих не удалось. В небе засеребрились наши ястребки. Сделалось враз жарко и на земле и в воздухе. Одна бомба разорвалась совсем рядом со мной. Гимнастерку мою даже вырвало из-под ремня. А ухнуло так, что в голове пошел сплошной звон, из носа и ушей горячими струйками потекла кровь. Сил хватило только на прыжок под скаты «доджа». Уткнувшись лицом в холодную землю под машиной, я немного почувствовал облегчение. Вот только в ушах что-то копошилось да свистело. Земля, казалось, от лица сразу же нагревалась. Так и прикладывался к земле, ища спасительную прохладу. Потом вдруг куда-то провалился в мыслях.

Пришел в себя только к вечеру. Ермаков приспособлял на шее давящую повязку и приговаривал:

— Ничего, ничего. Полегчает.

И все бы ничего, звон в ушах даже начал проходить помаленьку, только узнал я, что от моей машины осталась одна рама. Никто не мог объяснить, что случилось на нашей «тридцатьчетверке», но она вдруг начала круто разворачиваться на заднем ходу. Тут ей и помешал мой беспризорный «додж». Рассказывали, почти весь расчет кричал: «Стой! Куда правишь?!» Но танк продолжал круглить и начисто разнес мотор и кабину. Ребята, стараясь утешить меня, посмеивались: «Эх, сказано — не советское. Выходит, у шуковинки заокеанской слабоват передок. Получилась машина «Рено» — ни тпру ни но».

Обидно было мне из-за своего же танка остаться «безлошадным». Спасибо товарищам — каждый утешал как мог. Только вскорости стало не до машины: узнал, что полегли в бою два земляка. Сердце сжалось сильнее, повязка совсем сдавила горло. Ехать в медсанбат я отказался наотрез. Куда уж там было обращать внимание на контузию.

Так и врезалась мне Курская дуга двумя холмиками сырой земли на могилах земляков...

Минометчики приняли меня, пешего, в свой расчет. Доводилось бывать на разных номерах. Миномет наш каждый раз цепляли к машине, какая подвернется под руку. Когда шли в наступление, товарищи старались, чтобы мне было полегче, к пудовым минам и не подпускали.

Когда после боя, раскаленный, как словно только что из горна, ствол начинал остывать, я прикладывался к нему

попеременке затылком и лбом. От этого уменьшался изнуряющий шум в голове, и даже меньше заикался при разговоре.

Когда пошли по Брянщине, узнали мы, что уральцам-добровольцам присвоили звание гвардейцев, а меня представили к ордену Отечественной войны II степени. Товарищи поздравили с орденом. Командир дивизиона отправил меня в тыл за новой машиной.

Вернулся я на форде. Расчет подробно оглядел машину. Один солдат краску даже на капоте хотел сколупнуть. Потом он отказался от своей затеи и проговорил:

— Надувают тебя по молодости, Серафим. Похоже, чертовщину опять тебе вставили...

А Ермаков, тот был порассудительней. Сплюнул и говорит:

— Это, товарищи, взамен второго фронта нам... Гвардейцы-добровольцы опять выходили в передовые эшелоны. Круглыми сутками, без роздыху, шли мы на запад.

И замелькали у обочин дороги свежие холмики. Сколько страшного доводилось видеть...

Громоздилась исковерканная, лежащая вверх колесами, гитлеровская техника. Безжизненно опустив стволы, стояли опаленные, со сбитыми гусеницами «тигры» и «фердинанды». От этого чуть легче делалось, но щемило на сердце.

Осень в сорок третьем стояла на редкость нарядной. Что природе до войны? И только залюбуешься прозрачной синевой, как опять увидишь страшное. То мелькнет столб с надписью на поперечине, что была здесь прежде деревня, то увидишь на обочине тряпичную куклу. Простая вещица, а сердцу солдатскому она много-много говорила. Нога невольно сильнее нажимала на газ. 299-й гвардейский минометный наш полк шел в составе корпуса вперед и вперед.

Вспоминаю, веки словно свинцом налились. Голову то ли от усталости, то ли от желания не видеть народное горе тянуло на баранку. Скоро начали попадаться тлеющие деревья — передовая где-то была рядом.

В такие моменты Ермаков особенно делался разговорчивым.

— Удивляюсь я тебе, Ильич, — уважительно говорил он. — Из какого теста ты слеплен? Ну, давай, — говорит, — пересядем. Прикорни малость. Ты мне скорость поставь или включи там, а я с газом сам совладаю.

— Мы привычные мало спать, — говорил я. — Бывало, по две сменки отстаивал в цехе за милую душу... Уж больно тяжело идет машина по мокряди, да и юзит. Помню, Ермаков таки уговорил.

— Знак наш только не пропустите, товарищ командир, — уже закрывая глаза, пробормотал я.

— Прикорни, прикорни, Ильич, — свое говорил сержант.

Никогда я не спал таким сладким сном. Мягче лебяжьего пуха были спинка и сиденье. Во сне я расправил ноги, а от постоянного недосыпания да бодрствования даже простонал. Громко и смачно это получилось, и я сразу же глаза приоткрыл. А Ермаков, хоть и напряженно сидел за рулем, однако взглянул в мою сторону. Взглянул с такой жалостливой нежностью, будто он сам не делил с нами все невзгоды солдатского труда.

— Спать бы тебе на перине после смены, а не трястись по этим колдобинам, — услышал я и отключился от всего во сне.

На войне тишина всегда пугает. Когда смолк мотор, я в испуге проснулся. Открыл глаза — темно, а в кабине никого, зажигание выключено. Машина припала на бок, а по ветровому стеклу нахлестывает дождь. Слышу, кто-то заунывно проговорил:

— Ну, разверзлись хляби небесные.

Выскочил я из кабины. Расчет хлопочет у задних колес. Впереди — хоть глаз коли. Только в лучах фар на миг промелькнули следы наших трехтонок. Позавидовал, я ребятам, которые сидели за их баранками.

— Эх, сказано — не советское, — бормотал в темноте знакомый голос. — Слаба, Зайцев, и на задок, выходит, иностранка.

В душе я согласился с этими словами, а вслух Ермакову докладываю:

— Надо, товарищ командир, миномет с ходков в кузов перетаскивать. Иначе не выберемся из бездорожья,

Расчет помог машине выбраться на середину дороги; а я, так и двигаясь на первой скорости, дал возможность своим товарищам на ходу забраться в кузов. Ермаков с подножки шасть в кабину, стряхнул воду и сказал:

— Все сели, жми.

Я дал вторую скорость и в кузове затаили песню. Темнота поглотила все вокруг. Лес, казалось, совсем, подступил к дороге. Пучок света от фар выхватывал кусок колеи, наполненной водой. Ермаков после недолгого молчания сказал:

— Да-а. Лишь на войне такое увидишь: кляли только что Гитлера, непогодь, а сейчас поют.

«Священную войну» пели негромко, но широко и душевно, с подголосками. Пели так, как только прочувствованно могут петь на войне.

— Машина-то легче пошла, Ильич... Оказывается, шоферское дело — не только баранку крутить. Не замерз? На Урале, небось, по этому времени без бушлата из кабины не высунешься.

— Сцепной вес увеличился, — по-шоферски объясняя я. — Зато темени такой не бывает. А неба, как на Урале, красивее нигде нет.

Так с минометом в кузове наш форд и догнал трехтонки. Тяжело было за ними поспевать, но я приноровился к машине. А когда форд начинал сдавать, Ермаков просил:

— Газани, ну, газани. Я командиру отвечал:

— Газ тут не поможет, а только завязнем. Напрасная трата бензина.

Весь свой небогатый опыт вложил, чтобы «висеть» на хвосте у трехтонок.

Когда уже были совсем близко от пункта сбора, у самого разухабистого места, помню, стоял на обочине рядом с командиром нашего полка сам командующий армией и воодушевлял шоферов. Когда моя машина поравнялась с командующим, вижу: генерал поднял правый кулак с оттопыренным большим пальцем. Батя — так мы командира полка звали — даже усы лихо вверх поправил, бородку взбил, а мне захотелось аж четвертую скорость дать.

Выходит так, что своим простецким жестом генерал похвалил меня, что я держался в колонне на машине с низкой, откровенно говоря, проходимостью.

В самый канун новой операции пересел я на отечественную трехтонку. Расчет радехонек, кто-то нацарапанные буквы «ДДБ» на баранке старушки прочитал на свой лад: «Дойдем до Берлина», а мне жалко стало фордишку. Вроде б и машина — не машина, только на спидометре ее не одна сотня километров трудных военных дорог открылась.

* * *

Этот день на Волыно-Подольской возвышенности запомнил я на всю жизнь. В бой я пошел коммунистом.

Началось все как обычно. Замаскировал машину в котловине, сам — к миномету, подсоблять ребятам. К полдню с полкового НП передают: «Рядовому Зайцеву срочно за минами». «Слушаюсь», — ответил я, а сам подумал: «Значит, у соседей туго, не на чем и возить».

И началась обычная, но очень тяжелая и рискованная, работа и для машины, и для шофера. Каждый раз, когда машина вплотную приближалась к передовой, начиналась шоферская джигитовка. Тут уж приходилось применять все — и езду змейками, и резкое торможение, и резкую газовку. Нога — на тормозе, как палец на спусковом крючке. Тут уж больше чутьем (потому что свиста снарядов и мин не слышно) приходилось угадывать, куда баранку крутануть.

А поздно вечером батя поздравил меня с вступлением в партию, а заодно и благодарность объявил за своевременную доставку боеприпасов прямо на поле боя.

Курск, Житомир, Каменец-Подольск, Ковель, Тернополь, Львов... А сколько мелких городов прошли — долго перечислять. На длинных дорогах о чем только не переговорили с Ермаковым. Помню, он сокрушался, что второпях перед уходом на войну сменщику своему безусому токаришке забыл передать свои, ермаковские, резцы.

На указателях расстояния до Берлина теперь уже были сотни обозначены, а не тысячи. Как гляну, бывало, на указатель, и не такими уж тяжелыми кажутся набрякшие от усталости веки.

— Видать, Ильич, про заднюю скорость можно накрепко забыть, — говорил Ермаков. И опять про свое:

— Как же у меня из головы-то вылетело. А сам, оголец, видать, постеснялся про резцы напомнить.

Я, чтобы отвлечь от печали командира, с улыбкой отвечал:

— Скоро на четвертой погоним гадов.

До выхода во второй эшелон пришлось испытать новое жаркое сражение. Этот бой был на редкость тяжелым. Танки ушли вперед в прорыв, и минометчикам пришлось вести самым бой с бродячей группировкой фашистов, подкрепленной невесть откуда выползшими из лесов «пантерами». Мне пришлось побывать и подносчиком и заряжающим. От непрерывной стрельбы ствол светился. Однополчанам слева и справа пришлось даже контратаковать обнаглевших гитлеровцев. Только к вечеру окончательно доколотили их, а нескольких взяли в плен. Смешно смотреть было: только что лезли — хвост трубой, а теперь в один голос кричали: «Гитлер капут!»

После боя командир полка подбадривал минометчиков. Хоть медленно и с трудом из-за последствий контузии, но душевно говорил батя. Говорил о том, что от боев все устали, но нужно собрать все силы и волю для последних бросков, что зверь всегда ожесточеннее показывает зубы, когда ближе к его логову. Нельзя недооценивать фашистов, иначе может пролиться лишняя кровь.

Слово в слово запомнил я те слова бати. А в память о том тяжелом бое остался орден Красной Звезды. Минометчики, как и тогда в ответ бате, говорили одно: «Гнать их, гадов, давить».

Теперь чаще выдавалось проехаться с ветерком. От свиста за стеклом позванивало в ушах. Звон тот внутренним слухом зачастую переходил на полюбившуюся мне песню:

Суровый голос раздается:

Клянемся землякам,

Покуда сердце бьется —

Пощады нет врагам.

Так я и ездил со своей песней на трехтонке. Но не доехал я на ней до самого Берлина. Когда перебрасывал во время одного боя расчет вперед, наскочила моя машина на мину. Начисто оторвало одно переднее колесо, но хорошо, что никого не задело из ребят. Можно было, конечно, машину и подлатать, да дорого стало время.

Пришлось пересест на «студебеккер», которого некоторые бойцы называли «королем дорог». Правда, на трехтонке я однажды вытаскивал сползшего в кювет «короля» и вытащил, хотя сам до отказа был гружен минами, а в моторе кое-что было на веревочном креплении. Вот она какой оказалась, моя трехтонка. Не ударила, как говорится,

в грязь лицом перед заморским «королем». Машина, я скажу, пока ее делают, перенимает характер людей. А чтобы не оказаться в конфузе, как тот незадачливый «студер», добавил я на переднюю ось по колесу. Так на двенадцати колесах и разъезжал по дорогам Польши, не боясь завязнуть. Но баранка от этой добавки была как вкопанная, аж руки и плечи ломило.

Когда остались позади Одер, Нейсе, верховье Шпрее, начали мы готовиться к заключительным боям, к штурму Берлина. Основательно готовил свою машину и я. Все осмотрел, где надо — смазал, где надо — подтянул. Даже шины подкачал, чтобы горячее экономить.

Семьдесят километров сплошных укреплений предстояло нашему полку пройти. Пройти их нужно было на одном дыхании, чтобы не дать времени фашистам прийти в себя. Командование объяснило задачи шоферам. А на рассвете 16 апреля загудела земля. Развернуться уральцам было негде — от своих же тесно стало. Среди многих тысяч стволов, нацеленных на Берлин, был и наш миномет.

Давала знать о себе контузия. От несмолкаемой канонады начали пошаливать барабанные перепонки. Я рот для облегчения открывал. В этом грохоте и добрался до предместий Берлина. Руки, гимнастерка за эти тяжкие дни насквозь пропитались бензином, гарью войны. Приходилось по полдня биться за один лишь дом.

К рассвету 2 мая залпы, наконец, стихли — гитлеровцы капитулировали. От последнего рывка «студебеккер» начисто расклеился. Где постоит, там и лужи на земле оставит — все расшаталось, кругом подтекало.

Но мир еще не наступил. В Чехословакии засел недобитый «кровавый Фердинанд» генерал-фельдмаршал Шёрнер. И я, теперь уже на трофейном грузовике с фургоном, через Дрезден и Судетские горы мчал в Чехословакию. Пока шли по Германии, ночами соблюдали светомаскировку, а как начали марш по Чехословакии, гнали по ночам с дальним светом на полную яркость без всяких козырьков, чтобы гитлеровцы видели, что их ждет, если добром не капитулируют. Так и двигались огненные колонны.

Окончательный мир я встретил в Златой Праге. Наступила тишина. Теперь она не пугала. Шальной весенний воздух пьянил голову. Помянули честно, по-солдатски всех товарищей, кто не дожил до победной весны. Ох, и нарядная весна была на чешской земле сорок пятого года! Правда, слишком дорогой ценой заплачено было за эту мирную весну.

Чествовали и живых. На моей тщательно выстиранной по случаю праздника гимнастерке, кроме орденов, зазвенели медали: «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов». Благодарен нашему правительству и партии, что так высоко оценен мой солдатский труд на войне.

После войны вернулся в родную Пермь и узнал, что ждет меня медаль и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», которой меня наградили за работу на заводе.

В народе говорят: старая слава новую любит. Встал я опять на трудовую вахту. Работы, как на запущенном дворе, было невпроворот. Война кругом о себе дала знать. Пришлось браться за дело с гвардейской хваткой, с фронтовым задором. Работаю так, что каждый день к норме добавляю за тех, кто не вернулся домой, кто так мечтал о мирном труде. На телефонном заводе довелось поработать секретарем парторганизации транспортного цеха. Доверяют нам, фронтовикам. Только почет, как говорят, не живет без хлопот. Доверие надо оправдывать. Пришлось поработать и в цеховом комитете, а два года возглавлять его. Пять раз подряд рабочие телефонного завода — спасибо им за доверие — выдвигали меня, бывшего фронтовика, в депутаты районного Совета.

Рано ухожу на работу. На дню много раз из ворот завода выезжаю с готовой продукцией. Поздно приходится возвращаться домой: то собрание, то какая-либо общественная забота. И все это ради того, чтобы никогда, никогда не пришлось на своем ЗИЛе подвозить ракеты на стартовые площадки.

Литературная запись капитана А. Лавренченко

А. И. Клишин - МЫ — РОССИИ ДОЗОРЫ

Александр Иванович Клишин родился в 1925 году в Орловской области. В первые годы Великой Отечественной войны работал токарем на одном из машиностроительных заводов Перми. В марте 1943 года добровольцем зачислен в состав 299-го минометного полка и служил наводчиком миномета до конца войны. В полку вступил в члены Коммунистической партии. Младший сержант А. И. Клишин награжден орденом Славы II и III степеней, Красной Звезды и четырьмя медалями. В настоящее время он живет в Перми и работает старшим технологом на одном из заводов.

(Из фронтовых записок)

...Март 1943 года. Я никогда до этого не вел дневника, но за последние дни произошло столько событий, что просто обязан записать в блокнот хотя бы несколько строк: они потом, когда окончится война, помогут мне восстановить в памяти все события.

Пока что самое главное для меня событие — зачислен я в 299-й Пермский минометный полк Уральского добровольческого танкового корпуса. Если бы знала сестра, как упорно я добивался этого! Но она ничего не знает. Так, пожалуй, и лучше...

Старший брат погиб на фронте, родители наши на территории, временно оккупированной врагом. Живы ли они? Мы осиротели, остались вдвоем с сестрой. Нелегко ей будет одной... А я не мог больше сидеть в тылу. Я должен мстить врагам за брата, отца и мать, за все то горе, которое фашисты причинили моей Родине, нашему народу.

Вот поэтому и записался добровольцем. С Валькой Белинсоном мы прошли заводскую отборочную (желающих уйти на фронт было так много, что заводская комиссия очень придирчиво рассматривала каждого кандидата) и медицинскую комиссию. Но на мандатной нас застопорили из-за молодости: мне исполнилось только семнадцать лет и три месяца. Как быть? Отказаться от мечты? Что угодно, только не это! И мы с Валькой идем в обком партии, прорываемся к первому секретарю.

Так волновался, что не запомнил всего, о чем мы там говорили. Врезалось в память лишь одно: доказывали, что кому как не нам быть на фронте. Секретарь обкома отвечал на все наши доводы:

— Молоды вы, ребята, молоды. Подождите годик. Вот тогда я и выпалил:

— Это даже хорошо, что мы молоды: мы все время и быстро растем. Пока полк сформируют, оденут, вооружат и обучат — нам по восемнадцать стукнет!

Секретарь обкома рассмеялся, пожал нам руки...

* * *

Вот первый населенный пункт, из которого мы выбили фашистов — деревня Колонтаево Орловской области. Целый день гитлеровцы бомбили и обстреливали нас, встречали пулеметными очередями. Но мы очень хотели победы и ворвались на улицы деревни. Страшную картину увидели мы в Колонтаево. Фашистские бандиты уничтожили всех мужчин и женщин. Трупы убитых сложили в амбар и подожгли его. А ребятишек изверги покидали в колодцы. На страшном пепелище мы дали клятву: отомстить фашистам. «Смерть немецким оккупантам!» — этот призыв ведет нас в бой на врага.

* * *

...Итак, с боями мы продвинулись почти на четыреста километров. Наступать нет сил. Перешли к обороне.

* * *

Впервые ходил ночью в разведку. Нет, я не брал «языка», а был только в той группе, которая должна была прикрывать отход разведчиков. В группе захвата было четыре человека, а у нас, в группе прикрытия — восемь. Возглавлял всю разведку лейтенант Пинчук. Как полагается, мы сдали все свои личные документы, еще раз проверили оружие, подгонку снаряжения.

Ночь темная, на небе ни звездочки. Мы ползем к немецким окопам. Вдруг лейтенант остановился. Замираем и мы. В голове бьются вопросы: «Почему остановились? Что видит лейтенант?».

Из немецких окопов, шипя, взвивается ракета, мертвящим светом заливает землю. Кажется, что враг непременно нас заметит. Но все спокойно. Лейтенант вновь ползет вперед, до появления очередной ракеты.

Неожиданно струя трассирующих пуль проносится над нашими головами. Заметили или случайно?

Сразу ударили наши пушки и минометы. Они бьют где-то правее. Там товарищи здорово шумят, создают видимость атаки: отвлекают внимание врага на себя, чем и помогают нашему поиску.

При вспышке ракеты уже виден бруствер вражеского окопа. Лейтенант Пинчук условленным знаком приказывает нам остаться здесь, а сам с группой захвата ползет дальше.

Сколько времени мы пролежали в ожидании, не знаю. Лично мне показалось, что очень долго. Наконец впереди послышался какой-то шорох. По условным сигналам поняли: наши! Приволокли с собой и «языка». Соблюдая осторожность, поползли к своим окопам.

Вот и все. Как это просто и в то же время невероятно сложно! Какими нужно обладать нервами, выдержкой, дисциплиной, чтобы проскользнуть во вражеский тыл и захватить там «языка»!

* * *

...Весна 1944 года. Почти год прошел с тех пор, как я вступил добровольцем в Пермский минометный полк. Много было боев, прежде чем мы вышли на юг Украины. Ближайшая наша цель — овладеть городом Каменец-Подольском.

Распутица такая страшная, что не подобрать слов для ее описания. Приведу лучше такой пример.

От села Романовки до шоссе только четыре километра, но полк наш смог преодолеть это расстояние лишь за трое суток!

Машины оказались бессильными перед грязью, и мы их волокли к шоссе на своем горбу. На обычной дороге, когда машина застрянет, все делается очень просто: шофер выключит скорость, мы облепим машину со всех сторон, приналяжем, поднажмем, и дело в шляпе. А здесь каждый метр давался ценой огромных усилий: тебе нужно толкать машину, а ты сам еле выдираешь ноги из клейкой грязи. Одну вытащишь — другая завязла.

Перетаскивали машины, взялись за минометы, а потом — за боезапас. Ни много ни мало две тысячи ящиков, каждый из которых весит около пятидесяти килограммов. Что помогло нам? Ненависть к врагу, желание как можно скорее освободить от него родную землю.

И вот мы подошли к Каменец-Подольску, остановились, рассматриваем и его, и то, что творится на улицах. Прежде всего бросилась в глаза длинная колонна фашистских машин. Голова ее уже вышла из города, а хвост все еще болтался на подходах к нему. В эту колонну и врезались танки нашего Уральского добровольческого корпуса. Всю ночь шло сражение.

Памятен для меня штурм так называемого Турецкого моста. На подходах к Турецкому мосту фашисты сосредоточили очень много артиллерии и вели огонь по нашим танкам. Мост был заминирован, мы видели и лежащие на нем мины, и провода, тянувшиеся к заложенной под устои взрывчатке.

Командир нашей минометной батареи лейтенант Калашников принял решение: попытаться захватить мост. Мы — семь человек во главе с лейтенантом Калашниковым — выскочили на мост и стали сбрасывать мины, перерезать провода. Батарея прикрыла нас огнем, а танкист Зинченко вслед за нами вылетел на своем танке на мост, остановил машину и начал лупить прямой наводкой по фашистам, которые пытались помешать нам. На штурм противоположного берега реки бросились автоматчики. Общими усилиями Турецкий мост был захвачен.

* * *

Виктор Голенков, парень из Нижнего Тагила...

Он был ранен на рассвете и упал в степи, ровной, как стол. Когда очнулся, собрал все силы, встал и попробовал идти к своим. Но нога уперлась в ком земли. У него не было сил ни отшвырнуть его, ни перешагнуть, ни обойти. Он лег и пополз, волоча по земле винтовку. Стонал и полз. Куда полз? Ему казалось, что к своим.

Скоро окончательно выбился из сил, припал к земле. И вдруг увидел трех фашистов, лязгнул затвором. На большее сил не хватило.

Фашисты услышали лязг, оглянулись, увидели Голенкова, подкрались к нему, потерявшему сознание. Фашисты потащили Голенкова в то самое село, которое мы должны были взять на рассвете.

Немец-переводчик вылил на Виктора ведро воды и стал допрашивать. Но Голенков молчал. Тогда ему сломали руку. Виктор Голенков продолжал молчать. Ему сломали вторую руку. На спине вырезали звезду. Но никакие пытки не сломили его духа. Фашисты заживо сожгли Виктора Голенкова. Об этом нам рассказали жители, которые слышали и видели все.

Хорошая, гордая у тебя смерть, Витя. Мы не забудем тебя. Мы отомстим врагу за каждую каплю твоей крови!

* * *

...Командиру моего минометного расчета сержанту Бехтереву

Сколько нами с тобой исхожено
И истоптано сколько сапог?
Сколько в дальних краях проложено
И проторено новых дорог?
Сколько раз нас с тобой просили
Подарить от фуражки звезду?
Сколько раз прославлять Россию
Суждено было нам на роду?
Мы с тобой неразлучными стали
От родимых полей вдалеке,
Под одну шинелью спали,
Ели кашу в одном котелке.
В час для Родины нашей тревожный
Мы оставили город родной,
Прокопченные пылью дорожной
И скрепленные клятвой одной.
Мы хлебнули не раз и не десять
Горько-горький напиток невзгод.
Что тогда пережито за месяц,
Не прочувствуешь ныне за год.
Пусть над нами холодные зори,
Пусть и звезды не русские, пусть!
Мы с тобою — России дозоры,
Нам положено знать наизусть

Троп змеистость и тайны ущелий,
Каждый камень и каждую пядь,
Чтобы впредь никогда не посмели
Шар земной крылья смерти обнять.
Бродит ветер в Альпийских отрогах,
На вершинах Карпат — седина...
Далеки от России дороги,
Но Россия на свете одна.

Это не мои стихи. И название у них другое, но они написаны о хорошей фронтовой дружбе, и я посвящаю их другу. Ведь настоящий друг на фронте — не красивые речи, а прежде всего — большое, чистое и преданное тебе сердце.

* * *

Вот что нам рассказал кинооператор, побывавший у нас на батарее.

...Это произошло вчера во время боя. Солдату-автоматчику Пермской танковой бригады осколок разворотил грудь. Солдат свалился с танка и, собрав последние силы, приподнялся на локтях.

Бой уходил, и за волной наступающих танков и десантников бежали связисты, саперы и все другие, кто обеспечива-ет наступление. Среди них раненый солдат заметил и кинооператора.

— Эй! Ко мне! — позвал солдат.

Кинооператор подбежал, вытащил из кармана индивидуальный пакет и хотел начать перевязку, но солдат остано-вил его:

— Сыми меня... Помру, так ничего и не выскажу... Кинооператор не стал возражать и нацелился на него зрачком камеры.

Солдат вытянул дрожащую руку и прошептал прерывающимся голосом:

— Вперед, ребята... Глаша, не жалея меня... Кто-то должен умирать за счастье людей... Дети, помните...

Голос солдата оборвался.

Он умер. И кинооператор только тогда понял, что он хотел не сфотографироваться. Он хотел записать свою речь, чтобы ее услышали все...

— ...Исполняю его волю и рассказываю вам. — Кинооператор закончил свой рассказ и пошел в соседнее под-разделение.

* * *

...С боями мы прошли Орловщину, Украину и Польшу. Все это время мечтал о том, что скоро зашагаю по фашистской Германии. И вот ее земля стелется под гусеницы танков и колеса наших машин.

Когда форсировали Одер, на одном танке я увидел надпись: «У меня заправка до Берлина!» И мы дошли до столицы фашистской Германии. Эти строки я пишу в Берлине! Чувствуете, земляки? Советский солдат, добывает в Берлине германский фашизм!

Бои упорные, фашисты яростно сопротивляются, засыпают нас бомбами и минами.

Мы продвигаемся по южной окраине Берлина. С оглушительным грохотом рвутся снаряды. Рушатся стены домов. Кругом все горит. Наши солдаты здесь дерутся с яростью. Каждый понимает, что это последнее сражение, что еще одно усилие и — конец кровавой войне. Наступит долгожданный мир, и мы вернемся с победой в родной город на Каме.

Сегодня ранило моего друга киргиза Давлята. Он посмотрел вокруг и вдруг заплакал. Потом сказал:

— Не удалось довоевать... Но вы, братцы, рассчитайте за меня. А я скоро вернусь.

Давлят — очень хороший товарищ и солдат. Вместе с ним воевал и его брат, которому оторвало руку. Тогда Давлят поклялся убить сто фашистов. К моменту ранения на его личном счету было уже двадцать шесть.

Что ж, Давлят, поправляйся, а мы поможем тебе выполнить клятву. Мы твои друзья и наше слово твердое.

* * *

...Приказ командования: нам нужно изо всех сил спешить на помощь чехословацким братьям.

Дорога на Прагу... Навсегда запечатлелось то, что мы видим, что творится вокруг нас!

Вдоль обочин дороги — ликующие люди: девушки в национальных костюмах, старики и, конечно, ребятня, которая стрижками снует вокруг наших машин.

А вот девочка лет пяти. В левой руке у нее красный флажок, а правой она непрерывно посылает нашим солдатам воздушные поцелуи.

Ловлю себя на том, что нежность заливает сердце и на глаза навертываются слезы. Глянул на товарищей. Они тоже ласково улыбаются, многие стыдливо прячут слезы.

В одном селе наша колонна остановилась на короткий привал. Мы спрыгнули с машин, чтобы размяться. Моментально чешские крестьянки в белых фартуках атаковали нас с кувшинами молока, а старики — с бутылками холодного пива и вина.

Мы с Мишей Пепеляевым решили пройтись по улице. Только сделали несколько шагов, как распахнулась калитка и на шее у меня повисла девушка. Она целовала меня и что-то горячо говорила. Я не мог понять, перевел старик чех: — Герои России! Мы вас давно ждем! Мы верили, что вы придете и вы пришли! Мы так рады вам, братья!

Наш короткий разговор прервала команда: «По машинам!» Наш путь — на Прагу. Нам нужно спешить, чтобы добить фашистскую нечисть.

Литературная обработка Олега Селянкина

Н. А. Шалагинов - ЭТО СОХРАНИЛА ПАМЯТЬ

Николай Андреевич Шалагинов родился в 1914 году в Кировской области. До Великой Отечественной войны и в первые ее годы жил в Перми и работал диспетчером на заводе имени В. И. Ленина. В марте 1943 года добровольцем зачислен в состав 299-го минометного полка и служил в нем до 4 августа 1944 года (выбыл по ранению) в качестве помощника командира взвода управления 1-го дивизиона. Здесь он вступил в члены КПСС. Старший сержант Н. А. Шалагинов награжден орденами Славы II и III степеней, Красной Звезды и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Теперь он — сотрудник отделения милиции на станции Левшино Свердловской железной дороги.

Когда началась война, я работал в Перми на заводе имени В. И. Ленина. Как только услышал по радио о коварном нападении фашистской Германии, первой моей мыслью было: на фронт, сражаться с фашистами! Но меня не отпустили с завода, сказали, что нужен здесь.

Шли месяцы, а я все продолжал работать на заводе. И вдруг стало известно, что формируется Уральский добровольческий танковый корпус. Я сразу с заявлением в военкомат и партийную организацию: дескать, я коммунист, мое место там, где бьются насмерть товарищи, и поэтому про-

шу не отказать мне в моей просьбе. И вот сбылась моя мечта, сбылось мое сокровенное желание: я был зачислен в добровольческий минометный полк.

Когда проходил срочную службу в армии, был связистом, помощником командира взвода. Ну и теперь меня назначили помкомвзвода во взвод управления первого дивизиона.

Быстро закончили формирование, прошли необходимую боевую подготовку и двинулись на фронт. Во время учебы все мы могли убедиться, что минометы, их огонь — большая сила. Надо только умело использовать ее в бою. И еще мы поняли, что успех дела зависит от слаженных действий всех солдат полка, будь то огневики, разведчики-наблюдатели, водители машин или связисты.

Первые дни пребывания на фронте запомнились на всю жизнь. Дело в том, что мы вступили в бой севернее города Орла и именно в тот момент, когда наша армия сокрушала вражеские укрепления: Правда, враг еще упорно сопротивлялся, цеплялся за каждый метр земли, но он не мог сдержать натиска советских войск.

Вообще, в этом первом бою нам, новичкам, ничего не было понятно и было страшновато. Казалось, что каждый снаряд летит именно в тебя, что вот эта вывалившаяся из люка самолета бомба нацелена тоже именно в тебя. Даже танки с крестами и те рвутся к нашим окопам лишь для того, чтобы смять, уничтожить опять же только тебя.

А тут еще и осколки снарядов, мин и бомб непрерывно перебивают телефонные провода, нарушают связь. Только начнет командир дивизиона разговор с батареей, а связи уже нет. И вот, хотя страшно, ползешь по линии, отыскиваешь порыв, сращиваешь нитку провода.

В дни первых боев нашего полка мы научились побеждать не только фашистов, но и страх. В нас росло и крепло чувство воинского долга, ответственности перед товарищами, перед партией и Родиной за каждый свой шаг, за каждый поступок. И не случайно, что именно в этих боях наши пермяки-добровольцы и совершили свои первые подвиги, скромные, но все же подвиги. Я имею в виду товарищей Мыльников, Паршакова, братьев Беляевых и других, которые под яростным огнем противника, почти под непрерывными его бомбежками и минометно-артиллерийскими обстрелами держали линию связи в постоянной готовности.

Прошло уже более двадцати лет с тех пор, как мне довелось впервые встретиться с врагом на поле боя. Многое стерлось в памяти. Но есть эпизоды, которые навечно запомнились. Вот и сейчас вспоминаю я одного неизвестного солдата.

Произошло это после того, как мы форсировали речку Куликовку. Она ничем не примечательна, кроме того, что моста через нее не было и все машины переходили ее вброд. Фашисты изо всех сил старались помешать нашей переправе: обстреливали берега речки из минометов и пушек, нещадно бомбили.

И вот, когда я перевел машину через речку (я умел водить и в трудные минуты сам садился за руль), когда бомбовые разрывы остались за спиной, вышел из машины, чтобы немного отдышаться и размяться. Как сейчас помню — остановился на окопе, вернее — на груде земли, которая лежала там, где он был еще утром. Оглядываю недавнее поле боя и вдруг слышу стон. Слабый, еле слышный. Осмотрелся. Никого. Может, почудилось? Стон повторился и будто бы прямо у меня под ногами. Припал я к земле, слушаю. Точно, здесь стонет кто-то!

Крикнул товарищей, и мы быстро разбросали землю. Под ней лежал наш солдат. Голова и грудь в крови. Он долго не приходил в сознание, а когда очнулся и глаза его прояснились, сразу же спросил слабым голосом:

— Как наши?

Тут не только я, тут все мы поняли, что это настоящий солдат, что ему победа наших войск дороже собственной жизни. Мы ответили, что фашистов сбили с позиций, что они бегут на всем этом участке фронта. И это была правда. Наши войска действительно преследовали фашистов. Мы видели, как наши солдаты прикладами автоматов, саперными лопатками и ножами (подарок уральцам-добровольцам от трудящихся Златоуста) уничтожали фашистов в рукопашном бою.

Рассказали солдату об этом, а тут как раз и пленных немцев ведут. Сгорбившиеся, съехившиеся от страха, они уныло плелись по дороге. Очень хорошо помню, как раненый солдат приподнялся на локте, пристально посмотрел на пленных и усмехнулся. Он был доволен, к нему пришло фронтовое счастье: он увидел побежденного врага.

После этого мне пришлось участвовать во многих боях, порой смотреть смерти в лицо, но память упорно сохраняет именно вот эти впечатления от первых дней пребывания на фронте и неизвестного солдата, которого мы спасли.

И еще хорошо помню бои в Каменец-Подольске...

Ворвались мы в него в конце марта 1944 года, проделав по бездорожью марш в несколько десятков километров. Ох и тяжелы были эти километры!

Представьте себе дорогу, утопающую в грязи... Жирной и такой вязкой, что сапоги с ног стаскивает. Движение по ней — одно мученье. А мы шли, преследовали врага! Сейчас даже удивление берет: как это может солдат совершить такой переход по грязюке? Выходит, что может, раз мы совершили.

Должен прямо сказать, что марш был хорошо организован нашими командирами. И что главное — мы внезапно ударили по врагу с тыла.

Под утро, когда до Каменец-Подольска было рукой подать, машина, которую я вел, чуть не врезалась в хвост какой-то автоколонны. Чтобы выяснить обстановку, мы с Мыльниковым отправились в разведку. И оказалось, что впереди нас была большая колонна немецких автомашин. Вокруг нее полно немцев, и все они суетятся, возятся около головных машин, а что именно делают — неясно.

Доложили о своих наблюдениях командиру. Он решил накрыть колонну минометным огнем. Пока мы развешивались для боя, впереди загремели взрывы. Это немцы сами уничтожали свою колонну. Видимо, они убедились, что по такой грязи машинам все равно не пройти.

Положение у немцев, прямо скажу, было аховое: мы обошли город с запада и внезапно навалились на них, а тут еще и основные силы нашего фронта наступают с востока. Не выдержали гитлеровцы, драпанули.

Трофеев столько, что трудно сразу перечислить. Повсюду автомашины с техникой и продовольствием, везде валяются фашистское оружие и боеприпасы.

Особенно обрадовались мы оружию и боеприпасам. Дело в том, что, оторвавшись от своих тылов, мы остались почти без мин и патронов, и немецкие автоматы, пулеметы, минометы и боеприпасы нам пришлось кстати. Вскоре немцы опомнились. Они поняли, что в город ворвалась небольшая часть советских войск, и пошли в контратаку. Мы встретили их огнем из их же оружия и заставили умерить пыл. Начался затяжной бой за Каменец-Подольск. Получилась довольно-таки интересная картина: мы сидим в немецком окружении, а они в свою очередь окружены нашими войсками. Но нам было не легко: немцы основательно долбили из минометов, обстреливали из орудий, не жалели бомб, то и дело бросались в контратаки.

Примерно на третий день нашего сидения в обороне пошел я на кухню за обедом. Там вдруг появился на мотоцикле незнакомый офицер и крикнул, не слезая с седла:

— Товарищи! Фашисты прорываются к вокзалу! Скорее туда!

Около кухни не было никого старше меня по званию, и я решил принять командование, крикнул бойцам:

— За мной, к вокзалу!

До станции было метров пятьсот. Мы мчались вихрем, и вот уже и вокзал. Прежде всего осматриваюсь, где противник. Вижу, немцы осторожничают, делают короткие перебежки и падают на землю. Видно, не поймут: почему русские не открывают по ним огня? Невдомек им, что до нас здесь не было ни одного солдата.

На путях шесть эшелонов. Четыре из них с танками. Так вот почему фашисты так стремятся сюда! Они намереваются пустить танки в бой!

Солдаты, что пошли со мной на вокзал, все были обстрелянными фронтовиками. Они и без моей команды уже забрались под фашистские танки, приготовились к бою, а пока затаились, выжидали момент.

Станцию атаковали примерно 60—80 фашистских солдат. А нас было только тринадцать. Терпеливо выжидаем, когда немцы подойдут поближе, чтобы сразу нанести им уничтожающий удар.

Наконец до фашистов осталось метров сто, не больше. Тут враз мы и ударили изо всех видов оружия. Патронов не жалели: стреляли из немецких винтовок и автоматов, а патроны к ним везде валялись. Только нагнись — и сразу наберешь на день хорошего боя.

Наш огонь был неожиданным, разящим. Гитлеровцы недосчитались многих и бросились назад. Однако мы понимали, что враг отступил временно, что он скоро нападет на нас снова, теперь уже большими силами, засыплет станцию минами. Что же делать? Ведь у меня только тринадцать человек. Черт его знает, сколько фашистов сейчас полезет на нас!

Лично для меня вот эти несколько минут передышки были самыми тяжелыми. Ведь я командовал группой бойцов, должен был принять решение, от которого зависел исход боя за станцию. Не знаю, что бы я решил, если бы случайно не посмотрел на товарищей. Они передышку использовали для сбора трофейного оружия; часть залегла под танками, а другие ползали по-пластунски и собирали пулеметы, автоматы и все прочее, чтобы дать плотный огонь. Впереди этих солдат я и увидел противотанковый ров. До него от станционных путей было метров пятьдесят. А что, если перебраться туда?

Поделиться замыслом с товарищами, те одобрили, и мы быстренько переползли в тот ров. Сделано это было своевременно: скоро на станционных путях начали рваться мины, к нам залетали лишь шальные осколки, но и то один из них ранил нашего химинструктора Аксакова. Осталось нас двенадцать. А тут и немцы снова пошли в атаку. Мы их так встретили, что они наверняка посчитали нас минимум за полную роту и отступили, залегли.

Трое суток держали мы оборону станции. Мне удалось установить постоянную связь с командным пунктом полка, и по нашему требованию минометные батареи открывали своевременный и точный огонь, который прижимал немцев к земле, заставлял вновь забираться в свои норы.

Окончились бои за Каменец-Подольск. Мы вернулись в свои подразделения, и тут нас ждала огромная радость: командование за бой на станции представило нас к правительственным наградам. Я был награжден орденом Славы III степени.

Из Каменец-Подольска наш полк двинулся в район Белополья. И опять было бездорожье, наши кухни и продсклад безнадежно отстали. Мы оказались, как говорится, на «подножном корму». Меня это не особенно смущало, так как трофейная машина с продовольствием, которую я облюбовал еще в первый день нашего вступления в Каменец-Подольск, шла с нашим взводом. И вот на одном из коротких привалов я начал выдавать своим бойцам галеты и консервы. Так увлекся раздачей, что не заметил, как подошел капитан Бутырин. И вдруг слышу над ухом:

— Старший сержант Шалагинов, ты чем торгуешь?

Я, конечно, доложил ему, что кормлю солдат трофейными продуктами. Докладываю, а сам думаю: «Как-то взглянет на это капитан?» Он был строгий в отношении всяких трофеев. И вообще в нашем минометном добровольческом полку не поощряли своеволия.

Капитан выслушал меня, влез в кузов и тут же «снял остатки». Тогда шутя говорю ему:

— Вы, товарищ капитан, незаконно производите ревизию, без членов ревизионной комиссии, единолично.

А он вполне серьезно отвечает:

— И вовсе не один. Ты тоже член ревизионной комиссии. Сам понимаешь, что сейчас война и всех членов выбирать да собирать некогда... А теперь слушай приказ. Назначаю тебя начальником этого продсклада. Будешь кормить весь личный состав дивизиона до тех пор, пока чисто в кузове не станет.

Дело солдатское известное: ответил «есть!» и стал «начальником» трофейного продовольственного «склада». В этой «высокой должности» пробыл три дня. За это время, разумеется, опустел мой «склад», но зато личный состав дивизиона был сыт. Среди солдат нашлись и пекарь, и повара. Пока тылы не догнали полковую колонну, жили мы сравнительно лучше других подразделений.

После Каменец-Подольска были сражения и за другие города и населенные пункты. Много их, этих боев было, о всех не расскажешь. Были бои «запланированные», были и «внеплановые», разгоравшиеся внезапно. Один такой «внеплановый» бой начался из-за моей ошибки.

Кончилось бездорожье — это первая радость. А тут еще наш взвод после боя выделили на охрану железной дороги. Значит — короткий отдых. Две радости и сразу! А много ли солдату нужно?

Стоим, охраняем дорогу и наслаждаемся погожими деньками и отдыхом. Вдруг прибегает наш солдат и говорит мне, что в домик, который стоит около самого леса, вошло пятеро немцев.

— Захватим «языка»? — соблазняет солдат.

Мне и самому пришла эта мысль. Во взглядах товарищей прочел то же самое желание.

Спросил у командира разрешение и ушел к домику с десятью солдатами. Считал, что таких сил вполне достаточно, чтобы выполнить задуманное.

Подошли мы к домику, окружили его, а тут из леса и стеганули по нам немцы из автоматов. Камнем бросились на землю, заняли оборону. Лежим, отстреливаемся.

Вскоре осмелели немцы, пошли в атаку. Оказывается, на опушке их было человек пятьдесят. А тут, как назло, вдруг захлебнулся наш пулемет и кричит командир пулеметного расчета:

— Заело, товарищ старший сержант!

Дело в том, что пользовались мы трофейным оружием. Командовал пулеметным расчетом молодой солдат, он еще не освоил немецкий пулемет.

Ползу, тороплюсь, а у самого кошки скребут на сердце: не подумают ли обо мне товарищи плохо? Не дрогнут ли? Ведь только дрогнут — всем верная смерть.

Ничего, выдержали ребята. Неисправность у пулемета оказалась пустяковая, я ее быстро устранил и сразу «подарил» гитлеровцам длинную очередь. Она точно пришлась по цепочке атакующих. А вскоре к нам и подкрепление пришло, и с группой немцев было покончено.

В историю нашего минометного полка этот бой, возможно, и не записан, так как слишком мал, ничтожен, а для меня он стал хорошим уроком: понял я, что допустил две ошибки. Во-первых, даже не попытался узнать, сколько немцев возле домика, во-вторых, пока подкрадывались к нему, плохо вел наблюдение. Вот и получилось, не заметил, как те пять немцев вышли из домика и хлестанули по нам из автоматов.

* * *

Вот так, в боях и походах, шла жизнь добровольцев-минометчиков. У всех нас было одно стремление: как можно скорее освободить нашу землю от фашистских захватчиков и с честью выполнить наказ земляков.

Литературная запись Олега Селянкина

П. И. Шумихин - МЫ — УРАЛЬЦЫ

Павел Иванович Шумихин родился в 1918 году в Кировской области. В начале Великой Отечественной войны работал слесарем Пермского завода имени Дзержинского. В марте 1943 года ушел добровольно в ряды Советской Армии и служил в 299-м гвардейском минометном полку до конца войны в должности разведчика минометной батареи. Рядовой П. И. Шумихин награжден орденами Славы II и III степеней, двумя орденами Красной Звезды и четырьмя медалями. В настоящее время он — начальник отдела инкассации Пермской областной конторы госбанка.

Отвоевались мы и перешли на мирное положение. Полк наш минометный в Венгрии расквартировался. Офицеры начали с солдатами занятия проводить. Больше всего нас интересовала политическая учеба, потому что на этих занятиях нам рассказывали и об итогах войны, и о текущем политическом моменте, и об истории нашей четвертой танковой армии и еще о многом другом, что должен знать солдат.

До сих пор хранятся у меня записи тех политзанятий. Пожелтевшие от времени листки, исписанные карандашом. Пусть и краткие это записи, но как возьму их, сразу же вспоминаю бои и походы. В этих записях изложена как бы вся родословная нашей четвертой танковой армии, ее боевой путь, а стало быть, и боевой путь Уральского добровольческого танкового корпуса и его 299-го гвардейского минометного полка.

Наша четвертая танковая армия под командованием генерал-лейтенанта Баданова в июле 1943 года вступила в сражение на знаменитой Курской дуге.

В состав армии входили Уральский добровольческий танковый корпус и еще механизированный корпус, который был сформирован на базе стрелковой дивизии. А части той дивизии в довоенные годы стояли на Урале. В памятном нам тридцать девятом году эта дивизия участвовала в боях на Халхин-Голе, а как началась Великая Отечественная война, она сражалась под Москвой. Вот и получается, что основные силы четвертой танковой армии своей историей связаны с родным Уралом.

Читаю сейчас записи с политических занятий, снова и снова переживаю чувство гордости за нашу танковую армию, за Уральский добровольческий танковый корпус и, конечно, наш родной минометный полк. Это в честь войск нашей армии в Москве прозвучал первый артиллерийский салют. Это она вместе с другими армиями громила фашистов на Курской дуге, освобождала Тернополь и Львов, а затем гнала гитлеровцев с земли братской Польши. Это мы, солдаты четвертой танковой, брали Потсдам и Бранденбург, вместе с войсками других фронтов штурмовали Берлин, а затем совершили легендарный бросок к границам братской Чехословакии и спасли Злату Прагу от гибели. За два года войны армия прошла более пяти тысяч километров, из них добрую половину с боями.

С интересом смотрю я теперь на многозначные цифры в записях. Это сведения об уничтоженных танках, орудиях, минометах, автомашинах и прочей боевой технике, о количестве убитых и плененных вражеских солдат и офицеров. Боевой счет этот вполне соответствовал нашему высокому гвардейскому званию. Ратный труд наш высоко оценен Родиной: на знаменах частей армии засияли боевые ордена, части и соединения носят почетные наименования городов, в боях за освобождение которых особенно отличились. Более тридцати тысяч воинов удостоены орденов и медалей. Девяносто двум храбрейшим из храбрых присвоено звание Героев Советского Союза.

Еще хочется из моих записей привести такие цифры: за два года в партию в нашей танковой армии вступили более семнадцати тысяч, а в комсомол — более девяти с половиной тысяч воинов. «Хочу в бой идти коммунистом». Эти слова встречались в каждом поданном заявлении. И тяга воинов в ряды партии была велика потому, что она, ленинская партия — родная и близкая. Она подняла весь народ на Отечественную войну — войну справедливую, за честь и свободу любимой Отчизны.

Ну, а теперь расскажу, как я попал в минометный полк, как воевал.

Семья наша большая. Кроме меня, есть еще братья Александр, Иван, Григорий, сестры Лидия, Татьяна, Раиса. Отец воевал с немцами в первую мировую войну, а затем сражался на фронтах гражданской войны с беляками.

Когда разразилась война с гитлеровской Германией, не было в нашем городе ни одной семьи, которая бы не отправила своих сыновей на фронт. Это и понятно: мы защищали от лютого врага свой родной дом, Родину советскую. Работал я в то время на заводе имени Дзержинского. Трудились самоотверженно, помогали фронту всем чем могли. Но мне было не по себе. «Нас в семье столько мужчин, а в армию ни один не призван. Ты же кандидат партии и твое место на фронте», — размышлял я. Эти же мысли беспокоили и брата Ивана. Он уже тогда был членом партии, работал слесарем-лекальщиком на одном со мной заводе. И как только мы узнали, что можно вступить добровольцами в формировавшийся на Урале танковый корпус, мы сразу же обратились с заявлениями в военкомат.

— Желаем вместе пойти на фронт, быть в одной части, — объяснили мы в военкомате.

Только получилось не так, как мы хотели. В армию Ивана не взяли, сказали, что такой специалист, как он, заводу позарез нужен. Состоялся у нас семейный совет. Отец и говорит:

— Ну что ж, Павел, придется тебе одному из семьи идти на фронт и воевать за всех братьев да и за меня, потому как стар я для этого дела.

Зачислили меня в минометный полк, определили разведчиком в третью батарею. Поступил я под начало лейтенанта Можарова. Помню, 29 марта 1943 года прибыли мы в лагерь.

Собралось здесь много пермяков, много было знакомых, с нашего завода. Первым делом нас обмундировали. Офицеры сказали, что и сапоги, и прочая одежда солдатская приобретена трудящимися области на собранные в фонд обороны страны средства. Между прочим, сапоги были очень добротно сделаны, на кожаной подошве. Мы шутили:

— В таких сапогах можно до самого Берлина дойти. Сдюжат!

И верно, многие солдаты батареи, в том числе и я, дошли до столицы Германии в этих сапогах.

В лагерях мы постигали все тонкости минометного дела. Мы, разведчики, изучали устройство оптических приборов, учились вести наблюдение с помощью стереотрубы и бинокля, готовить данные для открытия огня и так далее.

Дело у нас шло хорошо. Много помогал нам старший сержант Симков. Он был с нашего же завода. С командирскими обязанностями он освоился очень быстро.

Первого мая 1943 года, помню, принимали военную присягу, скрепили ее личной подписью.

...Клянусь защищать мою Родину мужественно и умело, с честью и достоинством, не щадя своей крови и самой жизни, до полной победы над врагами...

До полной победы над врагами... С этой мыслью мы вступили в первый бой в дни великой Курской битвы. Видно, с делом справились неплохо. После битвы этой пришел приказ именовать нас гвардией.

И, конечно, запомнился мне первый бой. Началось с артподготовки. Минометчики в ней тоже участвовали. А потом танки и мотострелки прорвали оборону фашистов. Мы начали менять огневые позиции. Двигаемся по дороге, а через наши головы снаряды вражеские несутся со свистом. Километрах в двух село, а в нем — церковь. Ясное дело, что на колокольне наблюдательный пункт немецких артиллеристов.

Команда «к бою», и батарея наша быстро заняла огневую в овражке. Разведчики проскочили вперед, на гребень, чтобы лучше наблюдать. А гитлеровцы нас заметили, огонь усилили. Хорошо, что танкисты подоспели. И тоже сразу поняли, что на колокольне вражеский НП. С ходу танки вступили в бой, накрыли церковь своим огнем.

Волнуюсь я, смотрю за полем боя в стереотрубу. «Не допустить бы промашки», — думаю. Вижу, пулемет бьет по нашим автоматчикам. Залегли они. Говорю командиру отделения разведки Симкову: «Ориентир такой-то. Правее столько-то. Пулемет». Проверил он, и верно: пулемет вражеский. Рядом с нами командир батареи был. Сразу же передал на огневую установки прицела, и мины накрыли цель.

Вдруг связь с огневой прекратилась. Отделенный послал солдата проверить линию. Не возвратился он. Еще двух послал, и они погибли.

— Тебе идти, Шумихин, — говорит мне старший сержант.

— Разрешите, — говорю ему, — новую линию навести. Наверное, старая перебита в нескольких местах.

Согласился он. С катушкой за спиной пополз я на огневую. Как я сумел проскочить через простреливаемый участок, сейчас и не помню. Но мне удалось восстановить связь. Батарея вновь открыла огонь. При нашей поддержке автоматчики взяли село. За этот первый бой награду мне дали — медаль «За отвагу». Память на всю жизнь.

В боях всякое бывало. Иной раз минометчики превращались в пехотинцев. Конечно, не в полном смысле этого слова. Но действовать «по-пехотному» приходилось много раз. Автомат в руки — и пошли то отбивать наступающих гитлеровцев, то сами пробиваться вперед.

Помню, дело было возле Львова. Оказались мы далеко впереди стрелковых частей. Дорога шла по лесу, а к нему прилегало поле. Рожь стояла высокая, густая. Гитлеровцы воспользовались этим и совсем близко подкрались к нам, ударили из автоматов. Их было не так уж много. Видно, больше рассчитывали взять нас на испуг. Только мы не из пугливых были. В одно мгновение бросились минометчики в штыковую атаку. Кричим «ура» и бьем из автоматов. Немцы не выдержали, стали разбегаться кто куда.

С сержантом Канашиным мы рядом оказались. Видим, впереди нас офицер пятками сверкает. Бежит, бежит, немного приостановится и через плечо из автомата выпустит очередь. Так, не целясь, для остротки, а может, для своего же успокоения. Догнали мы того офицера и скрутили. Ценная, должно быть, «птица» была. Орденом Славы III степени наградили меня за этот бой.

Иногда гитлеровцы доставляли нам удовольствие вдоволь посмеяться. Вот, помнится, когда мы обосновались на Висленском плацдарме, немцы забросали нас листовками. Чего только не понаписали они в тех листовках: сулили чуть ли не райскую жизнь, только, мол, переходите на их сторону. «Не забудьте прихватить с собой ложку и котелок», «гарантируем вам хорошую жизнь». И тут же рядом угроза: «Потопим вас в Висле». Вот над этими глупыми листовками мы и смеялись.

Между прочим, как раз в это время на командный пункт полка на самолете — «кукурузнике», как его звали фронтовики, прилетел летчик. Осмотрел он поле боя в стереотрубу и давай по радиации своим летчикам команды передавать. Слышал и видел я это сам. Эскадрилья за эскадрилей как начали штурмовать фашистов, так вся земля вздыбилась. После этого гитлеровцы больше уже не страшили утопить нас в Висле. Началось новое наступление советских войск, и очень хорошо для этого пригодился наш Висленский плацдарм.

Двинулись мы на запад, вскоре оказались на Одере. Радовались, что, вступаем в неметчину, что выпала нам честь великая добить фашиста-изверга. Лютой ненавистью к гитлеровцам пылали наши сердца. Эта ненависть еще больше распалилась, когда мы при взятии Луккен-вальде освободили несколько тысяч советских воинов, томившихся в концлагере и испытывавших там все муки ада. Много в том лагере было летчиков, танкистов, артиллеристов.

Слезы радости на глазах, обнимают нас, целуют. И у нас от их вида слезы выжимает, комок к горлу подкатывается. Многие освобожденные просили нас взять их в бой. Но куда там! Изможденные, еле-еле на ногах держатся. Пообещали мы, что за все их муки сполна расквитаемся с фашистами. Когда расставались с бывшими узниками, то все свои запасы из походных вещмешков им пошли. И провиант, и табачок, и кое-что покрепче в «энзе» в то время у нас водилось.

...Без малого два года пришлось мне воевать и все в разведчиках на батарее был. А покончили мы с фашистами, снова возвратился к мирному труду. С супругой Любовью Васильевной (она на заводе Дзержинского работает) сына и дочь воспитываем. Вовка пятиклассник, да и старшая Люда частенько просят: расскажи о войне. Рассказы эти, бывает, затягиваются надолго. Пусть дети наши знают, какой ценой добыта победа. Пусть растут достойной нам сменой.

Литературная запись Д. Глушкова.

П. В. Болотов - ОДИН БОЙ

Петр Васильевич Болотов родился в 1909 году в Перми. Член КПСС с 1938 года. До войны и в первые ее годы работал на Пермском заводе имени В. И. Ленина вначале токарем, а потом старшим мастером. В марте 1943 года добровольно вступил в 299-й минометный полк и служил в нем до конца войны в должности командира отделения связи. Одновременно являлся парторгом батареи, входил также в состав партийных бюро 1-го дивизиона и полка. Сержант П. В. Болотов награжден орденами Славы III степени, Красной Звезды, четырьмя медалями. После демобилизации из рядов Советской Армии вновь работал на заводе имени В. И. Ленина токарем-лекальщиком, начальником отделения цеха, инженером-технологом. В 1962 году по инвалидности вышел на пенсию.

Наши машины на большой скорости проскочили деревню и тут же свернули с шоссе на открытое поле, Первым вышел из кабины командир батареи. Оглядевшись вокруг и сверив местность с картой, он подал команду:

— Огневые позиции — в сосняке. Машины — на восточную опушку леса.

Так летним днем 1944 года наш минометный полк, действуя в составе танкового корпуса, проскочил в тыл фашистских войск. Тогда большую и

ответственную задачу возложили на нас, минометчиков. По шоссе, с которого мы свернули, должны двигаться отступающие части противника. Наша задача — огнем преградить выход врагу.

— Помните, гвардейцы, от нас будет зависеть исход боя. Стоять мы будем насмерть, но не дадим пробиться гитлеровцам на запад. — Так сказал тогда командир полка гвардии подполковник Зыль.

Обстановка, в какой мы в последнее время вели бои, была очень сложной. Встречи с противником возникали неожиданно, и часто приходилось вести бои прямо с ходу, даже не подготовив как следует огневых позиций и наблюдательных пунктов.

Вот и сейчас минометные расчеты сразу же взялись за лопаты. Я же вместе с разведчиками и связистами Сухановым, Кочергиным, Хачхоисевым и пятью огневиками, которых к нам присоединили на всякий случай, отправились вперед, чтобы выбрать место для наблюдательного пункта дивизиона, а затем от него проложить линию связи на батареи.

Было тихо. По-летнему тепло светило солнце, щебетали птицы. В тишину этого яркого летнего дня изредка врываются глухие разрывы артиллерийских снарядов. Они доносились откуда-то с востока.

Осторожно входим в лесок, осматриваемся. Кругом тишина. И вдруг автоматные очереди. Мы бросаемся на землю. Вокруг нас свист пуль. Автоматы бьют все сильнее и сильнее. Теперь мы видим фашистов. Их много. Это егеря — отборные солдаты фашистской Германии.

У каждого из нас по две гранаты и по двадцать пять патронов. Этого явно недостаточно для продолжительного боя. Не могли нас поддержать и минометные расчеты. Ведь батареи еще не готовы к открытию огня. А фашисты наседали. Мы берегли каждый патрон. Били только наверняка и медленно отходили. Вот и огневые.

Перестрелку в лесу, конечно, слышали в дивизионе, и минометчики взялись за автоматы.

— Будем биться до последнего, — отдал приказ командир батареи Можаров.

Нас было всего семьдесят пять человек. Это почти в три раза меньше, чем егерей. И мы бились, экономя каждый патрон. На яростный огонь противника отвечали лишь редкими выстрелами.

Вскоре по цепи начали передаваться от одного к другому слова:

— Патронов нет. Патронов нет.

А фашисты подходили все ближе и ближе. Мы видели, как они медленно сжимали кольцо вокруг нас, а нам нечем было отвечать на их огонь. Я глянул на Можарова. О чем он сейчас думает? Каково будет его решение? Вдруг он выхватил нож, поднялся во весь рост и зычно крикнул:

— Добровольцы, вперед!

Все как один мы вскочили, и в лучах солнца засверкали златоустовские ножи.

— Шварц мессер! Шварц мессер! (Черные ножи! Черные ножи!)—понесся крик в цепи фашистов. Они хорошо знали по предыдущим боям, как действуют советские солдаты в рукопашной схватке, пустив в дело ножи-финки. И сейчас мы пустили в ход ножи, кирки, лопаты, приклады автоматов и карабинов.

Нам было не легко. Семьдесят сражались почти против двухсот. Вот падает командир батареи. К нему спешит на помощь медицинская сестра Катя Баранова. Она то ползет по-пластунски, то вновь вскакивает и короткими перебежками приближается к командиру батареи. Фашисты видят ее. Раздается короткая автоматная очередь. Пуля обжигает плечо девушки.

До офицера осталось пятнадцать-двадцать шагов. Там воронка. Затащить его туда и перевязать. И мы видим, как Катя Баранова в несколько прыжков оказалась возле капитана. В тот же миг раздается очередь, но девушка успевает стащить капитана в воронку.

Из-за дерева показались два фашиста. Они совсем рядом и вот-вот схватят командира и медсестру.

— Прочь! — крикнула Катя и одну за другой бросила в егерей гранаты. Она быстро перевязала Можарова и потеряла сознание.

Вдруг до нас донесся возглас:

— Вперед, гвардейцы!

В тылу фашистов загремели выстрелы. Это нам на выручку спешили минометчики соседнего дивизиона. Мы победили.

Литературная запись С. Мокроусова

А. Д. Лёвкин - ТАК СРАЖАЛИСЬ КОММУНИСТЫ

Алексей Дмитриевич Лёвкин родился в 1911 году в Пермской области. Член КПСС с 1939 года. С 1938 года работал на Пермском заводе имени В. И. Ленина вначале фрезеровщиком, а затем мастером. В марте 1943 года зачислен добровольцем в состав 299-го минометного полка и служил в нем до конца боев в должности командира минометного расчета. С 1944 года и до демобилизации был парторгом батареи. Сержант

А. Д. Лёвкин награжден орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, Славы III степени и четырьмя медалями. В настоящее время он — начальник инструментального бюро цеха завода имени В. И. Ленина.

Летом 1945 года наш минометный полк стоял в небольшом венгерском

городке. Отгремела война, налаживалась мирная жизнь. Фронтовики готовились к демобилизации. Из Перми шли письма. Нас ждали семьи, ждали на заводах. Бои и походы — все это теперь было уже в прошлом.

Оно, это прошлое, было бесконечно дорого: боевая жизнь сроднила всех нас. И, очевидно, поэтому мы подолгу рассматривали и вели беседы у карты-схемы боевого пути гвардейского полка. Искусные руки художника запечатлели этот нелегкий путь славы минометчиков. Не помню, кому пришла мысль сфотографировать карту и вручить фотоснимок каждому минометчику. И стал этот снимок самой дорогой фронтовой реликвией.

Минуло почти два десятилетия с тех дней. Время посеребрило головы гвардейцев. Теперь их сыновья, а то и внуки служат в Советской Армии, выполняют воинский долг. Встретятся друзья-однополчане, ветераны минометного, доставнут дорогой сердцу фотоснимок, не отрывая глаз от карты, мысленно пройдут по фронтовым путям-дорогам, вспомнят о боях, товарищах.

Боевой путь нашего полка начался на Урале, а закончился далеко за рубежом родной страны. Много пройдено и много пережито на этом пути, всякое бывало, но одно было неизменным — всегда впереди были коммунисты, люди, которые и в полку, и в дивизионах, и в батареях говорили так: «Мы за все в ответе».

...Шел сорок третий год. Пермь трудилась по-фронтовому. Семья заводов необычайно выросла: на время войны к нам перебазировались заводы с запада страны. Бурлило соревнование между заводскими коллективами. Тон задавал старейший — имени В. И. Ленина. Многие цехи, смены, бригады самоотверженным трудом завоевали право называться почетным именем — фронтовые. Запевалами соревнования выступали коммунисты и комсомольцы. «Все для фронта, все для победы!» — под этим девизом трудились стар и млад. Трудились не считая часов, порой не уходили из цехов сутками, а чуть передохнув, шли в батальон народного ополчения, учились ратному делу. Но как бы ты ни работал хорошо, всегда казалось, что твое место там, на фронте, в боевых порядках. Многие писали заявления о посылке на фронт, но их возвращали с неизменной пометкой: «Нужен здесь».

Труженики Урала на свои средства снаряжают танковый корпус: дают танки, пушки, минометы, оружие, снаряжение, обмундирование. Корпус — добровольческий. Задерживать добровольцев на заводах не будут. Молнией облетела эта приятная весть города и села области. На каждое место претендовали десятки коммунистов, комсомольцев и беспартийных. Шел тщательный отбор. У меня за плечами было три года военной службы, к тому же в батальоне народного ополчения я выполнял обязанности политрука. Не скрою, очень волновался: «Возьмут ли?»

В области, наряду с танковой бригадой, формировался полк тяжелых минометов. В этот полк с нашего завода посылали значительную группу добровольцев. Мне было хорошо известно оружие пехотинца: винтовка, пулемет, граната. А тут — тяжелый миномет. Мы с мастером Михаилом Мацутой долго не раздумывали и дали согласие в минометный. Нас сразу же зачислили в учебную батарею. Пошли недели напряженной учебы и тренировок, и вот мы сержанты. Нас с Михаилом направили в третью батарею. Меня командиром третьего расчета, Мацуту — четвертого.

— Будем, Алексей, соревноваться? — спросил он меня.

— А как же?! Как и прежде, будем, Михаил, соревноваться.

Третий минометный расчет. Сдружились мы с первых же дней. А иначе и не могло быть, ведь мы все коммунисты и комсомольцы. Наводчик — Николай Ощепков, заряжающий — Зарип Зарипов, подносчики мин — еще один Николай Ощепков, затем однофамильцы Шуйские Олег и Иван. В учебе расчет добивался слаженности, взаимозаменяемости. Трудились не жалея пота.

— В минометном деле, — говорил нам командир батареи Мощный, — решают доли секунды.

Все делали мы как в бою, и это пригодилось на фронте. Минометная установка тяжелая, весит не менее полутонны, перевозят ее автомашиной-тягачом. Вначале у нас не было специального прицепа, и приходилось миномет в разобранном виде тащить на огневую позицию на руках. Много тренировались в изготовке к бою. Между расчетами шло соревнование: кто быстрее сможет собрать минометную установку, определиться по заданным ориентирам, отрыть окопчики и так далее. Не раз мы добрым словом вспоминали мотовилихинцев, снабдивших нас отличными лопатами.

Боевое крещение пермяки-минометчики приняли в Курской битве. Стояли мы в июне 1943 года под Москвой, в резерве Ставки, настойчиво готовились к боям. Офицеры рассказывали нам о фронтовых делах, о том, что за Курском идет танковое побоище. В любой час мы ждали боевой приказ. И вот — боевая тревога! Минометный полк быстро снялся и в составе Уральского добровольческого танкового корпуса ушел на фронт. Душной июльской ночью, после долгого марша, за селом Кулики наша батарея заняла огневые позиции. Командир батареи собрал нас, командиров расчетов, рассказал:

— Мы, товарищи, участвуем в артиллерийском наступлении. Планируется самая высокая плотность огня — пять мин на квадратный метр. После мощного огня наш корпус войдет в прорыв...

Настал и наш черед вступить в дело. В ту памятную ночь перед боем никто глаз не смыкал на батарею. Все расчеты были возле минометов. Мы, коммунисты, рассказали солдатам о предстоящей задаче. Настроение у всех было боевое.

И вот Николай Ощепков опустил в ствол первую мину... Началось! Стоял сплошной грохот. Три боекомплекта выпустил наш минометный расчет. Это около двухсот тяжелых мин. Погрузив минометы на машины, наша батарея устремилась за танками вперед, в прорыв. Минометчики поддерживали огнем мотопехоту, танкистов.

Злынь, 6 августа. Немецкие корректировщики, забравшись на колокольню Злыньской церкви, навели на наши

огневые позиции «раму» — так называли мы самолет-разведчик «фокке-вульф». И вот двое суток, с 9 часов утра до 10 вечера, точно через каждые 30 минут, налетали немецкие самолеты, по 40—50 штук, и бомбили, а штурмовики, снижаясь до бреющего, вели огонь из пулеметов. Не дрогнули пермские минометчики! Укрыв технику, вели огонь из пулеметов и винтовок. Записали минометчики на свой счет сбитый ими вражеский самолет.

Москва салютовала советским войскам — победителям в тяжелейшей Курской битве. В приказе Верховного Главнокомандования упоминался и наш Уральский танковый добровольческий.

После Курской битвы наш полк долго стоял в Брянском лесу: совершенствовались, изучали теперь уже свой собственный боевой опыт, готовились к новым сражениям и ждали их с нетерпением. Новые заботы выпали на мою долю. Мне оказали большое доверие: я назначен парторгом батареи. Нашу третью батарею можно было считать коммунистической. Из всего личного состава подразделения только десять не были членами и кандидатами партии. Да и они говорили в беседах так: «Если мы погибнем в бою, считайте нас, товарищ парторг, коммунистами».

Расчетами командовали члены партии. Первым — Юрий Голиков, из москвичей, но считал себя пермяком. Он работал на одном из пермских заводов, с него и ушел добровольцем на фронт. Вторым расчетом командовал Алексей Ломанов из Соликамска. Третий расчет — мой, а четвертым командовал товарищ по заводу и партийной организации Михаил Мацута. Все минометные расчеты нашей батареи соревновались между собой, действовали слаженно. Тон в боевом соревновании задавали коммунисты. Конечно, расчет, который возглавлял парторг батареи, старался не уступить первенства. Добивались мастерства в инженерном оборудовании огневой позиции, учились с первой мины накрывать цель, осваивали смежные специальности, чтобы была взаимозаменяемость номеров. Тренировками довели темп стрельбы до шестнадцати мин в минуту!

Ведешь, бывало, огонь и видишь, как, разрезая воздух, уходит мина за миной. Интервал меньше пяти секунд! Держишь ладонь на плите и по отдаче чувствуешь — мина вырвалась из ствола, и подаешь уже новую команду. Ствол миномета раскален. Жара! Стоишь словно возле клетки в цехе горячей прокатки.

С гордостью носили мы на солдатской гимнастерке почетный значок «Отличный минометчик» — свидетельство боевого солдатского мастерства.

Партийная организация батареи заботилась о том, чтобы каждый коммунист удостоился звания «Отличный минометчик». Партийцы помогали друг другу, бывало, и критиковали, если в чем-либо замечали промашку. До всего было дело партийной организации батареи, за все она была в ответе. И чтобы минометы были в образцовом порядке, и боекомплект полным и в готовности, и чтобы кухня в любой обстановке поспевала вовремя. А главное, конечно, заботились о боевом настроении. Что пишут солдату из дому, какая у него нужда, о чем беспокойство. Полк был гвардейским, это обязывало ко многому.

Народ у нас был в полку хороший. В бою держались стойко. Когда туго приходилось, то брались за автоматы, смело шли врукопашную. Вспоминаю наводчика Николая Ощепкова, мы звали его Ощепков-первый. Рослый, сильный, чернявый парень. Он не знал усталости. Нужно перейти на новую позицию — схватит Николай ствол и тащит один. Отличный наводчик, он хорошо владел и пулеметом, и противотанковым ружьем, и автоматом. Умел действовать и трофейным оружием. Приходилось минометчикам драться с врагом и по-пехотному. Нельзя вести огонь из миномета, слишком сблизился с противником, вот и бьешься с ним автоматом, а то и врукопашную идешь. Так сложился, например, бой недалеко от Берлина.

Схлестнулись мы с гитлеровцами в ближнем бою. Оставили минометы под надежной охраной, а сами двинулись на фашистов. Николай Ощепков сначала стрелял из противотанкового ружья, а потом из автомата. Двенадцать гитлеровцев уложил он, но и сам был смертельно ранен. Очень горевали мы о Николае. Привез я с фронта его отца, рабочему заводу имени Орджоникидзе, Павлу Ощепкову, последний сыновний привет и посмертную награду на вечное хранение — орден Отечественной войны I степени.

Доволен был наш расчет водителем автомашины коммунистом Петром Вохминым. Водил он ее бесшумно, с расчетом прошел от Перми до Праги. Подбросит он миномет как можно ближе к огневой позиции, отведет машину, но так, чтобы быть под рукой у расчета. Отлично Вохмин выполнял свои солдатские обязанности и содержал машину в боевой готовности. Уже за Прагой, когда наша батарея участвовала в ликвидации немецкой группировки, Петр Вохмин был ранен в голову. Хотя и серьезное ранение, но не расстался с баранкой. Сидит наш Петр в кабине, голова забинтована, но глаза смотрят весело.

Вся батарея переживала гибель Михаила Мацуты, командира четвертого расчета. Тяжело сложился тот бой. Всем составом батареи мы вели интенсивный огонь. Новый командир приказал двум расчетам сменить огневые позиции. У нас было в таком случае правило: два расчета увеличивают темп огня, как бы работают за другие два расчета. На какую-то долю секунды задержалась в стволе мина, а заряжающий опустил вторую. Разорвало ствол, и командир расчета погиб. Михаила Мацуту любили в батарее. Умел он владеть сердцами товарищей, для каждого находил слово, показывал пример, поддерживал в бою. В батальоне народного ополчения в Мотовилихе коммунист Михаил Мацута, сам отличный лыжник, готовил для фронта лыжников-разведчиков. Среднего роста, черноволосый и смуглый, внешне он походил на цыгана. Всегда был в хорошем настроении, любил шутку. Таким я его знал и на заводе, и на фронте.

Память хранит немало различных эпизодов. Хочется рассказать еще о двух из них.

Испытаний выпадало на нашу долю немало, но ничего так не потрясло нас, как случай на немецкой земле. Полк

был на марше и задержался у переправы. Здесь фашистские самолеты предприняли бомбежку нашей колонны. И вдруг до нас дошла потрясающая весть: исчезло полковое знамя! Потемнели лица бойцов. Нет знамени — нет полка; утрачено знамя — расформируется часть. Что же произошло?

Обычно на марше знамя полка возили в машине командира. И на этот раз вместе с командиром полка гвардии подполковником В. К. Зылем и его адъютантом находился в машине знаменосец сержант Цыба. Подполковник ушел на переправу. Откуда-то немцы выпустили снаряд, и угодил он в командирскую машину. От взрыва на дороге остались лишь покореженные крылья машины. Бродил вокруг оглушенный и контуженный сержант Цыба. Его мы спрашивали:

— Цыба, где же знамя полка?

Сержант мотал головой, никого из нас не узнавал.

— Цыба! Мы же свои, из минометного, — кричали ему под ухо солдаты.

В санитарную машину Цыба идти отказался. Вернулся командир полка. Батареи одна за другой переправлялись через реку и уходили на северо-запад. Вдруг Цыба закричал и бросился в сторону. Вдалеке он заметил ящик. В нем на марше Цыба и хранил полковое знамя. Ящик выбросило взрывом. Достали знамя, развернули и насчитали восемь больших рваных пробоин. Все были безмерно рады, что гвардейское знамя, пусть и израненное, но было с нами.

А вот еще эпизод.

Майским утром наша батарея после большого и стремительного марша из-под Берлина оказалась на окраине Праги. Развернулись недалеко от автомобильного завода. Стоим возле двухэтажного каменного дома. Открылась дверь, и к нам вышла немолодая женщина. Вздолбанная, вытирая слезы и улыбаясь, она поздоровалась с нами:

— Здравствуйте, дорогие товарищи! С прибытием вас...

Сказала это на чистом русском языке. Мы удивились. Окружили женщину, интересуемся: откуда она знает русский язык?

— Да я же с Урала! Есть такой город — Пермь... Пермь я! Может быть, знаете город на Каме...

Удивлению нашему нет границ. Вот те и раз! Землячку повстречали!

И вот сидим мы, батарейцы, за столом. Обед в честь земляков дал мастер автомобильного завода Франтишек Дворжак. Оказывается, не только его жена — наша землячка. Франтишек Дворжак тоже вроде бы пермяк. Было это в первую мировую войну. Не захотел чех проливать братскую кровь, воевать за интересы немецко-австрийских империалистов и вместе с другими чехами и словаками перешел на сторону русских. Франтишек Дворжак оказался в Перми. После войны работал на одном из пермских заводов. Встретил и полюбил девушку с Камы, женился. В 1926 году увез жену и детей на свою родину, в Прагу. У них три дочери и сын.

Подняли минометчики чарки за День Победы, за новую Чехословакию, за встречу земляков. Хорошо погостили. После ликвидации немецкой группировки, по возвращении полка в Прагу еще раз побывали минометчики у Дворжаков. Обменялись адресами. Переписывался я с пражскими земляками, получал поздравления, а больше встретиться не пришлось...

Вспоминая былое, не могу не отметить огромного значения нашей постоянной связи с заводской партийной организацией. Мы сообщали на завод о боевых делах, рассказывали о героизме и мужестве пермяков-минометчиков. Нам с завода писали о трудовых подвигах. Весточки из родного города, со своего завода окрыляли нас, солдат, звали на ратные подвиги.

Литературная запись М. Моценка

А. А. Андреев - НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Алексей Андреевич Андреев родился в 1917 году в Пскове. В начале Великой Отечественной войны работал в органах НКВД. В марте 1943 года ушел добровольно в ряды Советской Армии и служил до конца войны в 299-м гвардейском минометном полку вначале командиром минометного расчета, а затем старшиной батареи. В полку был принят в члены КПСС. Сержант А. А. Андреев награжден орденами Отечественной войны I и II степеней и четырьмя медалями. Прослужив в Советской Армии и органах милиции 26 лет, А. А. Андреев вышел на пенсию. Теперь он работает инспектором по кадрам автохозяйства № 6 Пермского автоуправления.

Передо мной лежит небольшой пожелтевший листок бумаги. Он мне очень дорог и хранится в сокровенной папке, где собраны мои фронтовые документы. На листке написано:

«Отличившемуся в бою

Командиру миномета гвардии младшему сержанту Андрееву Алексею Александровичу.

При форсировании мощной водной преграды реки Одер Ваш расчет

первым из дивизиона на руках перекатил по льду по доскам миномет на другой берег.

Желаю Вам и в дальнейшем действовать так же решительно и смело.

Родина никогда не забудет Ваш подвиг.

Командир дивизиона гвардии капитан Лапчук. 1 февраля 1945 года».

И когда я читаю этот дорогой для меня документ, та передо мной до мельчайших подробностей вырисовывается картина форсирования Одера, упорный и тяжелый бой на противоположном берегу. Вспоминается и весь нелегкий боевой путь полка: сражение на Орловско-Курской дуге, бои за Каменец-Подольск и Львов, форсирование Вислы.

Мы с тяжелыми боями пробивали дорогу на запад, к Берлину, чтобы там водрузить знамя победы. Мы шли по пятам фашистов и своими глазами видели разрушенные и сожженные города и села, вырубленные и уничтоженные сады. Мы видели трупы детей, сброшенных в колодцы, мирных жителей, повешенных и приколотенных к столбам. И все это было делом рук фашистских варваров, которые огнем и мечом хотели установить на нашей земле так называемый новый порядок.

Священная ненависть к гитлеровским захватчикам вела нас в бой. Кровь и слезы советских людей, пепелища сел и городов звали к отмщению. Вот почему наши минометчики не давали пощады гитлеровцам, бились с ними насмерть. И мы дошли до немецкой земли, откуда свалилась на наш народ тяжелая, кровавая война.

...Предстоит форсировать Одер. Но какая она — эта река Одер? Такая же, как наша Кама? Глубже, шире? Никто об этом не знал. Понимали только одно: бой за плацдарм на противоположном берегу будет упорным и ожесточенным.

Машины скользнули в полосу тумана, который с каждой сотней метров становился все гуще и гуще.

— Кажется, скоро Одер, — поеживаясь от утреннего холода, проговорил наводчик Борис Устьянцев.

— Похоже на это, — ответил заряжающий Георгий Некрасов и приподнялся с минных ящиков.

Грохот артиллерийской канонады становился все отчетливее. В промежутках между взрывами снарядов гулко стучали пулеметные очереди. Бег наших машин замедлился. Вот они совсем остановились, когда неожиданно оказались на опушке леса.

— Одер, — крикнул кто-то, и все начали спрыгивать с машин.

Над рекой туман уже рассеялся, и мы видели, как местами поверх льда утренний ветерок гонит воду из полыней, образованных разрывами снарядов.

— Худо, — сказал Борис Устьянцев, когда увидел, что лед ненадежен. — Как будем форсировать реку?

Этот вопрос сразу же возник у каждого из нас. Не помню, кто-то высказал мысль: сучьев и хворосту набросать на лед. Лес рядом, и мы быстро наломали сосновых сучьев. Только настил получился не особенно надежный. Хорошо, что поблизости было какое-то строение. В момент солдаты разобрали его, и тесовые доски легли на наш хвойный настил.

Быстро отцепили миномет от машины. Прикрепили толстую палку к кольцу дышла. Так удобнее тащить установку. Воспользовавшись паузой (вражеский пулеметчик, видимо, перезаряжал ленту), выкатываем миномет на доски. Взялись за дышло вдвоем с Некрасовым.

Одна у нас мысль в голове — только вперед, только быстрее зацепиться за левый берег. А следом за нами, таща на плечах по две пудовые мины, шли Устьянцев, Макаров, Теплоухов и многие солдаты дивизиона. И каждый тащит по паре мин, чтобы обеспечить нас боеприпасами.

Вот и берег. Установили миномет перед широким развесистым дубом. Действую сам и за командира расчета и за наводчика, а Георгий Некрасов помогает. Самое главное сейчас — подавить пулемет, который замаскирован где-то на опушке леса. Мин двадцать выпустили и подавили тот крупнокалиберный пулемет. Под прикрытием нашего огня переправились через Одер и другие расчеты.

Вот в гул боя ворвался вой пикирующего самолета. Глянули в воздух — на нас нацелился истребитель. Он ударил по нашей огневой из пушек и пулеметов. И так повторялось несколько раз. Спас нас старый развесистый дуб. Мы скрывались за его стволом.

Как только самолет удалялся, расчет бросался к миномету и снова вел огонь по врагу.

Неприятельские автоматчики пытались атаковать нашу огневую позицию. Тогда мы пускали в ход автоматы и гранаты.

Так продолжалось целый день. Но мы стояли насмерть. Каждый понимал, что отступить некуда, позади Одер и мы должны во что бы то ни стало удержать плацдарм.

Общими усилиями танкистов, мотострелков, минометчиков плацдарм на Одере был отвоеван. Впереди был Берлин!

Литературная запись С. Мокроусова.

Б. И. Макаровский - НАШ ПУТЬ ПРОШЕЛ ЧЕРЕЗ БЕРЛИН

Борис Ильич Макаровский родился в 1925 году в Киевской области. В первые же месяцы Великой Отечественной войны эвакуировался в Пермь и работал механиком сборочного цеха на телефонном заводе. В марте 1943 года добровольно ушел в ряды Советской Армии и служил до конца войны радистом в 299-м гвардейском минометном полку. Сержант Б. И. Макаровский награжден орденом Отечественной войны II степени и семью медалями. В

настоящее время он — начальник цеха на Пермском телефонном заводе. Здесь он вступил в члены КПСС.

...Много уткло времени, многое забылось, но первый день Великой Отечественной войны отложился в памяти до самых мельчайших подробностей. Может быть, потому, что 22 июня 1941 года стало началом нашей юности, мы перестали быть мальчишками.

Воскресным утром, как обычно, собрался в Доме пионеров наш радиокружок. Мы изучали радиотехнику, мастерили рацию. В полдень по радио узнали тревожную весть: на нашу Родину напали гитлеровцы. Назавтра мы, мальчишки, с замиранием сердца ждали в военкомате ответа. Каждый еще вчера решил, что наше, радистов, место на фронте. Старший лейтенант серьезно смотрел на нас. Не смеялся и не удивлялся, а сказал просто:

— Учтем ваше желание. Когда понадобится — вызовем. А пока, ребята, нажимайте на учебу...

Мы ждали вызова каждое утро. Наконец нас вызвали и направили в... ремесленное училище. Учиться не пришлось: все мы выехали за город на рытье противотанковых рвов и траншей. К родному Днепродзержинску рвались фашисты.

В декабре 1941 года, после долгих дорожных мытарств, я оказался в Перми. Сестра, выпускница Пермского университета, работала на телефонном заводе, эвакуированном из Ленинграда. Она и привела меня на завод. Телефонный разместился в цехах конфетной фабрики, и везде сладко пахло. Работал я на сборке полевых телефонов. Свое шестнадцатилетие встретил на заводе в должности механика цеха. Многие сборщики и сборщицы были моими сверстниками и даже младше. Иногда казалось, что приходишь не на завод, а в школу. Обеденные перерывы походили на большую перемену: ребята и девочки носились по двору, забывая, что они мастера и бригадиры.

Однажды дирекция завода получила указание сформировать бригаду и отправить ее в Москву, в распоряжение Главного управления связи Наркомата обороны. 6 ноября 1942 года заводской коллектив тепло проводил нас в путь. В Москве нашу бригаду объединили с еще такой же и направили в мастерские.

— Фронту очень нужны ремонтники телефонов. Поедете на Волгу. А пока тренируйтесь, — сказали нам в Москве.

Одни из нас умели паять, другие только наматывать провода, третьи — заделывать концы. Целиком отремонтировать, восстановить покореженный осколком или пробитый пулями телефонный аппарат мы самостоятельно не умели. Бригаду распустили, и всех вернули на заводы. Быть может, была и другая причина — уж больно молодо выглядели «фронтовики». Мальчишки и девчонки...

Работаем на заводе во фронтовых бригадах, соревнуемся, живем вестями с фронта и — мечтаем отправиться на фронт. И вот приятная новость: создается Уральский танковый добровольческий корпус. Записалось с телефонного человек полтора. Взяли только четырех: Владимира Комарова, Бориса Филимонова, Юрия Черепанова и меня. Мы, конечно, были счастливы.

Взять-то нас взяли, но долго не могли определить в часть. Уходили и возвращались мы на завод несколько раз. Наконец зачислили на курсы, готовившие шоферов для минометного полка. Через месяц закончили учебу.

Минометный полк получил от нашего завода собранные сверх плана добротные полевые телефоны. В полку создавалась мастерская по ремонту средств связи. Назначенного начальником мастерской воентехника я встречал не раз на нашем заводе: он принимал готовые телефоны. Повстречав меня, пригласил к себе и устроил чуть ли не экзамен. Вскоре я оказался на должности радиомастера.

Свою боевую историю минометный полк начал с Курской битвы. Развернулась она совсем близко от родных мест Украины. По всему фронту шла слава об Уральском танковом добровольческом корпусе. Я мечтал, что в свой родной город войду вместе с уральцами.

Мои товарищи по полку, пермские минометчики, восхищали меня своей отвагой и самоотверженностью, мужеством и удивительной выносливостью. Силу их огня не раз испытали фашисты на своей шкуре. Танкисты и мотострелки постоянно чувствовали огневую поддержку минометчиков. А мы, связисты, старались обеспечить минометные батареи бесперебойной связью. Не помню случая, чтобы радиостанции подводили минометчиков. И радисты были смелые, толковые, знающие, и аппараты всегда были в готовности.

Война есть война, и как бы радист ни укрывал рацию, а бывали повреждения. Всякий раз, какого бы труда это ни стоило, радики ремонтировались, и снова в эфир неслись позывные. По инструкции радиомастеру положено находиться в тылу полка. Начальник связи старший лейтенант Дайнего сказал:

— Инструкция — инструкцией! В бою или на марше повредило рацию. Не тащить же ее в мастерскую? Перебирайся, Макаровский, во взвод управления. Отсюда будет ближе к дивизионам. Ремонтировать радики будешь на месте.

Прав оказался старший лейтенант Дайнего. В Каменец-Подольске вышла из строя полковая рация. Обстановка

была сложная. Части корпуса наступали на город с запада, совершив глубокий обход противника с тыла. Где же было искать радиомастерскую, да и некогда. Разобрали мы с радистом рацию, заменили поврежденные детали, использовали кое-что трофейное. Помню, ремонтируем рацию, а рядом рвутся снаряды, самолеты вражеские бомбят. Починили так, что действовала наша полковая хорошо почти до самого конца войны.

Правда, с полковой рацией произошло еще одно приключение. Было это у самого Одера. На марше неуклюжий танк, пытаясь обогнать машину с полковой рацией, откромсал переднюю ось с колесом. В машине, кроме полковой рации, есть еще и резервная, мощный приемник, запас питания для раций дивизионов. Исчерпав все острые слова в адрес неуклюжего танкиста, начальник связи приказал:

— Оставайся, сержант, с машиной. Найдешь ось, заменишь, догоняй полк...

Легко сказать: «найди», «замени», «догони». Где найти полевою авторемонтную мастерскую, когда все в движении, на марше? Машину с дороги втащили в первый же попавшийся двор. Вскоре на улице все стихло. Если бы не развороченная танками земля и глубокие воронки от бомбежек, ничто бы не напоминало, что здесь прошел танковый корпус. В деревенской глуши мы остались вдвоем с шофером. Где же взять ось для машины, да еще иностранного происхождения?

Мы отправились на поиски. Нашли неподалеку от деревни поврежденные машины. С трудом разобрали одну. Притащили ось, а она не подошла. Снова отправились на поиски. Ремонтировались днем, а ночью занимали круговую оборону. Деревня была немецкая, кругом немцы. Ось сменили, кое-что еще пришлось ремонтировать. Где сейчас наш минометный? Полковая рация действовала в радиусе 70 километров. Настраиваюсь на полковую волну. Не слышно родных позывных, не слышат и нас.

Вечером включили приемник и настроились на Москву. Не может быть, чтобы Москва не подсказала нам адреса. Обязательно упомянут в сводках Совинформбюро наш Уральский танковый. Услышали назавтра. Говорит Москва! Левитан читал приказ Верховного Главнокомандования, благодарность войскам, в том числе благодарность корпусу генерала Белова. Диктор передает названия населенных пунктов, занятых нашими частями. Распрощались мы с хозяевами. Оказались они в общем неплохими людьми, только запуганные фашистами. На полной скорости понеслись вперед.

Гитлеровцы отчаянно цеплялись за каждый рубеж. За немецким городком Люббеном 10 февраля 1945 года на наши позиции германские самолеты налетали каждые полчаса волнами, по девяносто — сто самолетов. И надо же случиться — получил ранение в голову. Это означало, что меня могут отправить далеко в тыл. В Винциге находился наш полевой госпиталь. Раненые минометчики старались держаться поближе, если, конечно, ранение не было тяжелым. Всякими правдами и неправдами пробирались на свои батареи. В Винциге стояли тылы нашего корпуса. Минометчики не спускали глаз с базы снабжения боеприпасами. И вот появились автомашины — наши, минометного. Погрузив мины, водители прихватили и однополчан...

Фронтовая жизнь солдатская знала не только бои и сражения. Когда выдавалась минута затишья, дружили гвардейцы с песней, шуткой, музыкой. Концерты они могли слушать часами. Еще в Брянском лесу, когда корпус после боев на Курской дуге стоял в резерве, у нас в полку возник ансамбль песни и пляски. Душой и организатором его явился старший лейтенант Яхнес. Он увлек многих минометчиков. Сочиняли сами и слова и музыку. Всем запомнился большой концерт ансамбля под Новый год. В клубе-блиндаже собрался почти весь полк. Два с половиной часа шел наш концерт. Вскоре ансамбль стал известен в корпусе, в армии. Отлично играл на баяне наводчик Владимир Терентьев. Виктор Гофман, неистощимый выдумщик и весельчак, мастерски копировал Гитлера. В паре с воспитанником полка Володей, игравшим Геббельса, они были «коронным номером» программы ансамбля. Вести концерты поручалось мне, и это всегда доставляло огромное удовольствие.

Любили в полку радиста Ваню Филина за отвагу и смелость, а также за его песни. Статный, крепко сложенный, русоволосый, настоящий русский молодец, о котором сложил столько песен народ. Особенно всем нравились «Коробейники». Исполнял песню Ваня Филин блестяще, широко, раздольно. Минометчикам казалось, что перед ними раскинулись родные русские просторы и вовсе это поет не солдат в гимнастерке, а удалой молодец в кумачовой рубахе, пришедший на свидание с милой. Умел Ваня Филин песней затронуть душу солдата. Всегда «Коробейников» он исполнял на «бис». Расходились минометчики после его песен взволнованные, приподнятые.

Был Иван Филин радистом командирской рации. Подполковник Герой Советского Союза Василий Константинович Зыль, наш комполка, любил отличного, исполнительного и жизнерадостного радиста. 10 февраля 1945 года за Люббеном, во время воздушного налета оборвалась жизнь Ивана Филина. Отправив меня в медсанбат, сам он погиб через несколько часов.

Всякий раз когда слышу «Коробейников», передо мной встает образ Ивана Филина на солдатской сцене. С душой и огоньком поет радист, затаив дыхание, слушают его минометчики. Светлеют их лица, загораются глаза...

Ансамбль минометчиков удивлял солдат и офицеров новыми песнями. Вспоминаю, сидим мы у радиоприемника: наводчики Владимир Терентьев, Виктор Гофман и я. Радиоприемник настроен на Москву. Ждем концерт. Обязанности у нас строго распределены. Москва передает фронтовую песню: один запоминает мелодию, двое записывают слова. А назавтра в полку уже звучит новая песня. Однажды ансамбль исполнил песню, написанную В. Гофманом и В. Терентьевым. Сразу же полюбили слова и музыка. Песня стала маршем пермских минометчиков. Ее слышали в городах и

селах Украины, в Польше, в Германии, в столице Чехословакии — Праге, на дорогах Венгрии. Вот слова из этой песни:

С заводов, шахт, с родных полей колхозных,
С великой Камы-матушки реки
Седой Урал в дни испытаний грозных
Прислал на фронт геройские полки.

Эх ты, песня, подруга моя.
Ты лети на Урал, как стрела.
Расскажи, что ходит слава по войскам —
Минометчик — это смерть врагам!

После взятия Берлина последний куплет мы переделали. Раньше пели:

Не посрамим традиции Урала,
Гвардейской славы мы не посрамим,
Нас в бой страна как мстителей послала,
Наш путь домой лежит через Берлин.

В Чехословакии и Венгрии минометчики пели: «Наш путь домой прошел через Берлин».
И теперь, двадцать лет спустя, нет-нет и вспомнишь песню нашу боевую пермского гвардейского минометного...
Литературная запись М. Моценка

А. В. Новоселов - В ГОСТЯХ У ФРОНТОВИКОВ

Андрей Васильевич Новоселов родился в 1913 году в Кировской области. Еще до войны переехал в Пермь и работал на заводе имени Дзержинского слесарем, начальником отдела технического нормирования, секретарем парторганизации сборочного цеха. От коллектива завода был послан с делегацией на фронт в 299-й гвардейский минометный полк. Делегация пермяков доставила воинам эшелон с оружием, боеприпасами и подарками. После войны Андрей Васильевич окончил Высшую партийную школу и находился на партийной работе на заводе имени Дзержинского, в райкоме партии, а сейчас — инструктор промышленно-транспортного отдела Пермского ГК КПСС.

В начале осени 1943 года и в городе, и в области у нас побывали дорогие гости — делегация гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса, посланцы наших земляков, сражавшихся на Украине. Фронтовики побывали на многих предприятиях, были на шахтах Кизела и, тепло встречаясь с тружениками тыла, вручали им боевые задания от имени уральских танкистов. Группа гвардейцев во главе с Мацутой посетила и Мотовилихинский завод. Фронтовики в беседах с рабочими рассказывали о боях, в которых участвовали уральцы, о жизни корпуса, благодарили за самоотверженный труд, помогающий им побеждать в нелегкой борьбе с фашистами.

тами.

Сразу после приезда фронтовиков было решено отправить в действующую армию ответную делегацию трудящихся города Перми. Я работал тогда секретарем партбюро сборочного цеха завода имени Дзержинского и был очень рад оказаться в этой делегации. От комсомольской организации Мотовилихи был послан Алексей Обыденнов. Добилась разрешения ехать вместе с делегатами и Зоя Петровна Леденцова. В корпусе служил ее сын Владимир. А возглавлял нашу группу парторг ЦК одного из эвакуированных в Пермь научно-исследовательских институтов Иван Моисеевич Шарманов.

Боевые задания наших бойцов-земляков были успешно выполнены — мы везли на фронт эшелон с оружием и боеприпасами. И, конечно, целых пять вагонов подарков, да еще каждый член делегации — по связке писем воинам от родных и знакомых, а в душе — тысячи приветов, тысячи добрых пожеланий побед и здоровья.

Пропуска мы получили до Брянска, где предполагали встретить части корпуса. До Москвы доехали хорошо, спокойно, а дальше, примерно от Тулы, шла только одна колея, поэтому пробираться нашему составу было очень трудно. В Брянске уральцев не оказалось. Иван Моисеевич связался с комендантом города, и пропуска нам продлили до Киева.

Дорога была ужасная, кругом все разбито. Поезд двигался очень медленно, иногда останавливался прямо в поле и простаивал часами. В Брянске к нам подсели, чтобы добраться до Киева, несколько связистов и минометчиков из корпуса.

Пропуска-то мы продлили, а вот продукты не рассчитали: думали, до Брянска только понадобятся. Пришлось нам потом заходить в деревни, встречающиеся по дороге. Но хозяйства колхозников были настолько разорены, что достать хоть что-нибудь не представлялось никакой возможности.

...Очень долго пришлось стоять перед самым Киевом. Мост через Днепр был взорван, а по временной переправе пропускали медленно. Впереди нас ждали своей очереди еще семь эшелонов.

В Киеве нам назвали место, где расположились части корпуса, позвонили из комендатуры в штаб. Среди тех, кто приехал нас встретить, были капитан Тарасов и старшина Буторин из минометного полка, в распоряжение которого нас и привезли.

Уральцы стояли километрах в семидесяти от украинской столицы, в небольшом городке Василькове. Части корпуса после боев находились на отдыхе. Приехали мы к ним ночью и только на другой день пошли по-настоящему здороваться, знакомиться с офицерами и солдатами полка. Командование полка организовало вечер встречи бойцов с нашей делегацией. Надолго запомнились нам рассказы земляков о путях, пройденных добровольческим танковым корпусом. Особенно интересным был эпизод о том, как однажды советские войска долго не могли выбить фашистов из крупного населенного пункта и как показали себя в боях за него уральцы-добровольцы: они отбросили врага почти на 25 километров, и целая армия смогла двинуться в прорыв, развивая дальнейшее наступление.

Потом мы трое — Шарманов, Обыденнов и я — разъехались в разные части, чтобы быстрее и удобнее было раздать бойцам присланные из тыла подарки. Зажигалки, любовно вышитые кисеты, платки, конверты, карандаши, бумага, одеколон — все это было разложено по пакетам и вручено каждому. И многим — письма. Я помню, как только на заводе узнали о том, что кто-то едет на фронт, сразу же потянулся народ в партком:

— Разыщите, передайте, расскажите...

Письма передавали, записочки, кто — на словах что-нибудь. Я потом дня три разыскивал всех своих адресатов, чтобы передать им весточку от матери, сестры или жены. И надо было видеть, как светлели лица бойцов, какое радостное возбуждение царило в маленьком украинском городке в это время! Очень приятно было встретить так далеко от дома знакомых. Саша Колчанов, работавший прежде мастером на Мотовилихинском заводе, стал теперь комсоргом минометного полка. Разведчиком был сосед Леденцовой Вадим Ячейкин.

Его она встретила случайно. Ходила к бойцам и увидела: солдаты стирают белье, а среди них — знакомая стриженная голова. Еще бы не узнать! Провожали-то их с Владимиром вместе, и родителей Ячейкина Зоя Петровна тоже хорошо знала: жили почти рядом, работали на одном заводе.

Боец оглянулся.

— Здравствуйте, тетя Зоя! — И от радостного волнения оба — чуть не в слезы. Сказал только: «Вот видите, стираю...».

— Ты письмо домой напиши.

— Обязательно напишу, тетя Зоя!

Делегаты Пермской области среди минометчиков-земляков.
Крайний слева в первом ряду — А. В. Новоселов.

Письмо это соседям Леденцова привезла, только вскоре после того Ячейкины получили с фронта еще одну весть — страшное сообщение о смерти Вадима. Погиб Саша Колчанов и еще многие из славных пермских ребят.

С бойцами разговаривали много, подолгу. Нам было интересно, как живут они, как воюют, не нуждаются ли в чем. А бойцы, кто бы это ни был — разведчики, минометчики, танкисты, — жадно спрашивали:

— Ну, как там наши?

На этот вопрос, в котором слышались и тоска по близким, и беспокойство за их судьбу, желание узнать, как они переносят трудности военного времени, мы, не договариваясь, отвечали одинаково:

— Все в порядке, дорогие! Все хорошо! Мы там сыты и здоровы. Работы, конечно, много, но ведь война скоро кончится, и снова все будем вместе.

Не хотелось волновать нашими тыловыми бедами тех, кто каждый день и час рисковал за нас жизнью. Бойцы писали письма, передавали их с нами.

— Так надежнее, чем полевая почта, — шутили они.

Зою Петровну Леденцову поместили вместе с сыном, выделили просторную комнату, приносили домой обед. Деревушка, где расположились разведчики, чудом сохранилась хорошо. Местные женщины (все мужчины из села были в армии или партизанских отрядах) очень приветливо относились к воинам-уральцам и нам, их землякам, несли то же исключительное тепло. Так что все время, которое делегация пробыла в гостях у фронтовиков, мы чувствовали огромное радушие со стороны всех, с кем встречались. :

Были мы, помню, с Шармановым и еще одним минометчиком в соседнем селе, зашли в хату. Как трогательно, от души приняла нас пожилая хозяйка! Плачет, по дому хлопочет, а дочь, дивчина лет семнадцати, ей помогает. Из села только что фашистов выкурили, а наши украинки невесть откуда молоко, творог, картошку на стол несут. Как освободителей нас встретили. А еще вернее — принимали за своих родных, за отца и брата, которые воюют и не известно, живы ли...

Солдаты-минометчики, у которых устроился Алексей Обыденнов, тоже жили по три — пять человек в хате. Соседом Обыденнова по квартире был гвардии старший лейтенант Яхнес, прекрасной души человек. Солдаты его очень любили. Офицер и Алексей крепко подружились за то время, пока мы жили в полку. Вместе с Яхнесом ездил Обыденное на экскурсию в Киев. Страшное это было зрелище: разрушенный Крещатик, выжженные сады, черные развалины красавца города.

Мы очень быстро привыкли к распорядку жизни в полку, ходили с бойцами всюду.

А однажды ночью — это было в первые дни нашего пребывания в полку — делегатов принял генерал Родин. Штаб корпуса был расположен километрах в восемнадцати от Василькова, ближе к линии фронта. Туда и повез нас ночью командир минометного полка. Часа в два встретились мы с Родиным. Генерал еще не оправился после ранения, полученного на Брянщине, где до этого воевал корпус. Видно было, что он изрядно утомлен, но принимал нас необычайно приветливо. Подробно расспрашивал о боевой технике, которую мы привезли, о жизни в тылу, о первых наших впечатлениях от минометного полка...

А когда кто-то из нас, по-моему Алексей, спросил: «Домой нас скоро отправите?», генерал даже пошутил:

— Будете домой проситься — всех зачислю в корпус и станете вместе с нами воевать...

Проситься домой, конечно, из нас никто не собирался. Мы и воевать-то согласились бы все немедленно, но кому-то надо было делать оружие и трудом нелегким, истинно боевым ковать победу в тылу. Близился день возвращения туда, в тыл. А все-таки наступил он несколько внезапно.

Проснулся Алексей Обыденнов ночью: нет соседа-офицера.

— Где старший лейтенант?

— Вызвали срочно в штаб.

Глянул в окно: на улице какая-то суматоха. Не паника, конечно, а только заметно, как быстро выходят из хат солдаты. Вот машины загудели... Пришел Яхнес.

— Давай, Алеша, собирайся, поезжай в штаб корпуса. Придется, видно, вам без прощального ужина уезжать. Приказ поступил сниматься с места, двигаться дальше.

А мы уже тоже поднялись — шум на улице поднял бы любого. Алексея послали получать продукты на дорогу, а сами отправились оформлять документы. В штабе нам сказали:

— Сегодня артисты едут. Вот с ними вместе и поезжайте.

Проститься с бойцами нам так и не пришлось. Под Шепетовкой начиналось большое наступление. Из штаба корпуса на машинах мы выехали в Киев, а оттуда в одном поезде с делегацией свердловчан — в основном это были артисты — двинулись в обратный путь. До станции Дарница нас провожал товарищ из политотдела корпуса.

...У проходной своего завода я повесил объявление, чтобы те, чьи родные воюют в корпусе, собрались в парткоме. А многие и без объявления уже знали, что я вернулся. Люди (в основном это были женщины). приходили, забирали письма, которые я привез, жадно допытывались: живы ли, здоровы ли их отцы и мужья. И в вопросах их, в глазах я узнавал то же беспокойство, ту же великую заботу и печаль о близких, которую видел там, на фронте. И старался ободрить работниц:

— Воюют наши уральцы здорово, и надо только крепко работать, чтобы скорее дожидаться их домой с победой.

Литературная запись Э. Сычевой

ПЕРМСКИЕ МИНОМЕТЧИКИ Сборник

Составитель **И. А. Кондауров**, Герой Советского Союза. Справочный материал подготовлен И. А. Кондауровым
Редактор подполковник в отставке **Д. И. Глушков**.

Художник **П. А. Старков**, художественный редактор

В. В. Вагин, технический редактор Г. В. Пайдушева,

корректор **Л. К. Крамаренко**.

Подписано к печати 30 IX 1964 г. Формат бум. 84X108¹/₃, 2,25 б. л., 4,5 п. л. (усл.-прив. 7,38),

уч.-изд. 6,822 л. ЛБ02511. Тираж 5000 экз. Цена 20 коп.

Пермь, типография 2-я управления по печати. Зак. 1207.

Отзывы и пожелания Пермское книжное издательство просит направлять по адресу:

г. Пермь, ул. К- Маркса, 30.

ПРОЧТИТЕ ЭТИ КНИГИ

«Отчизны верные сыны. Пермь — Герои Советского Союза» — так называется недавно вышедшая в свет книга, в которой опубликованы документальные очерки о наших земляках, удостоенных высшего отличия — звания Героя Советского Союза. Их в нашей области более ста шестидесяти и о ега сорока четырех повествует эта книга, подготовленная к печати коллективом авторов. Пламенная любовь к Советской Отчизне, лютая ненависть к врагам, верность воинскому долгу — вот что было в основе героических подвигов наших воинов-земляков, мужественно и умело сражавшихся за честь и свободу своей Родины. (1964 г., 468 стр. Цена 98 коп.).

* * *

«Пермская танковая бригада». В этой книжке публикуются воспоминания бывших воинов Пермской танковой бригады, которая в годы минувшей войны была сформирована из добровольцев нашей области и входила в состав Уральского добровольческого танкового корпуса. По дорогам войны она прошла почти четыре тысячи километров, и добрая половина из них — в жестоких боях. Бригада участвовала в Курской битве, в освобождении Львова, штурме Берлина. Боевые действия она закончила в Праге. Альый гвардейский стяг бригады украсили ордена Красного Знамени, Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого.

О боях и походах, о славных подвигах танкистов и повествует эта книжка. (1962 г., 150 стр. Цена 23 коп.).

* * *

«Записки военного переводчика» — эта книжка принадлежит перу военного журналиста С. М. Берникова. Автор в годы войны был переводчиком в стрелковой дивизии, участвовал в боях в Белоруссии, Прибалтике, а после войны служил в органах советской военной администрации в Германии. С интересом читаются очерки бывшего военного переводчика, рисующие облик солдат гитлеровской армии, повествующие о боевых буднях наших воинов. (1946 г., 134 стр. Цена 16 коп.).